
ОГОНЁК
№ 28 ИЮЛЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На строительстве нового здания Московского государственного университета. Сварщик-верхолаз В. А. Тупоров работает на южной часовой башне.
Фото Е. Умнова

На первой странице обложки: Лучший экскаваторщик строительства Каховского гидроузла Василий Митрофанович Житенев.
Фото Н. Козловского

ОГОНЁК № 28 (1309) 6 ИЮЛЯ 1952

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Племя богатырей воздуха

Воздушный бой. Полеты планеров. Выброска парашютного десанта. Индивидуальный и групповой пилотаж...

Кто из москвичей и гостей Москвы, кому хоть раз посчастливилось побывать на Тушинском аэродроме в день воздушного парада, не запомнит на долгие годы это изумительное зрелище! Кто забудет мгновение, когда большая группа самолетов, словно спаянных между собою невидимой стальной нитью, появляется над аэродромом и в небе возникают слова, которые живут в сердце каждого советского человека:

Слава Сталину!

Сталинская авиация — любимое детище нашего народа. Наша страна — родина воздухоплавания и авиации. С древнейших времен русские люди в легендах и сказках наделяли своих героев даром покорять воздушную стихию. И народная мечта стала явью! На 52 года раньше, чем на Западе, в России был совершен подъем на воздушном шаре. Первый в мире патент на самолет был получен русским ученым А. Ф. Можайским. Русская конструкторская мысль создала первые тяжелые многомоторные самолеты.

После Октября вожди большевистской партии и Советского государства В. И. Ленин и И. В. Сталин заложили основы нашего могущества в воздухе. За годы первой сталинской пятилетки были созданы новые отрасли народного хозяйства. «У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь», — заявил товарищ Сталин в 1933 году.

Выдающуюся роль сыграли Военно-Воздушные силы в Великой Отечественной войне, особенно на завершающем ее этапе. В боях за Берлин одновременно участвовали 8 400 наших самолетов. Из 80 тысяч самолетов, построенных гитлеровцами в последние 3 года войны, 75 тысяч были уничтожены сталинскими соколами. Свыше 2 тысяч летчиков, штурманов, воздушных стрелков получили за время Отечественной войны звание Героя Советского Союза, 63 из них вручены две медали «Золотая Звезда», а двум — по три медали «Золотая Звезда». Это — подлинное племя богатырей воздуха!

В нашей стране широко развит авиационный спорт. В аэроклубах и на планерных станциях юноши и девушки овладевают сложным искусством пилотирования; здесь готовятся планеристы, парашютисты, авиамоделисты. 25 мировых и 54 всесоюзных рекордов только за один 1950 год установили молодые советские авиамоделисты.

Народ назвал нашу авиацию сталинской. Нет ни одного самолета и мотора новой конструкции, которые товарищ Сталин не осмотрел бы в проекте, в модели или в натуре. Товарищ Сталин глубоко вникает в развитие авиационной техники, воспитывает летные кадры, учит, как они должны повышать свое мастерство, по-отечески направляет их. «Должен признаться, — говорил товарищ Сталин, — что я люблю летчиков. Если я узнаю, что какого-нибудь летчика обижают, у меня прямо сердце болит. За летчиков мы должны стоять горой».

Советские летчики отвечают товарищу Сталину пламенной любовью, оправдывают высокую честь называться сталинскими соколами.

ОНИ ГОТОВЫ К УЧАСТИЮ В ВОЗДУШНОМ ПАРАДЕ. Слева направо: летчики-спортсмены студент пятого курса МАИ Константин Кабатов и студент третьего курса Московского нефтяного института Михаил Поклонов.

Фото В. Тюккеля

Крылья молодежи

С. КАНЕВСКИЙ

Фото О. Кнорринга

Дело прошлое, и теперь можно открыть тайну Евгения Ипатова. В аэроклуб ДОСААФ он вступил, не предупредив мать. Впрочем, чуткая Серафима Ивановна, учительница по профессии, умеющая читать сокровенные мысли детей, знала: это неизбежно. Женя с ранних лет рисовал самолеты самых фантастических форм, перечитал об авиации решительно все, что сумел достать в библиотеках своего города.

И едва Ипатов перешел в десятый класс, что по правилам аэроклуба давало возможность подать заявление о приеме на курсы пилотов, он это сделал.

Опасения Евгения, когда он открылся матери, оказались напрасными. Серафима Ивановна примирилась со свершившимся фактом. Сама она ни за что на свете не решилась бы сесть в самолет, но что касается его, Евгения, пусть будет так: мать не намерена мешать.

1

Всю зиму по четвергам и воскресеньям Евгений посещал занятия в аэроклубе. Опытные пилоты, штурманы, техники, герои Отечественной войны, были учителями молодежи. Они помогли Евгению и его сверстникам изучить теорию полета, конструкцию самолета, мотор, основы воздушной навигации.

Позади—месяцы теоретического обучения. Наступила пора практических занятий на аэродроме. Этот день, большой день в своей жизни, Евгений Ипатов никогда не забудет. Одетый в новенький синий комбинезон, он по дороге на аэродром забежал к родным, чтобы сообщить радостную новость. Братишка Юра просто изнемог от зависти, а сестры Алиса и Юлия преисполнились гордости: их брат — почти летчик!

Мать напутствовала:

— Верю в тебя, Женя. Только, пожалуйста, там, в воздухе, поосторожней...

2

На аэродроме инструктор-летчик сказал:

— Курсант Евгений Ипатов! Вы учились старательнее всех. В знак поощрения начальник аэроклуба приказал вам первому отправиться в ознакомительный полет...

Товарищ помог ему надеть парашют.

3

Под крылом серебристой лентой вьется река, в которой Евгений любит купаться. Мелкими кудрями рассыпался лес, где он собирал ягоды. По дороге, поднимая пыль, ползут букашки-автомобили. Знакомая земля, по которой юноша ходил 17 лет, выглядит с высоты совершенно непонятной и волшебно красивой.

— Курсант Ипатов, запоминайте, что видите, — неожиданно услышал он в шлемофон спокойный голос инструктора. — Запоминайте подходы к аэродрому, характерные наземные ориентиры. Не упускайте ничего из виду. Будьте сосредоточенны. Тренируйте зрительную память... Как вы себя чувствуете, Ипатов?

Курсант Ипатов чувствует себя хорошо. Все же сердце стучит громко и, кажется ему, заглушает мотор.

Через 15 минут начальник аэроклуба принял рапорт:

— Курсант Евгений Ипатов по вашему заданию выполнил ознакомительный полет!..

Конечно, в авиации происходят события и более значительные, чем ознакомительный полет Евгения Ипатова с инструктором. Но юноша отдал рапорт с таким воодушевлением, словно он совершил без посадки перелет вокруг земного шара. Миллионы наших славных юношей хотели бы в тот чудесный день быть на его месте в учебном самолете «Як-18». Настоящая машина! Строгие обтекаемые формы, убирающиеся шасси, радиостанция...

4

Домой Евгений вернулся под вечер. Посыпались бесконечные вопросы. Особенно донимала его маленькая Юлия. Ей хотелось знать, что значит «взять ручку на себя», что такое «глубокий вираж». И Евгений терпеливо объяснял ей, жестом настоящего воздушного волка показывая «глубокий вираж».

* * *

Московский областной аэроклуб — один из многих в стране. Юноши и девушки — школьники, студенты, молодые рабочие, колхозники — все, кто здоров и смел, имеют полную возможность заниматься авиационным спортом. Советское государство всячески идет навстречу молодым патриотам, желающим, подобно десятикласснику Евгению Ипатову, изучить авиационное дело.

НАСТОЯЩИЕ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ

1. Любимые герои

В один из осенних дней 1946 года, когда на страницах журнала «Октябрь» была уже напечатана значительная часть «Повести о настоящем человеке», на квартире у автора раздался телефонный звонок.

— Здравствуйте, товарищ Полевой! Мне бы очень хотелось с вами встретиться,— послышался мягкий голос.

— Здравствуйте, а кто говорит со мной?

— Это Алексей Маресьев...

В тот же день писатель крепко сжимал в объятиях своего старого знакомого, летчика Алексея Петровича Маресьева, с которым встретился впервые после долгих лет войны. Перед ним сидел советский офицер, на груди которого сверкала Золотая Звезда.

Встреча эта внесла некоторые дополнения, о которых мы все узнали из послесловия. Стало известно, что летчик Маресьев уже после ампутации ног продолжал храбро воевать, участвовал в воздушных боях, сбил несколько вражеских самолетов из дивизии «Рихтгофен». Из послесловия читатель узнал: описанные события действительно произошли в годы Великой Отечественной войны с советским летчиком-истребителем Алексеем Маресьевым; многие герои «Повести о настоящем человеке» не выдуманы писателем, а живут среди нас.

Миллионы людей в нашей стране и за рубежом, познакомившись по книге и одноименному фильму с героями повести, искренне полюбили этих настоящих советских людей. Мы прониклись глубоким уважением к летчику Маресьеву, чье мужество потрясло своим величием весь мир; к Сереньке и Федьке — деревенским мальчуганам, нашедшим в лесу раненого летчика; к замечательному русскому деду Михайле, приютившему у себя Алексея Петровича; к Варе, сидевшей ночами у постели больного; к бабке Василисе, пожертвовавшей на суп для Алехи свою единственную курочку «партизаночку». Нам полюбились комиссар Семен Воробьев, хирург, многие боевые друзья Маресьева — все те, кто сопутствовал и помогал ему на трудном пути к подвигу.

Поэтому вполне объясним тот неослабевающий интерес, который по сию пору проявляют читатели к дальнейшей судьбе своих любимых героев. Что произошло с ними в дальнейшем? Как они живут, чем заняты?

2. Страницы биографии

Мы заходим в новый дом на улице Горького. Здесь живет Алексей Маресьев. Дверь открывает подвижной, бодрый, жизнерадостный человек. Он гостеприимно приглашает нас в свой рабочий кабинет. По просьбе многих читателей «Огонька» да, собственно, и по просьбе своих корреспондентов Алексей Петрович рассказывает обо всем, что произошло с ним после событий, описанных в повести.

Выйдя из госпиталя и вернувшись к летной работе, Алексей Маресьев участвовал в десятках воздушных боев. Первый его вылет после ранения, в июле 1943 года, принес ему новый успех. В короткой воздушной атаке он сбил два фашистских «Ю-87». На следующий день, участвуя в групповом бою, Алексей Маресьев сбил еще две вражеские машины. А всего на счету летчика одиннадцать уничтоженных фашистских самолетов, семь из которых он сбил после ампутации ног. За боевые подвиги советское правительство удостоило Алексея Петровича Маресьева звания Героя Советского Союза.

Любимому делу Алексей Маресьев посвятил и первые послевоенные годы. Работая инспектором одного из управлений Военно-Воздушных Сил, он передавал свой опыт молодым авиаторам, нередко и сам садился в кабину истребителя, восхищая бывалых летчиков высоким классом пилотирования. Некоторое время Алексей Петрович работал преподавателем. Обучая других, летчик усиленно занимался сам. В 1949 году майор в отставке Алексей Маресьев был принят слушателем Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). С присущим ему рвением взялся он за учение. Он занимался с таким же усердием, с каким когда-то строил город юности — Комсомольск-на-Амуре — и побеждал свой физический недуг после тяжелого ранения.

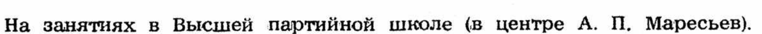
И вот теперь Алексей Маресьев сдает государственные экзамены.

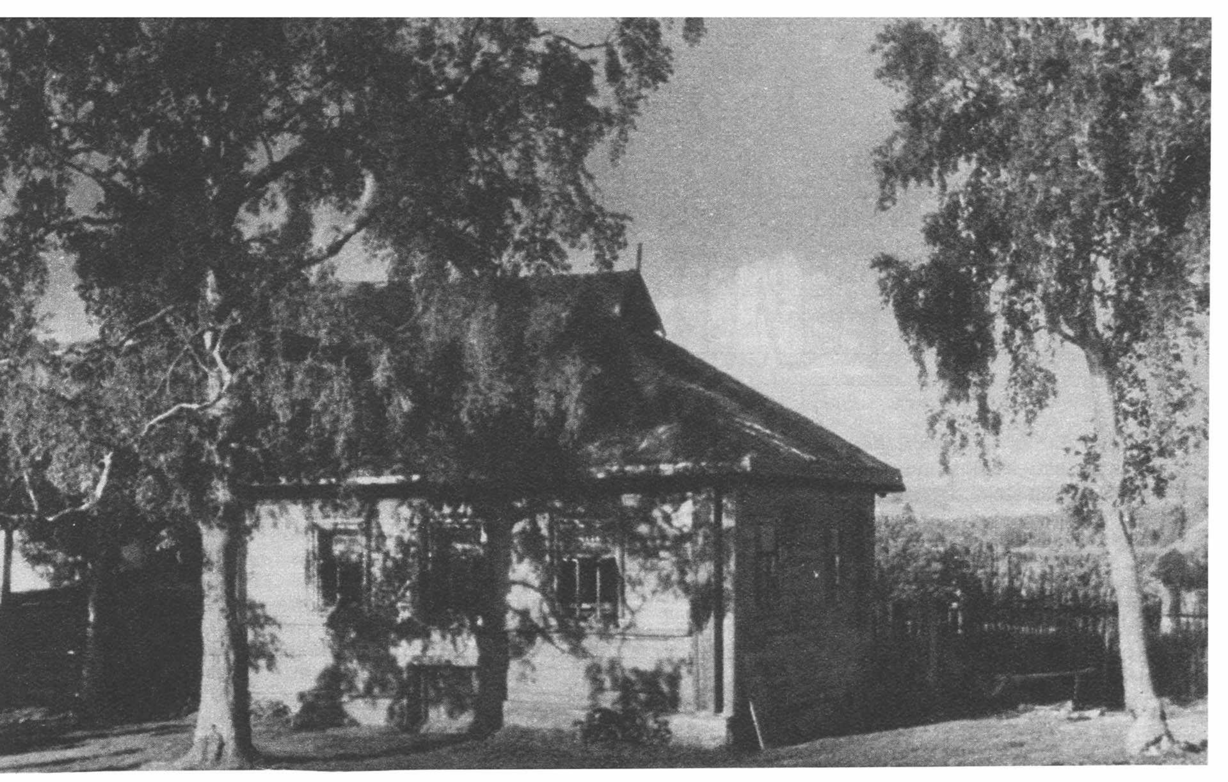
Мало свободного времени у Алексея Петровича, но, тем не менее, он постоянно поддерживает свою «спортивную» форму. Зимой он катается на коньках, совершает длительные лыжные прогулки. Летом Маресьева можно встретить на теннисном корте, за игрой в пинг-понг. Один из его любимых видов спорта — плавание. Как-то, отдыхая близ Куйбышева, Алексей Петрович менее чем за час переплыл Волгу.

В выходные дни Алексей Петрович вместе с шестилетним сыном Витей и женой уезжает за город, на дачу. Приятно утром перед завтраком поработать в садике! Увлекается бывший летчик и автомобильным спортом. Машину он водит сам, быстро и хорошо.

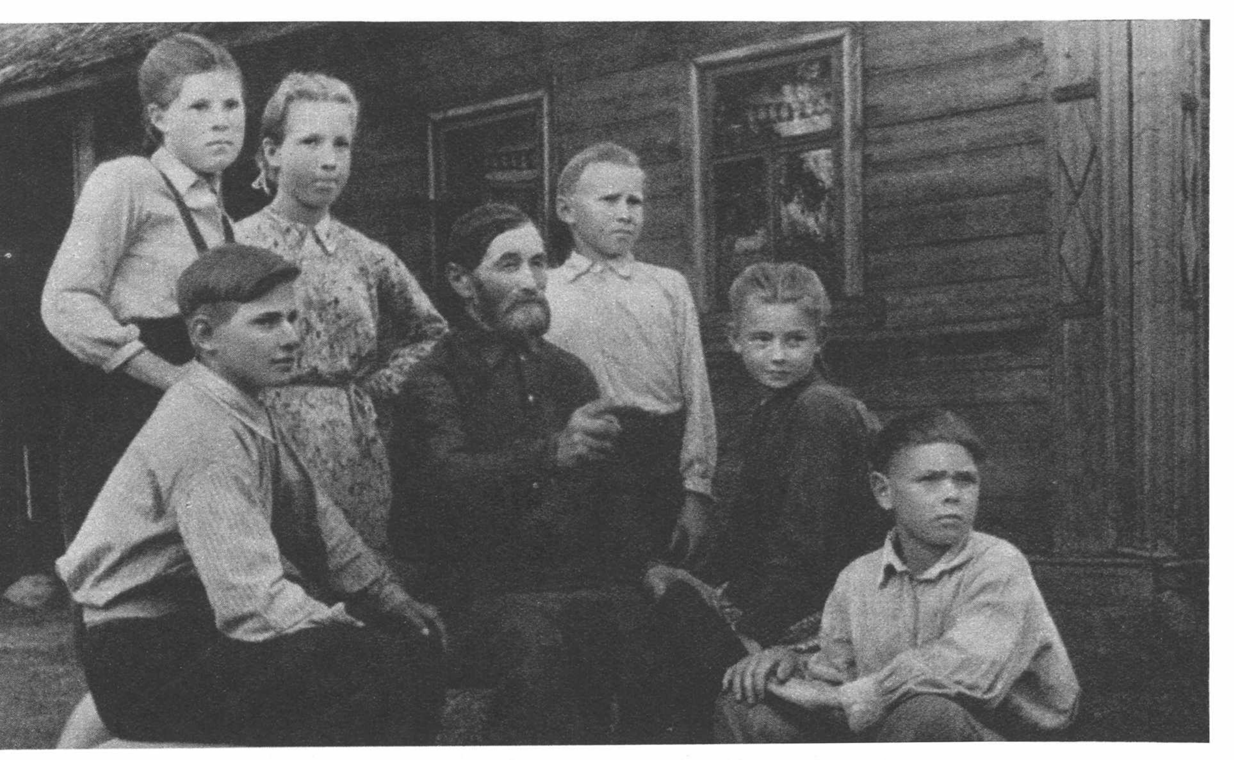
3. 20 тысяч писем

Страна любит своих героев, гордится ими, восхищается их несгибаемой волей. Об этом свидетельствуют письма, которые ежедневно получает Маресьев из разных городов и сел нашей Родины. Много писем и от трудящихся стран народной демократии, а также из Англии, Франции, Италии. Работников Московского почтамта ничуть не смущает такой лаконичный адрес: «Москва, Маресьеву»; или: «Москва, на-

На занятиях в Высшей партийной школе (в центре А. П. Маресьев).

Прячась в тени двух больших развесистых берез, стоит крестьянская хата. Здесь нашел приют Алексей Маресьев.

Старому колхознику М. А. Вихрову (в центре) больше всех доводится рассказывать о том, как был найден в лесу «наш советский летчик Алеха».

стоящему советскому человеку Маресьеву». За годы, прошедшие со времени опубликования «Повести о настоящем человеке», Герой Советского Союза Алексей Маресьев получил около 20 тысяч писем.

О чем же пишут А. П. Маресьеву? Вот несколько писем, взятых из объемистой пачки разноцветных конвертов.

«...Беру на себя смелость,— пишет мать двух офицеров М. Павлова,— от имени матерей города Молотова приветствовать в Вашем лице Человека непобедимого духа и великого мужества. Как хотела бы каждая мать назвать Вас своим сыном, ибо сын Советской страны есть сын каждой матери нашей Родины. Необыкновенное Ваше мужество и целеустремленность Вашей воли пусть послужат примером для наших сыновей...»

Многие корреспонденты Маресьева делятся с ним своими радостями, успехами в труде и учении. Из Камышина — родины Алексея Петровича — сообщают:

«В нашем городе началось строительство текстильного комбината и других предприятий. В связи с получением в будущем достаточного количества электроэнергии от Сталинградской ГЭС уже сейчас значительно расширяются промышленные предприятия. Приезжайте к нам в гости, дорогой земляк, будем рады приветствовать вас у себя».

Сталинградские пионеры из мужской средней школы № 8 рассказывают Маресьеву о своем городе-герое.

Регулярно получает Маресьев вести от своих бывших однополчан. В каждом письме ему сообщают о достижениях в труде и учении.

Много писем получает герой из-за рубежа. К нему обращаются со словами привета строители «Новой Гуты» из Польши, трудящиеся Китая, героические солдаты Кореи, прогрессивные люди Германской Демократической Республики. Из Италии Маресьеву пишут, что на заводе «Фиат» создан кружок его имени. Молодежь Румынии назвала свой аэроклуб именем Маресьева. В Чехословакии многие пионерские отряды носят имя советского героя-летчика.

В послевоенные годы Алексей Маресьев побывал во многих зарубежных странах в составе советских делегаций. Волнующими были его встречи с трудящимися. В Париже во время работы Первого Всемирного конгресса сторонников мира Маресьев встретил у здания, где проходил конгресс, нескольких юношей на костылях, с орденскими лентами. С глубоким возмущением говорили они советскому делегату о тех, кто готовит третью мировую войну.

— Мы помним героев Сталинграда, спасших будущее Парижа,— сказал Маресьеву один из инвалидов,— и наше поколение никогда не повернет оружие против своих вчерашних союзников.

Частые гости Маресьева — его боевые друзья-однополчане, стахановцы московских предприятий. Бывая в Москве, обязательно заходит к своему прежнему подчиненному Герой Советского Союза Числов, о котором в книге сказано, что он (по книге Чеслов) «хмурый, молчаливый, но, должно быть, до чрезвычайности добродушный человек». В 1943 году Числов был командиром эскадрильи, в которой служил после ранения Алексей Маресьев.

В конце прошлого года, на третьей Всесоюзной конференции сторонников мира в Москве, произошла трогательная встреча Алексея Маресьева со знатным комбайнером Чкаловской области Прокофием Васильевичем Нектовым.

— Так вот ты какой, Алеша! — говорил Прокофий Нектов, впервые встретившись с Маресьевым.

— Много и я о тебе слыхал,— отвечал ему Алексей Петрович.— Молодец ты, Проня...

Много общего в биографии и судьбе этих двух советских патриотов. Как и летчик Маресьев, гвардии рядовой воздушно-десантной части Нектов в годы войны был тяжело ранен и потерял обе ноги. Произошло это, как и у Маресьева, на Северо-Западном фронте, под Старой Руссой, на топких берегах реки Ловать. Подобно Маресьеву, советский человек Нектов занял достойное место в строю великой армии строителей коммунизма. Вот уже девятый год водит он свой комбайн по полям колхозов Чкаловской области. После войны за трудовые успехи он награжден орденом Ленина.

...До поздней ночи не гаснет свет в кабинете слушателя последнего курса Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) А. П. Маресьева. Склонившись над учебниками, Алексей Петрович готовится к сдаче очередного экзамена.

4. Про деда Михайлу и других

Огромным сверкающим зеркалом поблескивает озеро Шлино на Валдайщине. Широкое, разлившееся на десятки километров, оно стало одним из излюбленных мест отдыха трудящихся. Вот здесь, у берегов этого озера, на небольшой возвышенности, раскинулось ранее безвестное село Плав, знакомое читателям под названием Плавни.

Над самым озером, прячась в тени двух больших деревьев, стоит крестьянская хата, и живет в ней колхозник артели имени Молотова Михаил Алексеевич Вихров. Это тот самый «дедя Михайла... с чистыми, светлыми, детскими глазами и мягкой негустой бородкой», у которого нашел приют, тепло и ласку обессилевший Алексей Маресьев.

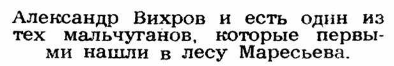
Дед, которому уже перевалило за шестьдесят лет, до последнего времени был колхозным конюхом. Сейчас, как говорит он сам «годами вышел», и пришлось ему работу оставить.

— Я теперь вроде колхозного экскурсовода.

Старому колхознику больше всех приходится рассказывать о том, как был найден в лесу «наш советский летчик Алеха», ходить вместе с экскурсантами и туристами за несколько километров в лес, показывать места, где Серенька и Федька обнаружили Маресьева.

Почти каждый из колхозников села с полным основанием может считать, что он участвовал в спасении советского воина. Михаил Алексеевич Вихров рассказывает, как в тяжелые годы вся деревня носила больному летчику все, что имелось в их скудных запасах. По сей день живет здесь телятница Прасковья Михайловна Константинова, названная в книге бабкой Василисой. Это ей были сказаны слова: «Спасибо, бабушка»,— которые едва слышно произнес Алексей Петрович в благодарность за принесенный котелок куриного супа. По рецепту, известному только ей одной, для летчика пекли сладкие блинчики. Сам дед Михайла неизвестно какими путями раздобыл где-то 50 граммов водки «для бодрости Алексея».

Александр Вихров и есть один из тех мальчуганов, которые первыми нашли в лесу Маресьева.

«Худенький, голубоглазый, с русыми, пеньковыми волосами» Серенька — Сергей Малин — работает сейчас на станции Кувшиново.

Ольга Вихрова, по книге Варя, работает няней в железнодорожных детских яслях на станции Бологое.

Бывший ведомый Алексея Маресьева — офицер Сергей Петров.

Во время нашей беседы к дому подошел среднего роста молодой человек с открытым, смелым лицом и большими серыми глазами. Александр Вихров, колхозник артели имени Молотова, и есть один из тех мальчуганов, которые первыми нашли в лесу Маресьева. Он уже отец семейства, но и поныне многие в деревне зовут его Федькой, как был назван этот «рыженький, с пятнистым от веснушек лицом» паренек в «Повести о настоящем человеке».

— Хотите, я вас провожу в лес, где мы с Сережкой его увидели? — спросил Александр Вихров.

И вот по узкой дороге, мимо волнующихся хлебов и бархатных льняных полей, мы зашагали к лесу.

— По этой дороге мы его везли в деревню,— вспоминал Александр,— а нам навстречу — все село...

Солнце медленно садилось на пышные зеленые венцы высоких сосен, когда мы подошли к бескрайнему лесному массиву. Пройдя около километра, Александр Вихров свернул вправо и остановился у двух высоких елей.

— Здесь,— сказал он.— Вот даже и метка сделана.

Действительно, на коре деревьев кто-то вырезал ножом крупными буквами: «Здесь нашли Маресьева».

— Сюда каждое лето экскурсии приходят,— рассказывает Александр.— Кому доводится быть в нашем Плаве, обязательно просит показать «маресьевские места».

Вечером возвратились мы в село. Допоздна продолжались рассказы о многих из тех, кого легко можно узнать по описанию в книге.

«Худенький, голубоглазый, с русыми, пеньковыми волосами» Серенька — Сергей Малин — уже после того, как был спасен Маресьев, добровольно ушел на фронт. Он храбро воевал, участвовал в обороне Ленинграда, в штурме Берлина. Награжден орденом Красной Звезды и медалями. Сейчас Сергей Малин работает на станции Кувшиново, Калининской железной дороги.

«Легкая, стройная, миловидная» Варя, с грустью напевавшая «хрипловатым голосом» «Рябину»,— это Ольга Михайловна Вихрова. Ночами дежурила она у изголовья Алексея Петровича, «отхаживала» его.

Не поет она больше грустных песен. Большая веселая семья у нее. Ольга работает няней в железнодорожных яслях на станции Бологое.

Небезинтересна история того, как колхозники узнали, что события, описанные в книге, относятся именно к их селу, о том, что лица, фигурирующие в произведении, хотя и значатся под другими именами,— их односельчане.

В 1946 году деда Михайлу пригласили в школу, где училась его внучка Галя, на родительское собрание. После беседы учительница сказала, что в журнале напечатана интересная повесть про летчика и если кто желает послушать, пусть останется.

С каждой прочитанной страницей все большее волнение охватывало деда. А когда дошли до того места, где старик Михайла, увидев истощенного летчика, начал «закутывать Алексея в старую баранью шубу, всю состоявшую из пестрых заплаток, без труда поднимая и переворачивая его легкое тело...», он понял, что эта книга написана про Алексея. Слезы покатились по его морщинистому лицу.

— Анна Александровна,— не выдержав, обратился Михаил Алексеевич к учительнице,— так ведь это написано про нашего Алеху-летчика, который лежал в моей хате.

И всем живо вспомнились события, происшедшие здесь ранней весной 1942 года.

— Наш летчик, наш! — хором заговорили все.

Так Михаил Вихров и его односельчане узнали о том, что произошло с летчиком, которого они спасли. А вскоре в деревню Плав к деду Михайле прибыла теплая весточка и подарок от Алексея Петровича. Писал он из Москвы и сообщал обо всем, что случилось с ним после Плава: и об ампутации ног, и о первом своем боевом вылете, совершенном в паре со своим ведомым «славным парнем» Петровым, и о победе над врагом...

5. Хороший летный почерк

«На утро назначен их первый боевой полет — в паре с Петровым. Он, Мересьев,— ведущий. Петров — ведомый. Как-то получится? Славный, кажется, парень!» Эти строки — из

А. П. Маресьев на одном из аэродромов перед вылетом.

Приятно выйти в сад и вместе с сыном Витей поработать у посаженного ими дерева.

четвертой части «Повести о настоящем человеке».

А получилось в этом бою очень хорошо. Ведущий сбил два фашистских самолета, а ведомый — один. Вместе с радостью первой победы, одержанной в воздухе, появилась и уверенность друг в друге, ибо «за те немногие минуты, что они провели в воздухе, Петров сумел оценить уверенную и поистине мастерскую манеру полета своего ведущего, а Мересьев... подметил в ведомом хороший глаз, смекалку, крепкие нервы и, что было для него главным,— еще неуверенный, но хороший летный почерк».

Хороший летный почерк! Вряд ли можно было дать более меткую и точную характеристику бывшему ведомому Сергею (по книге Александру) Федоровичу Петрову. По образному выражению летчиков, ведущий — это меч, а ведомый — щит. Так вот: старший сержант Сергей Петров и был именно тем щитом, на который ведущий надеялся, как на себя.

Но однажды щитом оказался ведущий. Как проходил воздушный бой, в котором Маресьев спас жизнь Петрову, сняв буквально с хвоста его самолета фашистский «Фокке-вульф», до мельчайших подробностей описано в книге. Нам остается только добавить, что, по рассказам самих участников этого боя, в тот день восемь советских летчиков, среди которых были Маресьев и Петров, вели неравный поединок более чем с тридцатью вражескими истребителями. За отвагу, проявленную в этом бою, когда были сбиты три вражеских самолета, Маресьева и Петрова наградили боевыми орденами.

Около года летали в паре Маресьев и Петров. У ведомого за это время стал вполне уверенный летный почерк. Начав свою боевую биографию старшим сержантом, рядовым летчиком, Сергей Петров закончил войну в небе над Берлином офицером-гвардейцем, командиром звена. К этому времени в его личной летной книжке значилось 107 боевых вылетов, 5 сбитых фашистских самолетов. На груди у него сияли боевые ордена — Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной Войны I и II степени.

...Н-ский аэродром. Стрелообразные самолеты с характерным свистом один за другим стремительно несутся по взлетной полосе. Мгновение — и, сверкнув, они скрываются в безоблачной дали. Так ежегодно идет подготовка к воздушному празднику в Тушине. Одну из групп ведет неоднократный участник авиационных праздников Сергей Петров. Самолеты разворачиваются над аэродромом и ложатся курсом на Тушино. Машины с поразительной быстротой летят над залитой солнцем столицей. Их видят тысячи людей, видит их и Алексей Маресьев. Он знает, что в одной из этих машин сидит его бывший ведомый. Маресьеву радостно за своего друга, за всех летчиков.

— Теперь по почерку Сергея не узнаешь. У всех хороший летный почерк.

А. ФРИДЛЯНСКИЙ,
П. КОРЖ

А. П. Маресьев в перерыве между заседаниями на Втором Всемирном конгрессе сторонников мира в Варшаве.

На третьей Всесоюзной конференции сторонников мира в Москве А. П. Маресьев встретился со знатным комбайнером Чкаловской области Прокофием Нектовым.

УКРОЩЕНИЕ ДНЕПРА

Ив. БАТОВ

Фото Н. Козловского

Над Днепром рассеялся туман, и первые лучи солнца скользнули по крышам коттеджей. Под крылом самолета отчетливо выступают ровные линии улиц, квадраты кварталов, насосная станция, водонапорные башни, здания школы, учебного комбината, клиники, магазинов, столовых, летнего театра. И куда ни глянешь — всюду строительные леса, а над ними башенные краны с высоко поднятыми стрелами.

Новая Каховка! Год назад, когда здесь, на левом берегу Днепра, еще стояла деревня Ключевая с ее тридцатью дворами, пришли строители гигантской гидроэлектростанции. За несколько месяцев возник самый юный город на Украине. Более тысячи рабочих и специалистов великой стройки отпраздновали новоселье и прочно обосновались на берегу Днепра. С тех пор, что ни день, празднуют тут новоселье.

Новая Каховка — город строителей гидроузла на Днепре.

1. СЕМЬЯ ПАТРИОТОВ

Семен Григорьевич Процей, колхозник артели имени Куйбышева, Чернянского района, Одесской области, вырастил пятерых сыновей. В дни минувшей войны трое из них ушли на фронт. С родителями оставались только самые младшие — Александр и Виктор. После войны солдаты вернулись к мирным делам. Бывший моряк Иван Процей ремонтировал гражданские суда на Дунае; Андрей стал бухгалтером, в Молдавию поехал; Семен работал в канцелярии школы; Александр, окончив школу ФЗО, стал мастером-монтажником, мосты строит; и только Виктор еще учился.

Идея эта пришла Семену: «Собраться бы всей семьей, да на великую стройку!» Отцу понравилось:

— Пиши братьям, чтобы собирались на Каховку ехать. Так и напиши, что всей династией строить будем.

Первым откликнулся Иван. Он отправился в Каховку, как говорили в семье, в качестве «квартирьера»: подготовить условия для приема остальных братьев.

Иван приехал на стройку и не знал, что здесь уже трудится монтажник Александр Процей, прибывший сюда из Закарпатья по приглашению Днепростроя.

— Давно в Каховке? — спросил Иван.

— Две недели. А ты?

— Пятнадцать дней,— смеясь ответил Александр.— А как отец, Андрей, Семен?

— Тоже подали заявления. Скоро здесь будут. Андрея в бухгалтерию зачислили.

Руководители Днепростроя одобрили намерение семьи Процей. Отцу и всем его сыновьям отправили вызов. Не хотелось правлению колхоза имени Куйбышева отпускать сельского умельца, мастера на все руки — плотника и столяра, стекольщика и кровельщика, печника и шорника. Да пришлось уступить: организация-то какая приглашает!

Прибыл Семен Григорьевич на пристань Ключевую с сыновьями Семеном и Виктором — меньшого тоже не оставили дома: «Здесь будешь работать и учиться».

В первый же день старик разыскал парторга ЦК ВКП(б) В. Н. Дружинина и пожаловался:

— Непорядок допускают, Владимир Николаевич.

— Чем вас обидели?

Семен Григорьевич высказывал свою претензию, а парторг слушал его и едва сдерживал улыбку. Суть претензии была в том, что всех членов семьи Процей послали на разные участки, а к тому же одного из них—в бухгалтерию.

— Бухгалтерия — работа важная и почетная,— увещевал Семена Григорьевича парторг.

— Мы не так в семье договаривались,— настаивал на своем старик.— Ехали сюда, чтобы всей бригадой строить.

Просьбу колхозника уважили. И вот уже гремит на стройке слава Семена Григорьевича Процей и пяти его сыновей. Стахановская бригада плотников выполняет ежедневно по две — три нормы.

После работы плотники учатся, овладевают новыми профессиями — экскаваторщиков, электриков, водителей машин.

Семье патриотов выделили благоустроенный коттедж. По вечерам из раскрытых окон нового дома доносится музыка. Братья Процей организовали оркестр народных инструментов. И сейчас они разучивают новую программу: предстоит концерт в красном уголке.

...На Одесском канатном заводе, выполняющем заказы строек коммунизма, организована бригада имени Каховской ГЭС. Семья Процей послала ей вызов на социалистическое соревнование. Получен ответ. Плотники собрались за столом обсудить пункты договора. В этот момент мы и засняли их.

На пароходах и самолетах прибывают сюда специалисты со всех концов страны.

Из Ленинграда приехала большая группа мастеров, чтобы монтировать электрооборудование. Бывалый воин В. Е. Рогов после демобилизации из армии трудился в Симферополе, а сейчас — на бетонном заводе в Новой Каховке. Не бывает дня, чтобы Рогов дал менее трех норм. Из Воронежа приехал в Каховку Василий Митрофанович Житенев — лучший экскаваторщик строительства (см. обложку этого номера).

Руководители стройки радушно принимают новые кадры. Все получили назначение, всем предоставлены комнаты в Доме специалистов.

2. РЕШАЮЩЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Нынешней весной в Каховке готовились к сооружению плотины и здания электростанции. В канун майских праздников была сдана в эксплуатацию высоковольтная линия электропередачи Кривой Рог — Каховка. Ток Днепрогэса пришел в Новую Каховку. Сооружение линии — это заслуга монтажников. Они не прекращали работ и в зимнее время. Часто шли дожди, так размыло проселочные дороги, что даже машины-вездеходы не могли проехать. Потом мороз, снегопад, пурга, метели.

Весной в устье притока Днепра — реки Конки — остановился мощный землесос «Онега». Он пробивался сюда почти два километра, постепенно углубляя дно. В знойный полдень в голубое небо взвились ракеты. Гудки судна возвестили строителям, что «Онега» начала выемку грунта на месте будущего котлована электростанции. От землесоса к берегу далеко-далеко протянулись огромные трубы.

Машины вгрызаются в дно реки, растирают грунт и гонят его по трубопроводу на берег в котлован. Каждый час землесос выбрасывает 1 200 кубометров грунта. На палубе — вахта Александра Андреевича Соловьева, второго помощника капитана-багермейстера. Сегодня, как и вчера, план перевыполнен. Надо спешить, наращивать темпы! Это знают и А. А. Соловьев, стоящий на палубе, и лучший водолаз землесоса В. А. Терновский, работающий сейчас на дне реки, и старик Семен Григорьевич Процей со своими сыновьями. Это знают все те, кто ведет ныне наступление на историческом Каховском плацдарме.

Плотник Семен Григорьевич Процей (слева крайний) и его сыновья: Иван, Семен, Александр, Виктор и Андрей.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

В городах — рабочие демонстрации, стачки, в деревнях — крестьянские волнения. Об окончании войны Временное правительство и не помышляет... Эти известия достигают фронта и наталкивают солдат на раздумье. А тут еще серия приказов, сводящих на нет солдатские права, завоеванные в первый период после свержения царизма.

Все определенней сказывались революционные настроения в армии. Нежелание воевать в угоду капиталистам стихийно приняло формы массового братания. На митингах принимались решения отстранить реакционное офицерство от командования. Пулеметчики вывешивали на автомашинах плакаты: «Да погибнет буржуазия от наших пулеметов!».

«...Пролетарская партия никак не может поддерживать ни теперешней войны, ни теперешнего правительства...» — писал В. И. Ленин в проекте резолюции Петроградской общегородской конференции РСДРП (большевиков).

Временное правительство лихорадочно искало пути, которые позволили бы ему обуздать нарастающее движение масс, а прежде всего обезглавить это движение. Как и во всех случаях, свора помещиков и капиталистов нашла верную опору в лице эсеров и меньшевиков, объявивших себя «оборонцами», готовых на все, чтобы потопить в крови добытую народом свободу. Для этого они распространяли самую чудовищную клевету на большевиков, для этого они пытались объявить виновником всех бедствий — голода, разрухи, неудач на фронте — большевистскую партию.

1 июля (18 июня). Временное правительство, выполняя волю англо-французских империалистов, погнало солдат на фронте в наступление.

Еще
не попало
нам
и росинки
от этих самых
февральских свобод,
а у оборонцев
уже хворостинки —
«Марш, марш на фронт,
рабочий народ».

В. Маяковский.

Наступлением на фронте, в котором были заинтересованы и англо-французские империалисты, русская буржуазия надеялась укрепить свое положение в тылу, под предлогом «военной необходимости» перейти к репрессиям и насилиям против революционного пролетариата.

Для наступления был принят план, разработанный еще при царизме. Сразу же вскрылись бездарность командования и слабая материальная подготовка войск. Эта чудовищная авантюра стоила огромных жертв: только на Юго-Западном фронте за 10 дней боев погибло 60 тысяч солдат. Она не могла не кончиться и кончилась провалом. Провалился, таким образом, и весь план буржуазии, намеревавшейся под шум наступления, под крики о «победе» разгромить революцию.

Но и провал военного наступления контрреволюция попыталась использовать для другого наступления — на завоевания народа. Вся реакционная печать, вкупе с печатью эсеро-меньшевистской, подняла неистовый вой по поводу того, что якобы в поражении на фронте виноваты большевики.

Но вскоре выяснилась подлинная картина, вновь подтвердившая безмерную гнусность контрреволюционного блока — от черносотенцев до меньшевиков, — предавшего армию. Факты были столь вопиющими, что даже такие реакционные газеты, как «Дело народа» и «Новое время», вынуждены были хоть и нехотя, но несколько приоткрыть завесу. Они заговорили о провоцированном самими генералами отступлении, об «измене, разыгранной по заранее обдуманному, рассчитанному плану», о полной неподготовленности к наступлению, недостатках в материальной части и т. п.

Товарищ Сталин в статьях, напечатанных в «Пролетарии» и в брошюре «Кто виноват в поражении на фронте?», вскрыл действительных виновников поражения, превративших наступление в «кровавую авантюру». «...Подтверждается все то, — писал товарищ Сталин, — о чем не раз предупреждали большевики и «Правда» и за что их травили все, кому не лень было», «слишком сильно бьет в глаза правда о поражении, чтобы можно было о ней молчать... правда о виновниках поражения, вытаскиваемая на свет самими солдатами, вот-вот хлестнет по лицу самих же обвинителей...».

Не соображениями защиты отечества, а соображениями борьбы против революции руководствовалось правительство измены и предательства, затеявшее обреченное на провал наступление.

И недалек уже был час, когда народ призвал к ответу всю кадетско-меньшевистскую свору, принесшую десятки тысяч людей в жертву своим замыслам — подавить революцию.

Митинг на фронте в июле 1917 года.

Порфирий Леонтьевич Нехаенко (второй справа) с Екатериной Михайловной и сын Иван Порфирьевич с женой Надеждой Григорьевной побывали в шахтерском клубе на выставке картин художников-самоучек.

Поколения шахтеров

Каждый день на улицах сибирского городка можно видеть четверых шахтеров, вместе идущих на работу. Это Порфирий Леонтьевич Нехаенко, его сын Иван и два внука — Павел и Валерий. Часто их провожает жена Порфирия Леонтьевича Екатерина Михайловна.

Потомственный горняк Порфирий Леонтьевич Нехаенко три десятилетия трудится в Черногорском угольном бассейне Красноярского края. В двадцатых годах знатный донецкий забойщик переехал сюда. Строительство железнодорожной ветки от Сибирской магистрали до Абакана — столицы Хакасской автономной области — тогда еще не было завершено, и Нехаенко с семьей в семь душ пришлось полмесяца добираться в кибитке...

Большая семья выросла у Нехаенко. Сыновья, дочери, десять внуков, правнучка. Младшее поколение родилось в Черногорске, и теперь здесь же, в городе угольщиков, трудится.

Несмотря на преклонный возраст, Порфирий Леонтьевич Нехаенко бодр, крепок, полон замыслов. Получая пенсию от государства, он не хочет уйти в «отставку», быть не у дел, вне коллектива. Порфирий Леонтьевич продолжает работать на шахте мотористом. Старый коммунист избран членом партийного бюро шахты.

Здесь же двадцать семь лет работает проходчиком его сын, Иван Порфирьевич. Он награжден орденом Трудового Красного Знамени. Горняки избрали почетного шахтера Ивана Нехаенко депутатом Черногорского городского совета. На шахтах работают и внуки Порфирия Леонтьевича: Павел — горным мастером, Валерий — электрослесарем.

На месте, где три десятилетия назад среди хакасской степи была одинокая брезентовая палатка Нехаенко, ныне стоит его дом, а при нем большой фруктовый сад, выращенный за четверть века Порфирием Леонтьевичем. Ежегодно сибирский садовод-мичуринец снимает по семьдесят—восемьдесят ведер крупных яблок — антоновки, белого и желтого налива, десяток корзин крыжовника, черной смородины.

Четыре поколения знатной шахтерской семьи часто можно встретить в Доме культуры, в кино. Весной в шахтерском клубе открылась выставка творчества местных художников-самоучек. Порфирий Леонтьевич с Екатериной Михайловной и сын Иван Порфирьевич с женой Надеждой Григорьевной в первый же день побывали на этой выставке.

Недавно Порфирию Леонтьевичу исполнилось семьдесят два года. Как и каждый год, ветерана чествовали родные и многочисленные друзья, пожелавшие старому шахтеру доброго здоровья и новых успехов в труде.

А. ШЕВЕЛЕВ

Одна из лучших прядильщиц Клайпедской текстильной фабрики «Триничай» (Литовская ССР), Еугения Мазевичюте, работая на отечественной быстроходной машине «Пенза» на 324 веретенах, выполняет 1½—2 нормы.

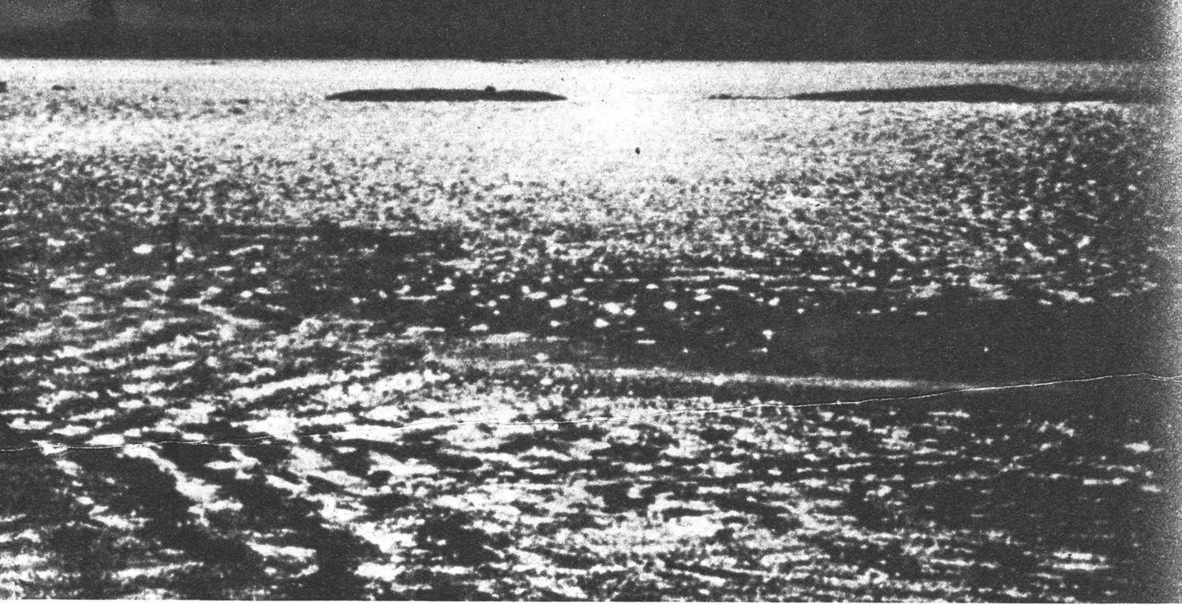
Фото М. Реби

Из снимков, поступивших на конкурс «Огонька».

И. К. Айвазовский (1817—1900). ТУМАННОЕ УТРО.

Из частного собрания. Москва.

ПО ТРАССЕ ПЯТИ МОРЕЙ

БЕЛОМОРСК
БЕЛОМОРСКО-БАЛТИЙСКИЙ КАНАЛ ИМ. СТАЛИНА
ОНЕЖСКОЕ ОЗЕРО
ОЗ. БЕЛОЕ
РЫБИНСКОЕ ВОДОХРАНИЛИЩЕ
ЩЕРБАКОВ
КАЛИНИН
ГОРЬКИЙ
КАЗАНЬ
МОСКВА
Ока
КУЙБЫШЕВ
САРАТОВ
Волга
СТАЛИНГРАД
Дон
РОСТОВ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ

Я. ФОМЕНКО　　С. МОРОЗОВ

Фото С. Фридлянда и Б. Кузьмина

Специальные корреспонденты «Огонька»

Магистраль пяти морей! Вчера еще, когда воды Волги и Дона текли порознь, это было мечтой. Теперь две великие реки соединились, и мы называем так действующую водную дорогу между пятью морями, омывающими родную землю.

Белое, Балтийское, Каспийское, Азовское, Черное моря... Отныне они навеки соединены Волго-Доном. Канал — первенец строек коммунизма, чудесное творение сталинского гения — вошел в строй. Это событие и стало поводом нашего путешествия. Наша цель — рассказать обо всем увиденном на протяжении самой большой на земном шаре системы внутренних водных путей, пересекающей весь материк. Итак, в путь!

У ПРИЧАЛОВ БЕЛОМОРСКА

Надоедливо и тоскливо моросит дождь. Небосвод затянут тяжелыми облаками. На улицах Беломорска пустынно. Редкие прохожие торопливо шагают по скользким дощатым тротуарам. Ворчливо шумит многоводный Выг. Он настойчиво преодолевает пороги, втискивается в пролеты многочисленных мостов, усердно трудится, омывая сорок островов своей ветвистой дельты.

Начало лета 1952 года... В календаре истории оно отмечено великим торжеством нашего народа: соединены Волга и Дон. Там, на юго-востоке, поднят флаг первой навигации. И почти одновременно здесь, на севере, открывает юбилейную, двадцатую по счету навигацию старший брат Волго-Дона — Беломорско-Балтийский канал имени Сталина.

Белое море провожает нас холодом запоздалой весны. С пристани у последнего, девятнадцатого шлюза канала можно в бинокль увидеть: на горизонте, там, где Сорокская губа переходит в Онежский залив, носятся по волнам последние льдины.

Капитан морского буксировщика «Владивосток», возвратившись с ледовой разведки, сбрасывает тяжелый тулуп и коротко сообщает диспетчеру Беломорско-Онежского пароходства:

— Плавать можно...

— Наконец-то,— облегченно вздыхает диспетчер и, обводя взглядом обширную акваторию порта, добавляет: — Заждались мы сей год, да и рыбакам на путину пора.

У входа в шлюз рядом с морским буксировщиком стоят небольшой рейдовый пароход и лихтер — осанистая баржа с грузовыми стрелами и лебедками на палубе. Из трюмов доносится аромат сосны. Лихтер принял полный груз — пиломатериалы стройкам на Волге.

Возвращение «Владивостока» с ледовой разведки всех интересует. Неловко переминаясь, подталкивая друг друга, к борту судна подходят юнцы в матросских бескозырках. На ленточках надпись: «Беломорское мореходное училище».

— Что, салага, не терпится? — ухмыляется боцман.

Салака — мелкая рыбешка. Исстари во флоте начинающих моряков зовут «салагой».

Шестнадцатилетний Петя Федоров из Олонца не обижается на кличку. Но его однокашник Геннадий Викторов недовольно фыркает. Он бывалый матрос, ленинградец родом, успел поплавать и на Балтике и в Тихом океане и теперь приехал в Беломорск учиться, чтоб стать штурманом.

В этой мимолетной сценке одна из характерных черт нынешнего Беломорска. Старинное рыбачье село Сорока после постройки канала превратилось в порт общегосударственного значения. У его причалов грузятся суда, уходящие в океанские плавания. Из Архангельска и Онеги сюда прибывают лихтеры, чтобы плыть на юг по каналу. Отсюда мощные буксировщики тянут в Кандалакшу караваны с баскунчакской солью для рыбных промыслов Мурманска. На лов трески и сельди из Беломорска отправляются флотилии рыбачьих судов. Юноши в бескозырках в недалеком будущем подымутся на командные мостики промыслового флота.

К причальной стенке подошел худощавый человек в форменной фуражке — инспектор несамоходного флота Андрей Иванович Тихонов.

Девятнадцать лет назад Андрею Ивановичу посчастливилось увидеть на берегу Белого моря Иосифа Виссарионовича Сталина. Из деревни Шижня, расположенной напротив пристани, в один из июньских дней Тихонов смотрел, как из шлюза выходил в море пароход «Анохин». На его палубе стояли И. В. Сталин, С. М. Киров и К. Е. Ворошилов. А на рейде тогдашней Сороки, украшенные флагами расцвечивания, выстроились военные корабли — первенцы Северного флота, прошедшие по каналу от Балтики до Белого моря.

Немного позднее к Андрею Ивановичу пришел однажды старик-помор Федор Филимонович Тукачев. Тихонов вспомнил, с каким сомнением Тукачев, бывало, покачивал головой, когда ему говорили о строящемся канале. Теперь он просил:

— Устрой, пожалуйста, в рейс до Повенца сходить... Хочу на старости посмотреть на чудо.

И вот мы тоже едем смотреть «чудо». Открываются просмоленные ворота шлюза. Юркий «Ижорец» входит в камеру. Закрываются нижние ворота. Вода поднимает судно. Расходятся в стороны, прилипая к стенкам, верхние ворота. Несколько минут — и пройдена первая ступень водной лестницы от Белого моря к Онежскому озеру.

КОРАБЛЬ ИДЕТ В ГОРУ

«Изобилие вод здесь поразительно... Водная стихия здесь давит человека со всех сторон...» — так писалось полвека назад о природе Карелии в многотомном труде «Россия» под редакцией П. П. Семенова-Тянь-Шанского. Действительно, куда ни глянь,— всюду вода. По соседству с каналом сквозь чащу леса просвечивают озера и реки, блестят протоки и ручьи. Они то ответвляются от трассы в стороны, то обрамляют камеры шлюзов.

Со вторым утверждением теперь вряд ли можно согласиться. Вода не «давит» здесь человека. На всем протяжении трассы зримо, ощутимо утверждается превосходство человеческой воли и разума.

Иногда пароход идет тихим плесом, мимо мест, где, казалось, не ступала нога человека. Безлюдье, таежная глушь? А что это виднеет-

ся? Из-за поворота выплывает высокая дамба. Все явственнее доносится до слуха шум падающей воды.

Близ шлюза в ровном строю вытянулись двухэтажные дома. На лужайках пасутся коровы и козы. На пригорке играет детвора. Занятые ребячьими своими заботами, малыши не обращают ни малейшего внимания на проходящий пароход. Движение судов давно примелькалось, стало бытовой деталью.

Спокойным, пожалуй, даже скучающим взглядом обводит берега капитан «Ижорца» Григорий Кондратьевич Волк. Семнадцать лет плавает он в северных водах.

Мы двигаемся от последнего, девятнадцатого шлюза у Беломорска к первому — у Повенца. Григорий Кондратьевич перечисляет шлюзы, судоходные участки и населенные пункты:

— Пятнадцатый, четырнадцатый, Бутовецкий плес... Летняя Речка.

Пока шлюзуется встречный караван, наш «Ижорец» швартуется у причалов Летнереченского поселка. Сходим на берег. Рядом с пристанью кирпичный завод. От него идет дорога к поселку. Незаметно она обертывается улицей и подводит к цехам домостроительного комбината. Отсюда на шахты, на стройки, на заводы отправляются сборные дома. Около чайной книжный магазин с броским объявлением: «Получены новые издания». У прилавка толпится молодежь. Людно и в универмаге. Только что прибывшая из Петрозаводска партия костюмов и стеганых ватных одеял раскупается нарасхват.

Сегежа. У подъезда городского Дома культуры.

Ночью, миновав двенадцатый шлюз, мы вошли в Парандовский плес. Сурово прекрасна северная природа днем. Еще прекраснее она в белые ночи, когда на небосклоне пылает непотухающая заря, когда все вокруг залито мягким перламутровым светом, когда вечерние краски смешиваются с расцветкой свежего раннего утра.

На десятки квадратных километров раскинулся плес. Окрашенные заревом позднего заката, воды кажутся расплавленным металлом. Бронзовыми колоннами высятся на далеких берегах стволы сосен. Редко-редко на окруженных ожерельем из валунов холмах появляются селения. На бледнорозовом фоне неба силуэты бревенчатых домов вычерчены со строгостью старинной гравюры.

Поддавшись чарам белой ночи, мы стояли молча на носу парохода. Ощущение времени исчезло. Только глаза улавливали изменения в пейзаже, в окраске местности, в переливах тонов. На поверхности воды откуда-то появились белые разводья пены. Впечатление такое, что нос корабля разрезает податливую гладь мрамора.

Чуть хрипловатый голос капитана возвратил нас в мир реальности:

— Подходим к одиннадцатому шлюзу. Спать не советую.

Какой сон! Хотя все, чем мы любовались, легко можно принять за сновидение.

«Ижорец» входит в шлюз. Медленно, торжественно, как гигантский театральный занавес, за нами сдвигаются обе половины ворот. Теперь видны только скалы-стены, да вверху — бездонное небо. Но вот из отверстий снизу поступает вода, пароход поднимается, поднимается и... скажем просто: ничего подобного мы нигде не видели. То, что издали, при подходе к шлюзу, казалось стеной, преграждающей путь воде, оказалось самою водой. При всех своих огромных масштабах водосброс у одиннадцатого шлюза в точном смысле слова изящен. Масса воды, легко изгибаясь, катится наклонно вниз. Движения воды не заметно. Белой ночью она напоминает цветом полированное черное дерево.

В пути на откосах канала мы читали: «Шесть условий товарища Сталина — могучий рычаг, обеспечивший победу на Беломорстрое». Многометровые буквы выложены строителями из гранита два десятилетия назад. Пройдут века. Далекие наши потомки будут с таким же благоговением читать эти надписи, как читаем их сейчас мы.

Беломорканал. Парандовский плес. Снимок сделан в 2 часа ночи.

ГОРОД НА ВЫГОЗЕРЕ

Выйдя на просторы Выгозера, наш корабль будто сократился в размерах, затерялся в разливе нового водоема.

Говорят, озеро получило название по числу островов, равному количеству дней в году, и по-русски его можно бы назвать «Годозеро». До постройки канала на нем было 365 больших и малых островов. Подпорные плотины подняли уровень воды. Малые острова стали крохотными. Часть из них ушла под воду, и теперь только увядающие сосны, торчащие из воды, напоминают о былой суше.

Первые острова на нашем пути похожи издали на мохнатых зверей-исполинов, стерегущих вход в озеро. «Ижорец», словно испугавшись, свернул влево и вскоре, ища защиты, притерся к причалам пристани Надвоицы. Тут мы распрощались с гостеприимной командой корабля. «Ижорец» следовал прямым курсом на юг, а наш путь отклонялся на юго-запад, к городу Сегеже.

Первое, что заметили мы с палубы парохода местной линии «Роза Люксембург», были заводские трубы, вырастающие из густого леса. Немного погодя открылись светлые корпуса бумажно-целлюлозного комбината. А где же город? Завод заслонил собою городские улицы. Только после того, как пароход почтительно обогнул берег близ комбината и завернул к пристани, стали видны многоэтажные здания, гостиница, монументальный Дом культуры, молодые скверы и аллеи.

Есть в нашей стране города, где большинство населения — шахтеры. Есть города ткачей, металлургов. Сегежа — город бумажников. Живут в нем также лесозаготовители, сплавщики, рыбаки.

Возникновение и развитие Сегежи — прекрасный материал для повести о людях, преобразующих суровые условия жизни и создавших на скудной, казалось бы, основе крупный центр индустриальной культуры. Таких комбинатов, как Сегежский, в Западной Европе не сыскать.

Сравнительно недавно жители малочисленных деревень ловили рыбу: Выгозеро богато щукой, окунем, лещом, язем, лососем; про-

мышляли зверя: его предостаточно в лесах. Сейчас рыболовство и охота не забыты. По воскресным дням флотилии лодок — весельных, парусных, моторных — с рассветом отправляются к островам. Едут содовщики, сеточники, прессовщики, фрезеровщики, слесари, токари, механики «со чадами» на ловлю. В некоторых домах сколько мужчин, столько и ружей. Из промысла охота и рыбная ловля превратились в спорт, стали излюбленным видом отдыха.

Еще до прибытия в Сегежу мы встретились с депутатом Верховного Совета СССР Екатериной Александровной Кудрявцевой, агрономом, заместителем председателя исполкома райсовета. В Надвоицах в кормовую каюту по крутому трапу спустилась женщина в светлом платке и молча заняла свободное место. Позже мы узнали, что Екатерина Александровна в то утро возвращалась в Сегежу из колхозов.

В райкоме мы прослышали еще об одном популярном в городе человеке. В Сегеже нам встретиться не удалось. Когда мы сказали, что хотим видеть Евфросинью Семеновну Семенову, открывшая нам дверь женщина переспросила:

— Бабушку? — и тут же добавила: — Бабушка у себя, на острову. В Юргубе который...

Отправились на остров, названный сегежанами в честь 80-летней бабушки Семеновским.

Катер шел добрых полтора часа, преодолевая крупную волну. Мы знали, что Евфросинья Семеновна поплыла на весельной лодке. Идти при таком свежем ветре на веслах за 10—12 километров от берега трудно и рискованно. Мы оглядывались вокруг, искали среди волн лодку и не находили.

Подошли к острову Семеновскому. На берегу стоял аккуратный домик с красным флажком над крышей. На огородной делянке работала женщина в светлосерой одежде.

Евфросинья Семеновна приплыла к себе на остров «своей дорогой», успела уже снять мережи с рыбой и сделать кое-что по хозяйству. Узнав, что мы «из самой Москвы», она схватила в обнимку самовар, молодо забегала от чана, где лежали пойманные ею щуки, к маленькой кухонке. Мы было запротестовали. Хозяйка замахала руками и по-матерински строго возразила:

— Сыночки мои! Да неужто я вас некормленными отпущу? Что вы! Уж бабушка Семеновна сумеет гостей попотчевать!

Говор у нее северно-русский, с мелодичным оканьем. Руки, привыкшие к веслам и сетям, проворные, сильные. На вид ей ни за что не дать восьмидесяти лет.

Мы сидели в светелке Евфросиньи Семеновны, точно на большом празднике, и слушали ее, как слушают сказительницу былин. Между тем в ее рассказе звучала только правда.

— Семи лет пристрастилась к ловле. Семи, деточки. Все у нас рыбачили. И деревню нашу звали Ловище. Затоплена она нынче. Где залив,— покосы были, теперь щуку да леща берем.

Перед нами проходила жизнь труженицы, ясная и прямая, без отходов в сторону от бед и тягостей, суровая и богатая лаской к другим людям.

— Труд нигде и никогда людей не портит,— убежденно, с нестареющей страстью в голосе говорила наша собеседница.

Молодой была еще Евфросинья Семеновна, когда услышала, что в Повенце живет ссыльный человек большой мудрости. Мало ей пришлось беседовать с тем человеком, но память о нем осталась на всю жизнь. А главное, на всю жизнь утвердилось у бабушки убеждение, что правда и справедливость восторжествуют. Ссыльный тот был Михаил Иванович Калинин.

Много горя пережила бабушка Семеновна, воспитывая оставшихся после ранней смерти мужа четырех сыновей и трех дочерей. Было ей уже за сорок, когда наступил расцвет ее жизни, грянула революция, а потом развернулась стройка. Сыновья выросли и стали удачливыми ловцами. Появился достаток.

Лет восемнадцать назад Семеновна увидала близ озера незнакомых людей. Они рубили лес, рыли котлованы. Что-то большое зачиналось на родных берегах.

На следующий день к недавно построенной пристани причалила доверху груженная рыбой лодка. То был подарок старой рыбачки и ее сыновей строителям Сегежи.

Был у бабушки «конфликт» с местными финансистами. Поддались они наветам завистников: много, мол, старуха за рыбу выручает. Даже лошадь Петр Семенов купил, чтобы добычу самому подвозить к стройке.

Петра призвали в Красную Армию, а Семеновна вдруг получила бумагу о налоге. Заплатила. Еще бумага. Попыталась Семеновна доказать, что незаконно облагается имущество красноармейца: ему льготу государство дает Не послушались ее. Позвала она внучку, достала почтовую бумагу.

— Начала я письмо в Москву,— рассказывает Евфросинья Семеновна,— как положено. Вырастила я для Красной родной нашей Армии четверых сыновей. Трое отслужили. Четвертый, меньшой, пошел на действительную. И нашлись вот люди, позавидовали. Много, толкуют, бабушка зарабатывает. И правда, много. По четыре тыщи в месяц, бывает, получаю. Сама я, случается, больше сыновей своих рыбы налавливаю. И не позор это, а молодецкая удача. За что же петрова коня налогом обкладают? Трудовых своих денег не жалко мне для государства, а чувствую, что несправедливо. Скажите этим людям строгое слово, приведите их к закону советскому.

Наклеила, этого, марки, опустила письмо в стрелу-поезд, жду. Проходит девять дней, и — раз тебе! — несут письмо. И кремлевский знак на нем. И что же пишут из Москвы? Зарабатывай, пишут, бабушка Семеновна, и дальше по четыре тыщи, а сможешь больше — зарабатывай больше. А распоряжение местным властям послано.

Не успела я письмо третий раз прослушать,— грамоте не больно обучена, одну букву «о» хорошо знаю,— являются те самые. Извини, мол, бабушка Семеновна, ошибка вышла. Сумму, незаконно взятую, возвернем. Ну, зачем мне эта сумма? Уходите, говорю, подобру-поздорову. Радость у меня великая, а вы тут с деньгами. Вот так, этого, было...

Хорошо я жила. Сыновьями была довольная. Теперь вот невестки да внучата остались. Внучат девятнадцать, правнуков два...

Потемнели глаза старой рыбачки. Четыре сына: Иван, Феофан, Федор и Петр — отдали свои жизни Родине, защищая Ленинград, сражаясь в Заполярье, под Сталинградом и под Берлином. Не вернулись с фронта зятья — овдовели три дочери.

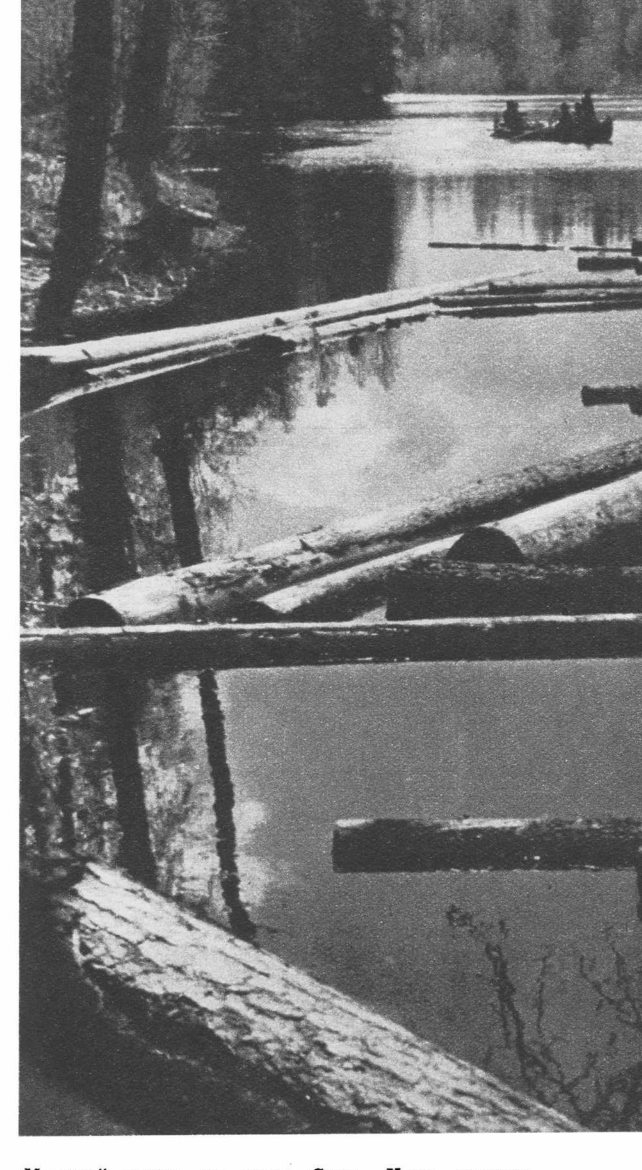
Евфросинья Семеновна выдержала страшный удар, не сломилась, не опустила головы. Гневно и предостерегающе звучал ее голос на Республиканской конференции сторонников мира, когда она говорила о поджигателях новой войны.

До вечера засиделись мы в гостях.

Катер вышел из протоки. Евфросинья Семеновна стояла у берега и помахивала белым платочком. Мы посылали ей прощальный привет и думали:

Богата советская земля хорошими, сильными духом людьми!

Беломорск — Сегежа.

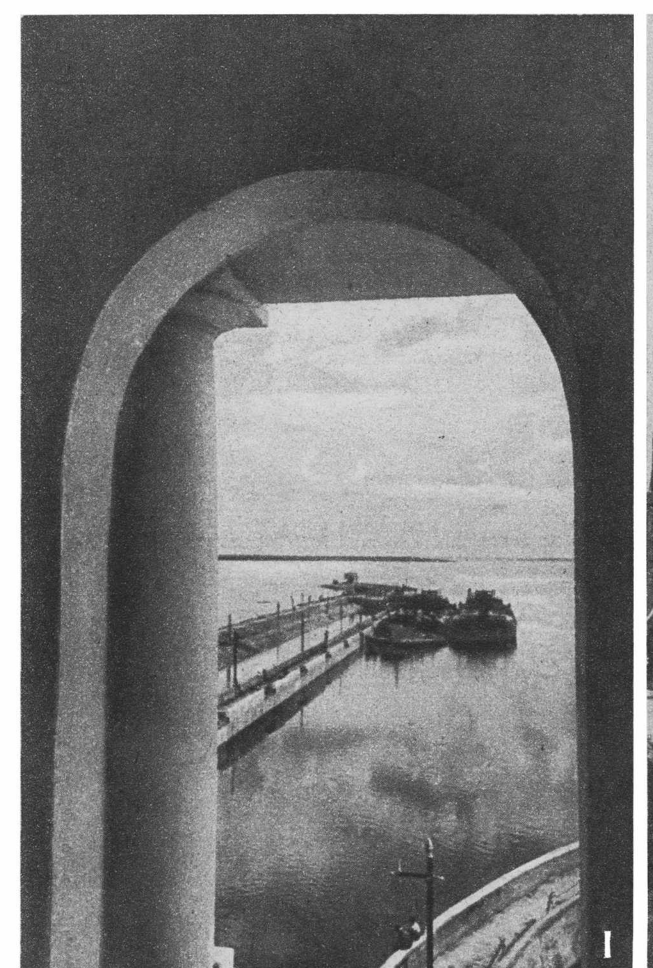

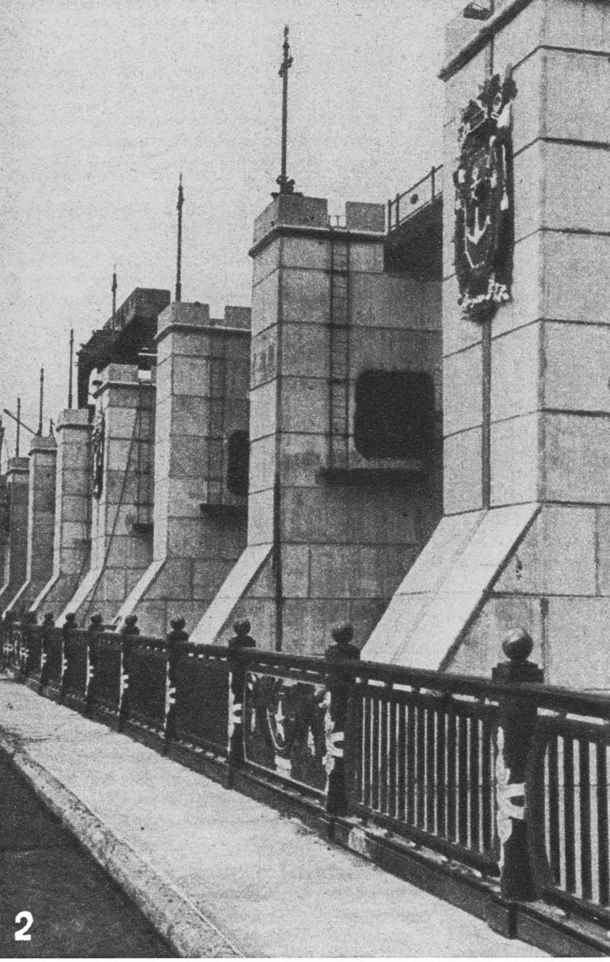
Молевой сплав на реке Суне. Идут первые стволы.

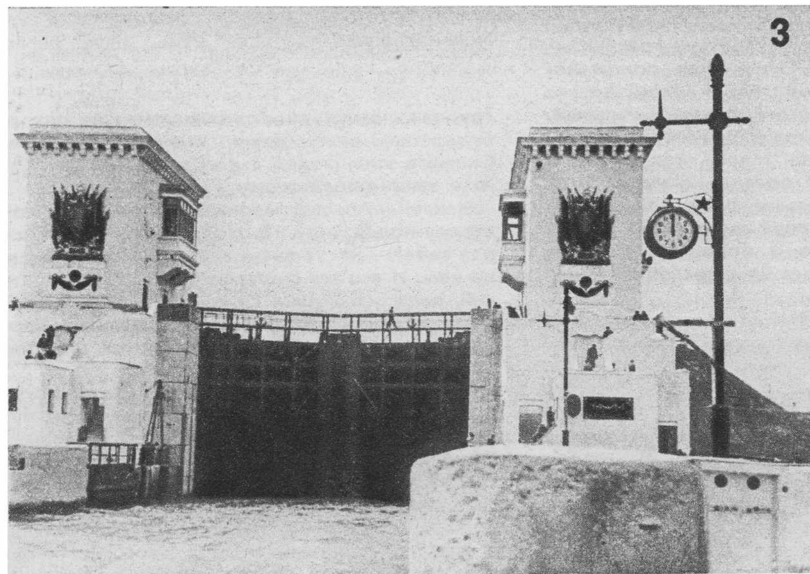

Евфросинья Семеновна Семенова.

БАШНИ НАД КАНАЛОМ

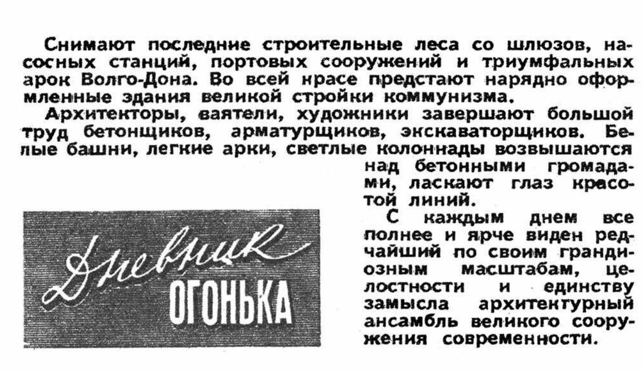
Е. РЯБЧИКОВ

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

Снимают последние строительные леса со шлюзов, насосных станций, портовых сооружений и триумфальных арок Волго-Дона. Во всей красе предстают нарядно оформленные здания великой стройки коммунизма.

Архитекторы, ваятели, художники завершают большой труд бетонщиков, арматурщиков, экскаваторщиков. Белые башни, легкие арки, светлые колоннады возвышаются над бетонными громадами, ласкают глаз красотой линий.

С каждым днем все полнее и ярче виден редчайший по своим грандиозным масштабам, целостности и единству замысла архитектурный ансамбль великого сооружения современности.

НА СНИМКАХ:

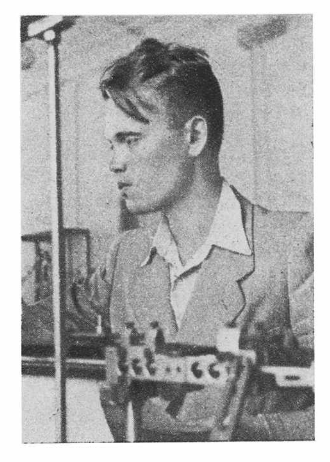
1. В самом центре судоходного канала, с высоты белой башни десятого шлюза, увенчанной колоннадой, видны суда у причалов, а еще дальше — гладь Варваровского моря. Вдоль причалов прошло с момента открытия навигации более ста различных судов.

2. Принимает законченный вид колоссальная Цимлянская плотина. Чугунные и бронзовые акротерии на бетонных быках плотины, строгая ограда автодорожного моста, ряды светильников, белоснежные скульптуры, вязь решеток придают сооружению легкость и стремительность.

3. Вот так называемая «нижняя голова» — нижняя часть восьмого шлюза. К небу поднялись его башни, вдоль берегов протянулись бетонные причалы и выросли металлические мачты светильников. Стальные ворота сейчас закрыты: камера шлюза наполняется водой, чтобы спустить еще на одну ступень «волжской лестницы» судно, находящееся в шлюзе.

4. На башнях пятнадцатого шлюза Цимлянского гидроузла установлены скульптуры, изображающие донских казаков, вздыбивших лихих коней. О размерах статуи можно судить, сравнив ее со стоящими рядом молодыми ваятелями.

26-летний доктор технических наук

В. В. Болотин.

Недавно 26-летний В. В. Болотин успешно защитил диссертацию, и ему присуждена ученая степень доктора технических наук.

Тепло поздравил своего воспитанника один из старейших советских ученых, начальник кафедры Московского института инженеров железнодорожного транспорта имени И. В. Сталина профессор Иван Петрович Прокофьев. Под его непосредственным руководством развивался незаурядный талант молодого ученого. Он двадцать второй ученик маститого профессора, удостоенный высшей ученой степени.

Еще в школе Володя Болотин стал проявлять интерес к физико-математическим наукам. Экзамены на аттестат зрелости он сдал экстерном летом 1943 года. В студенческие годы он продолжал заниматься научно-исследовательской деятельностью; его доклады на двух научных конференциях студентов столицы отмечались первыми премиями. В 1948 году он с отличием окончил институт, а спустя два года защитил кандидатскую диссертацию.

Молодого ученого продолжала привлекать новая, мало исследованная область строительной механики — динамическая устойчивость.

Докторская диссертация ученого-комсомольца В. В. Болотина «Динамическая устойчивость сооружений» представляет из себя два объемистых тома. Выступавшие при обсуждении ученые признали этот труд содержательной и оригинальной работой.

Ю. РЫТОВ

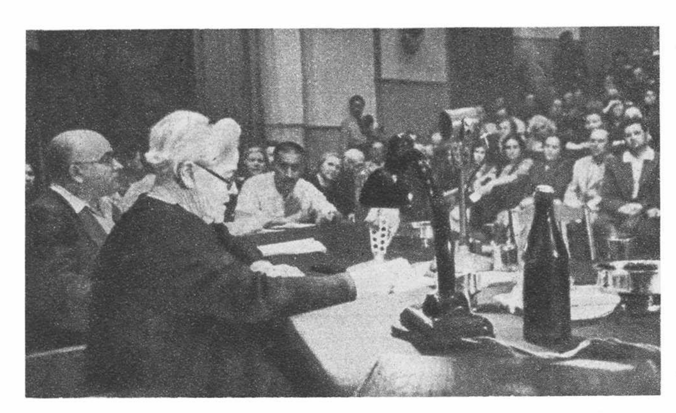
УЧЕБНАЯ ЭЛЕКТРОЦЕНТРАЛЬ

Лефортово. По обеим сторонам реконструируемой магистрали высятся корпуса Московского энергетического института имени В. М. Молотова. В стенах этого крупнейшего вуза страны обучаются тысячи юношей и девушек.

Для практических занятий студентов институт построил учебную теплоэлектроцентраль. Эта ТЭЦ небольшой мощности по своему оборудованию ничем не отличается от обычной. Одна лишь особенность у ТЭЦ: рабочие места занимают студенты.

Уже в нынешнем году студенты четвертого курса энергомашиностроительного факультета сдавали зачеты не только в аудиториях, но и непосредственно у турбин. Они выполняли все операции по пуску и эксплуатации оборудования, работали машинистами турбины, у питательных насосов, вентиляторов.

Г. НОВОСЕЛЬСКИЙ

Профессор О. Б. Лепешинская выступает с лекцией в Политехническом музее.

ТРИ МИЛЛИОНА ЛЕКЦИЙ

ВСЕСОЮЗНОМУ ОБЩЕСТВУ ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ 5 ЛЕТ

Село Верхошижемье находится в 89 километрах от города Кирова и в 50 километрах от ближайшей железнодорожной станции. До революции это был типичный «медвежий угол», затерянный в северных лесах, оторванный от культурной жизни. И вот нынешней весной один из жителей этого села, коммунист П. Г. Вязников, докладывал в Москве на заседании Президиума правления Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний о работе районного отделения этого общества.

Три года назад интеллигенция Верхошижемского района начала свою лекционную деятельность. Теперь отделение общества насчитывает 115 действительных членов и членов-соревнователей. Педагоги, агрономы, врачи, инженеры, партийные и советские работники района объединились для политико-просветительной работы среди колхозников и лесорубов. Они прочитали в колхозах и на лесоучастках 830 лекций и докладов на самые различные темы.

Это сообщение вызвало большой интерес у членов Президиума — видных ученых, писателей, общественно-политических деятелей нашей страны. Академик А. И. Опарин отметил, что опыт Верхошижемского района показывает, какие глубокие корни пустило общество за 5 лет своего существования. Сейчас его отделения действуют не только в столицах союзных республик, в краевых и областных центрах, в больших городах, но и в нескольких тысячах сельских районов страны.

Созданное 5 лет назад Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний насчитывает в своих рядах 312 тысяч членов. Среди действительных членов общества — академики и члены-корреспонденты Академии наук СССР, свыше 5 тысяч докторов наук и профессоров, около 3 тысяч рабочих и колхозников — новаторов производства, передовиков социалистического земледелия и животноводства. За неполные 5 лет 254 миллиона человек прослушали 3 миллиона лекций членов общества.

Основное место в лекционной пропаганде занимают вопросы истории ВКП(б), истории СССР, политэкономии, философии, внешней политики Советского государства, популяризация гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Большое количество лекций и докладов посвящено великим стройкам коммунизма и сталинскому плану преобразования природы нашей страны.

В Москве, в огромном здании Политехнического музея, помещается Центральный лекторий. Здесь можно услышать выступления академиков, писателей, прославленных стахановцев.

Сплоченный отряд передовой советской интеллигенции способствует осуществлению важнейшей задачи, поставленной товарищем Сталиным,— «сделать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными».

А. КОНСТАНТИНОВ

Рационализатор-миллионер

О записной книжке Алексея Яковлевича Буфеева знает, пожалуй, весь завод. Инструментальщик, 30 лет работающий на Коломенском паровозостроительном заводе имени В. В. Куйбышева, аккуратно заносит в книжку все свои рационализаторские предложения и отмечает, какое предложение принято. В этой же книжке можно увидеть первоначальные наметки, чертежи, схемы.

А. Я. Буфеева называют рационализатором-миллионером. Работники бюро рационализации и изобретательства завода недавно подсчитали, что от внедрения его предложений завод получил более 7 миллионов рублей экономии.

В прошлом году новатор внес 177 предложений, значительная часть которых уже применена на производстве и дала экономию в 135 тысяч рублей. А. Буфеев сконструировал вырубной и вытяжной штампы для прокладок машин. Это позволило сберечь 2 тонны листовой меди. Десятки всевозможных приспособлений и усовершенствований помогли стахановцам значительно повысить производительность труда.

В записной книжке неутомимого рационализатора записаны еще десятки предложений, внесенных им в нынешнем году.

В. ШЕБАНОВ

Фильм об Индии

...Золотистые лучи солнца пронизывают густые заросли тропического леса; утренний туман окутывает стройные стволы кокосовых пальм. На фоне яркой зелени пальмовых листьев возникает на экране надпись: «По Индии».

Авторы этого фильма — режиссер Л. Варламов и операторы Г. Монгловская, И. Сокольников, А. Сологубов — в составе делегации советских кинoработников побывали на Международном кинофестивале, проходившем в этом году в городах Индии. Снятые ими кадры — оригинальные путевые заметки — составили интересный цветной документальный фильм.

Своеобразна и ярка природа Индии. Богата и плодородна ее земля. Наступила пора уборки риса. Крестьянин высоко поднимает над головой рисовый сноп и с силой опускает его вниз, вручную выбивая каждое зерно. Так сейчас, как и пятьсот лет назад, происходит в Индии молотьба.

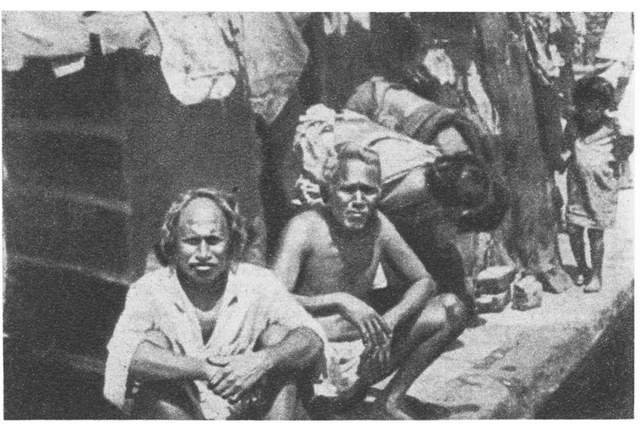
Интересно и необычно выглядят лесные разработки в Южной Индии. В чаще тропического леса работают слоны. Обхватывая хоботом громадные бревна, слон ловко передвигает и переносит их. Слоны очень любят воду, и их трудовой день обычно заканчивается купаньем.

Краски на экране тускнеют. Прозрачные вечерние сумерки опускаются на землю. Прижавшись друг к другу, стоят вдоль дороги крестьянские домики из бамбука, покрытые соломой или широкими пальмовыми листьями. Вечерами на деревенских улицах обсуждаются новости, а днем здесь располагается сельская школа.

Чудесны древние храмы — памятники богатой культуры Индии,— созданные трудом миллионов индийцев. На экране вырисовываются величественные контуры «Великого храма» в городе Мадуре. Это архитектурный ансамбль XVII века. Высокие ступенчатые башни украшены сложными изваяниями, характерными для южноиндийского архитектурного стиля.

Празднование в Дели второй годовщины провозглашения Индийской республики.

Докеры у своих жилищ.

Авторы фильма рассказывают и о городах Индии, в которых им довелось побывать.

Бомбей — крупный промышленный центр и порт на побережье Аравийского моря. Вдоль залива протянулись его набережные, так называемое «Бомбейское ожерелье». Смуглые лица и белые одежды индийцев редко встречаются в аристократической части города; зато их много в районе порта, где на целые кварталы раскинулись самодельные жилища бедняков. Построенные из обломков ящиков и тряпья, они не спасают ни от жаркого солнца, ни от тропических ливней. Около лачуг женщины готовят на кострах пищу, возятся в пыли дети. Так живут бомбейские докеры.

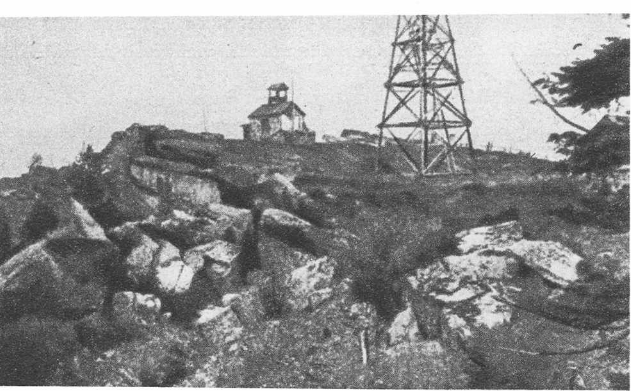
Калькутта — крупнейший порт Индии. Сюда приходит множество торговых судов, здесь грузятся большие океанские пароходы. Но в порту не видно подъемных кранов. Докеры, среди которых много женщин, переносят на голове корзины с углем, тяжелые тюки с джутом.

В столице Индии Дели кинооператоры засняли знаменательное событие: празднование второй годовщины провозглашения республики. Президент Индийской республики господин Прасад и премьер-министр господин Неру принимают парад. В руках индийцев среди цветов мелькают белые голуби мира.

Почти в каждом эпизоде фильма чувствуется, как тесно переплетаются в жизни страны вековые традиции и черты современности. Сделанный просто и искренно, с большим уважением и любовью к индийскому народу, фильм «По Индии» представляет большой интерес для советских зрителей.

Н. КОЛЕСНИКОВА.
Т. СЛЕПНЕВА

На вершинах Урала

Гидрометеостанция на Полюдовом камне.

На суровых вершинах Урала находятся высокогорные метеорологические станции. Самая высокая станция на Южном Урале расположена в 30 километрах от прославленного города металлургов — Златоуста, на горе Дальний Таганай, на высоте более 1 100 метров над уровнем моря. Кстати, по-башкирски Таганай означает «подставка луны».

Метеоплощадка пристроилась на плоской вершине. Здесь установлены психрометрическая будка (для определения температуры, влажности воздуха) и будка для самопишущих приборов. Чувствительные аппараты определяют температуру и влажность воздуха, фиксируют продолжительность солнечного сияния, наличие осадков.

В определенные часы и минуты, шестнадцать раз в сутки, дежурные выходят на площадку. Свои наблюдения они по радио передают в Свердловск. Эти данные служат для составления прогнозов погоды.

На Северном Урале, в районе реки Вишеры, возвышается овеянный легендами Полюдов камень. Здесь также находится высокогорная метеостанция, расположенная в 528 метрах над уровнем моря. Два дома метеостанции стоят на самой вершине, неподалеку от обрыва.

Н. РОЗИНА

ДВА СОСТЯЗАНИЯ

Главный судья С. С. Королев обходит колонну участников пробега.

Москва—Харьков—Москва

28 июня у западной трибуны стадиона «Динамо» началась велосипедная гонка по маршруту Москва — Харьков — Москва.

После торжественной части главный судья соревнований С. С. Королев взмахнул клетчатым бело-зеленым флагом, и 60 велосипедистов двинулись в путь. Они прошли по улице Горького, по Садовому кольцу и вышли на гонщики, которые впервые принимали участие в столь ответственном состязании.

Первым линию финиша пересек Х. Руубель (первая команда профсоюзов). Он прошел от Москвы до Тулы за 5 часов 41 минуту 29,5 секунды. Интересно, что Н. Матвеев — победитель гонки на этом участке в прошлом году — затратил тогда на это же расстояние почти

Финиш гонки в Орле.

Фото А. Бурдукова

магистраль Москва — Симферополь, где и был дан технический старт. Характерной чертой нынешнего велопробега является молодежный состав его участников.

С первых же минут гонщики развили большую скорость и шли большой группой. Лишь временами вырывался кто-нибудь вперед, но не надолго. После Лопасни темп гонки снизился. Сильная жара утомила спортсменов. Все чаще и чаще стали случаи проколов. Появились отстающие. Гонка оживилась перед самой Тулой. Тут командное соревнование разгорелось между динамовцами и гонщиками ВВС.

Туляки вышли на шоссе и тепло приветствовали гонщиков. У самого финиша началась острая борьба. За первое место боролись и опытный известный велосипедист А. Логунов, и молодой А. Болотин, и перворазрядник Х. Руубель, и многие на час больше. Командную гонку выиграли динамовцы.

29 июня в Туле был дан старт гонки Тула—Орел. На улицах Тулы началась борьба. Однако на шоссе почти все вышли кучно. Отстал только А. Логунов. Погода благоприятствовала соревнованию. Не было гнетущей жары. Тем не менее гонка проходила сравнительно спокойно. Ни одна из команд не делала серьезных попыток оторваться. Все шли кучно. У Щекино, Плавска, Черни тысячи людей приветствовали гонщиков. Однако после Мценска «хвост гонки» растянулся на много километров. Поломка, «завалы», проколы и просто усталость отняли у головной группы более 20 гонщиков. Вновь, как и в Туле, борьба разгорелась у самого финиша. На сей раз первое место завоевал также представитель первой команды профсоюзов мастер спорта И. Чурилов. Он прошел 174 километра за 5 часов 13 минут 4 секунды. Командную гонку выиграли спортсмены ВВС.

30 июня гонщики стартовали на Курск. Это самый короткий участок велопробега — 146 километров. Первым его закончил спартаковец Сергей Щепанский.

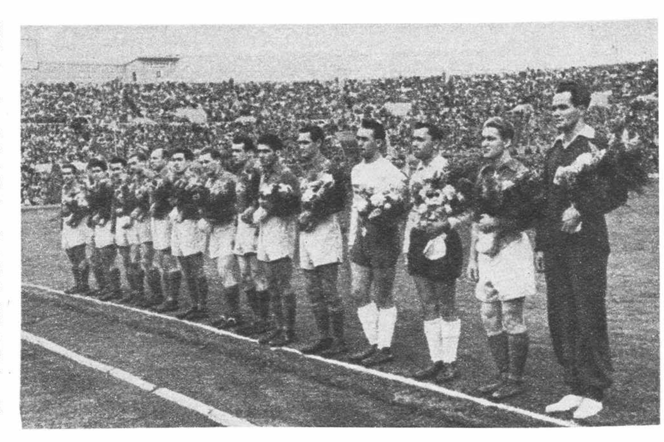

Москвичи впервые увидели румынских футболистов и проявили к их выступлениям большой интерес.

Успехи румынской команды в международных встречах прошлого года, победа над чехословацкими и польскими спортсменами в нынешнем сезоне создали им хорошую футбольную репутацию.

Несмотря на то, что массовый футбол в Румынии получил широкое развитие сравнительно недавно, он уже дал хорошие плоды. В первоклассных клубах Бухареста, Петрошени, Тимишоары выросли хорошие футболисты, которые свободно владеют мячом.

Это они показали в своих выступлениях в Москве.

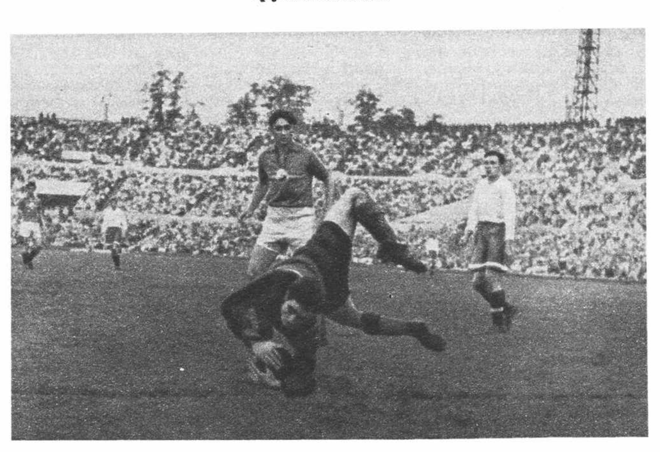

Сборная команда Румынской Народной Республики.

Фото О. Борисова и А. Бочинина

А. Ильин забивает третий мяч в ворота румынских футболистов.

Вратарь румынской команды И. Войнеску берет трудный мяч.

Однако тактическое однообразие и неумение быстро примениться к игре соперников создавали для них дополнительные трудности. Особенно было заметно это в первой встрече с командой Центрального дома Советской Армии, когда, применив так называемую «зональную» систему обороны, они позволили быстрым советским форвардам довольно свободно маневрировать по всему полю. В свою очередь, приходилось оттягивать на оборонительные линии игроков полузащиты. Так, например, Г. Серфёзе, по существу, играл четвертым защитником, мало беспокоясь о помощи своим нападающим.

Румынские форварды злоупотребляли поперечными передачами, подолгу задерживали мяч, чем снижали в общем хороший темп состязания.

Команда ЦДСА с каждым выступлением играет лучше. Она показала нам хороший футбол. Нападение, которое умело возглавлял В. Бобров, стало действовать значительно коллективнее. И, несмотря на несколько досадных промахов у ворот, мы склонны были бы оценить ее игру положительно.

Победили московские футболисты со счетом 3 : 1.

Румынские спортсмены извлекли уроки из первого поражения. В состязании со столичными динамовцами они изменили тактику игры. Их защитный вариант не бросался в глаза. Они его применяли лишь в случаях надобности. В то же время игроки защиты были более бдительны по отношению к каждому из динамовцев. Москвичи начали состязание серией бурных атак, и вскоре К. Бесков хорошо прорвался к воротам и открыл счет.

После этого наступательные действия усилились. Но румынских спортсменов это не смущало. Они довольно хладнокровно отбирали мячи и отсылали их в поле.

После же перерыва гости показали хорошую, темпераментную игру, широкий маневр нападающих, сильные удары по воротам. Очень активны были И. Петчовски и Т. Озон. Румынские футболисты полностью владели инициативой. Заметна была усталость динамовцев, их плохая физическая подготовленность.

Состязание закончилось ничейным итогом — 1 : 1.

Хочется отметить отличную игру вратарей И. Войнеску (Румыния) и В. Саная.

М. МАРТЫНОВ

ЦДСА — Финляндия — 2 : 0

В минувшее воскресенье в Хельсинки состоялось товарищеское состязание между сборной командой Финляндии и коллективом Центрального дома Советской Армии.

Интерес к этой встрече был велик. Десятки тысяч зрителей заполнили Олимпийский стадион.

Финские футболисты, как известно, недавно выиграли скандинавскую пульку, в частности, они обыграли команду Швеции. Это усиливало спортивный интерес к их встрече с ЦДСА.

После торжественного обмена вымпелами и букетами, после приветствий началась игра.

С первых же минут армейцы повели планомерные атаки. Они проходили то краями, где активно действовали А. Ильин и В. Трофимов, то по центру.

Уже в начале состязания В. Бобров открыл счет. Финские защитники и особенно их вратарь Лаксонен действовали энергично и решительно.

До перерыва счет не изменился. После отдыха армейцы вновь бросились в атаку, и уже на восьмой минуте Бобров из трудного положения вбил второй гол.

Старания хозяев поля отыграться, их частые попытки прорваться к воротам советских футболистов каждый раз разбивались о стойкую защиту, среди которой вновь выделялись А. Башашкин и К. Крижевский.

Встречу судил шведский судья С. Альнер.

В. СИНЯВСКИЙ

Больше этому не бывать

ЭМИ СЯО,
член Всемирного Совета Мира

Полтора десятилетия тому назад, 7 июля 1937 года, у старинного моста Лугоуцяо близ Пекина загрохотали орудия. Японские захватчики, оккупировавшие за шесть лет до этого Маньчжурию, потянулись к сердцу Китая.

Восемь лет японская военщина проводила в Китае политику «трех тотальных уничтожений» — массовых убийств, поджогов, грабежей. Японские генералы приказывали убивать без разбора старых и малых, мужчин и женщин. Кровь и пепел отмечали дорогу японских «самураев».

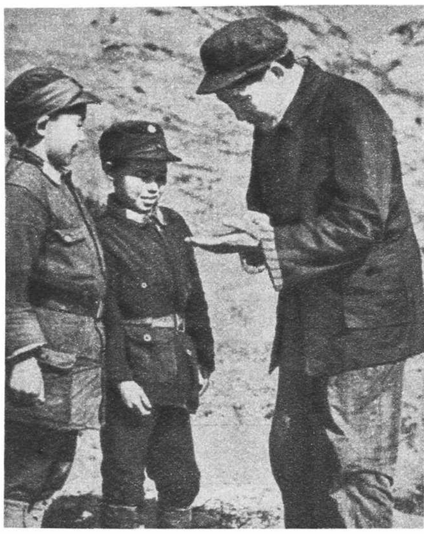
Открытый предатель нации и страны Ван Цзин-вэй и тайный агент международного империализма Чан Кай-ши всеми способами мешали всенародной борьбе против японских оккупантов. Если Ван Цзин-вэй открыто продавал свой народ иноземным захватчикам, то Чан Кай-ши придерживался тактики «цзо шань гуань ху доу» (буквально: «наблюдать с горы за схваткой тигров»). Руками японских оккупантов он надеялся расправиться со своими политическими противниками — коммунистами — и руководимой ими Народной армией. Чан Кай-ши предоставил частям Восьмой и Новой, Четвертой народно-освободительных армий выдерживать всю тяжесть борьбы с превосходящими силами оккупантов, одновременно помогая японцам блокадой Особого района и беспрерывными провокациями. Счастье Китая, что в дни тяжелых испытаний народ возглавила коммунистическая партия во главе с ее славным вождем Мао Цзе-дуном. Счастье Китая, как и всех трудящихся всего мира, что существует великий Советский Союз, идущий в авангарде борьбы против империалистической агрессии и оказывающий неоценимую помощь китайскому народу.

Вооруженные силы китайского народа с честью выдержали суровый экзамен истории. С сентября 1937 года по март 1945 года Народно-освободительная армия провела 115 тысяч боев с войсками японских милитаристов, марионеточными частями Ван Цзин-вэя и других предателей родины. 960 тысяч убитых и раненых, 280 тысяч пленных — таковы потери вражеских войск за этот период. 100 тысяч вражеских солдат восстали и перешли на сторону борющегося китайского народа. В связи с шестой годовщиной победы над японским империализмом великий вождь лагеря мира И. В. Сталин писал в своей телеграмме на имя товарища Мао Цзе-дуна: «Китайский народ и его освободительная армия, несмотря на гоминдановские махинации, сыграли большую роль в деле ликвидации японских империалистов. Борьба китайского народа и его освободительной армии коренным образом облегчила дело разгрома японских агрессивных сил».

Китайский народ не забыл чудовищных преступлений, которые творила японская реакционная военщина на его земле. В прошлом году в Китае шел сбор подписей под Обращением о Пакте Мира. Одновременно развернулось всенародное движение против возрождения Соединенными Штатами японского милитаризма.

В Пекине, Нанкине, Шанхае, Кантоне, Чанша, Ханькоу, Сиани — всюду проходили демонстрации народного гнева.

Помню восьмисоттысячную толпу на площади в Ханькоу. Эти огромные массы людей пришли на митинг протеста против вооружения Японии. Один за другим выступали трудящиеся, рассказывая о жестоких бедствиях, которые им пришлось вынести во время японской оккупации. Такие митинги в Китае носят название «су-ку» («рассказы о пережитом») или «дао ку шуй» («выливание горькой воды»). Гневом загораются глаза слушающих, когда перед ними проходят картины страданий народа в черные годы японской оккупации. И во всей необозримой толпе не остается ни одного человека, который бы не поставил свою подпись под воззванием о мире.

Вождь китайского народа товарищ Мао Цзе-дун беседует с юными связными 8-й Народной армии.

В городе Яньань — центре народного сопротивления японским оккупантам. Товарищ Мао Цзе-дун выступает перед молодежью.

Небольшая деревушка возле Пекина. И здесь идет «дао ку шуй». Старая крестьянка Ван Эр-нян рассказывает, как японские захватчики убили ее мужа. Нахмурившись, молчат люди: они вспоминают то, чего не может забыть и простить народная совесть. Но вот встает и начинает говорить молодой китайский доброволец, вернувшийся на побывку с корейского фронта. Он рассказывает, как американские варвары сжигают заживо напалмом корейских детей.

— Американские интервенты сегодня делают в Корее то же черное дело, что и японские милитаристы вчера у нас, — говорит юноша. — Вот почему я воюю с удвоенной ненавистью — и за своих погибших товарищей и за корейских детей.

Митинг окончен. Крестьяне ставят подписи за мир. Неграмотные прикладывают вымазанный тушью большой палец или печатку. Мне рассказывали, что малограмотные всю ночь накануне тренировались в начертании иероглифов своей фамилии, чтобы подпись их под историческим Обращением о Пакте Мира выглядела как можно красивее...

Кровавые наймиты Уолл-стрита, изверги в мундирах американской армии, идут старой «тропой самураев». Они решили стать продолжателями сумасбродной затеи Танака: «Сначала Корея, Маньчжурия, собственно Китай, затем вся Азия и потом весь мир». Но они уже получили могучий отпор воинов двух братских свободолюбивых народов — корейского и китайского.

Американские империалисты возрождают японский милитаризм, они хотят «опытными» руками самурайских генералов и офицеров удушить народы Азии. Они нагло топчут международные соглашения и свои собственные международные обязательства в отношении Японии. Народ Китая, как и другие народы Азии, испытавшие на себе ужасы нашествия японского империализма, хорошо понимает, какую опасную угрозу несет им возрождаемая руками американцев самурайская военная машина. Вместе со всеми народами Азии встает на борьбу за мир и японский народ, для которого «план Танака» обернулся тяжелой национальной катастрофой.

Движение «кан мэй юань чао!» («сопротивляйся американской агрессии, оказывай помощь Корее!») охватило весь китайский народ. Вот уже два года, как героический рабочий класс Китая все шире развертывает патриотическое соревнование за увеличение производства под лозунгами: «Превратим в мощную силу наш гнев, направленный против агрессоров!», «Станок — это оружие, завод — это театр военных действий!». Крестьяне, получившие землю, поднимают сотни тысяч му целины, добиваются высоких урожаев. Весь китайский народ от старых до малых ничего не жалеет, чтобы поддержать своих «самых любимых» — так называют в Китае народных добровольцев в Корее.

Недалек час, когда поджигатели войны убедятся, что историю нельзя повернуть вспять: воля народов к миру сильнее злой воли кучки обезумевших от крови и золота монополистов.

Мир победит войну!

Выставка в Пекине

В мае этого года в Пекине Китайским комитетом защиты мира открыта большая выставка, разоблачающая преступления американских интервентов, начавших бактериологическую войну в Корее и Северо-Восточном Китае.

Выставку осмотрели корреспонденты местной и иностранной прессы, а также многочисленные гости из-за рубежа, посетившие столицу Китая в связи с праздником Первого мая и торжествами по случаю юбилеев Н. В. Гоголя, Леонардо да Винчи, В. Гюго и Авиценны.

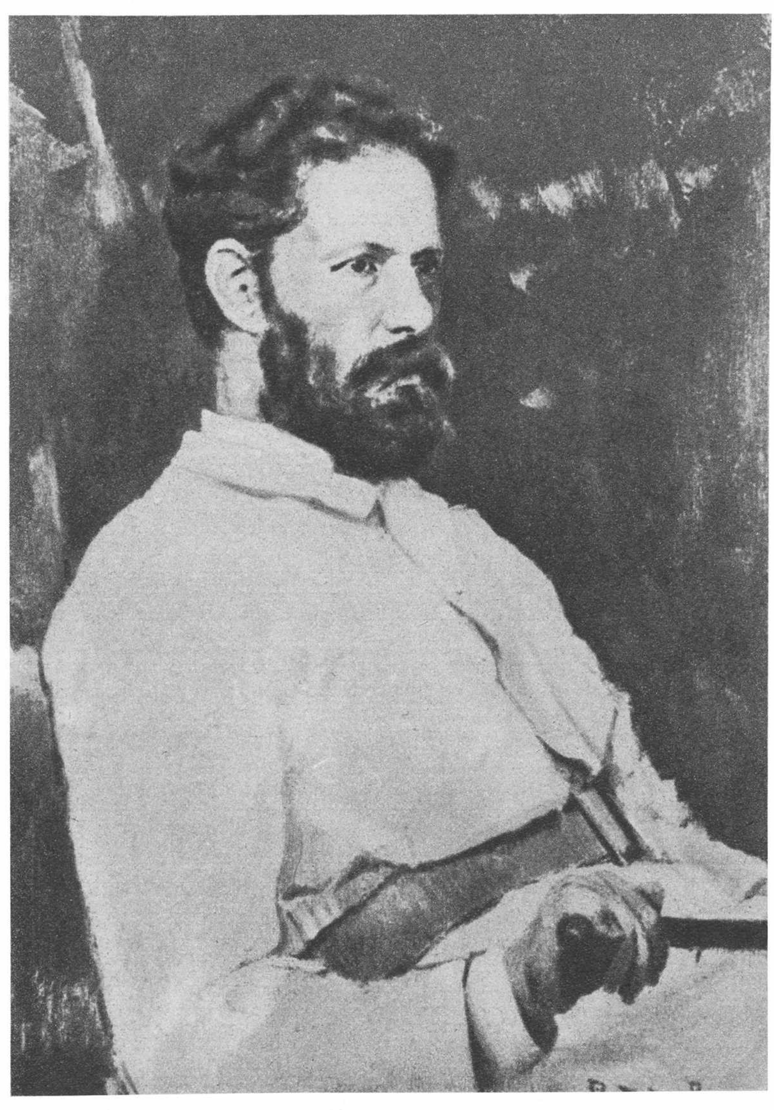
На фото слева: Председатель французского Национального Совета мира Ив Фарж (крайний справа) и писатель Клод Руа (в центре) слушают рассказ Ли Шу-чена — очевидца того, как американские самолеты сбрасывали бактериологические бомбы в Северо-Восточном Китае.

На фото справа: Австралийская профсоюзная делегация среди посетителей выставки.

ОБРАЗЫ ИСТОРИИ

К пятидесятилетию со дня смерти М. М. Антокольского

В. Васнецов. М. М. АНТОКОЛЬСКИЙ (1843—1902).

«Вся душа моя принадлежит той стране, где я родился и с которою свыкся; весь я принадлежу тем, кого раньше других я назвал своими. На севере сердце мое бьется сильнее, я глубже там дышу и более чуток ко всему, что там происходит... Вот почему все, что бы я ни сделал, будет результатом тех задушевных впечатлений, которыми матушка-Русь вскормила меня»,— так писал о своих работах прославленный русский скульптор Марк Матвеевич Антокольский. Целую галерею образов сынов родной земли создал Антокольский. Когда смотришь на эти скульптуры, кажется, что перед тобой раскрываются страницы героического прошлого русского народа и каждая из них живо и глубоко рисует свою эпоху.

Один из немногих скульпторов, Антокольский отдал все свое творчество труднейшему жанру — историческому портрету. Еще в стенах Академии художеств, куда он с трудом попал, уехав из родного провинциального городка, зарождается тяга юноши к истории. Репин вспоминает, как вместе они увлекались исторической и философской литературой, чуть не до утра засиживаясь над книгами. Близость к Крамскому, Стасову, будущим передвижникам определяет дальнейшую судьбу молодого скульптора. Антокольский стремится в искусстве к жизненной правде, простоте и ясности изобразительного языка, к глубокому содержанию. Ему кажутся узкими границы бытового жанра, которым он занимался в Академии. Он хочет воплотить в скульптуре свои мысли о судьбах России и народа. «Где же утолить жажду мою? — пишет он Стасову, объясняя свое пристрастие к историческим темам.— В чем я могу выразить мою душевную боль, как не в людях сильных, могучих духом, которые вечно как тени стоят перед человечеством во всей его истории! Подобных личностей мы называем «историческими», их все знают с колыбели еще, о них все слышали, но никто их не видел. Так вот я и хочу показать их».

Первым историческим портретом, созданным Антокольским, был «Иван Грозный». Антокольский выставляет его на первой передвижной выставке, и начало новой эпохи в родном искусстве — эпохи передвижничества — становится началом блистательного пути молодого скульптора. Появление его скульптуры приветствуют Стасов и Тургенев, передовая печать, широкие круги зрителей. Их привлекает то, что ваятель, отказавшись от внешней, парадной стороны «монаршего» портрета, изображает в первую очередь человека, выдающегося государственного деятеля, погруженного в думы о своей родине. Решение Антокольского было тем более значительным, что оно давало новое, глубокое и исторически правильное представление о личности Грозного.

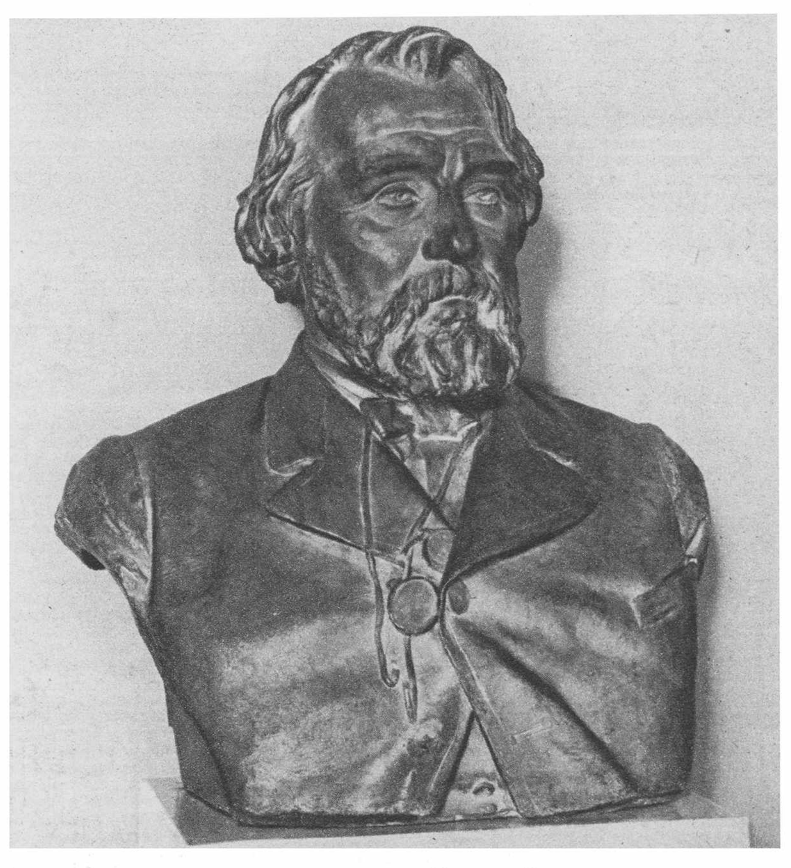
Работа над «Грозным» была сопряжена для скульптора с большими трудностями. Сначала Антокольский работает в пустующих летом классах Академии художеств, но и в этой «милости» начальство ему отказывает. Приходится перебраться в жалкую и тесную каморку, где от постоянной сырости у скульптора начинается острый ревматизм. Но все это не может ослабить его творческого порыва. Не успев закончить «Грозного», он принимается за «Петра I» — значительнейшее из своих произведений.

Эскиз за эскизом делает и отвергает мастер. Он советуется с историками, роется в музейных материалах. Его интересует все — от покроя одежды до исторических актов и описаний битв. Но задача Антокольского не просто установить достоверный костюм петровского времени и портретный облик, соответствующий описаниям современников. Скульптор добивается исторической достоверности в смысле правильного понимания образа. «Понять человеческую душу, дух народа, его радости и горе, его настроение и стремление» — такова его цель. Петр I — человек неистощимой энергии, огромной целеустремленности, волевого накала, но этим не ограничивает его характеристики Антокольский. Скульптор видит шире, глубже. Он рисует государственного деятеля, полководца и в то же время монарха, деспотичного, беспощадного, властолюбивого. Его образ разносторонен и потому убедителен. «...Это значительнейшее из всех существующих изображений величайшего из русских людей, — определяет «Петра I» Стасов.— Огонь, вдохновение силы, не терпящей никакого сопротивления, ни препятствий, стремительность, размах — все выражено в этом колоссе, который... стремительно шагает навстречу всем врагам».

В последнее десятилетие своего недолгого творческого пути скульптор обращается к образу Ермака и создает замечательную по живости характеристики скульптуру — настоящее олицетворение народной силы и мужества. Пять лет напряженной творческой работы поглотил «Ермак». Не хватало исторического материала, биографических данных, но все было преодолено. «Ермак» — проникнутое высоким патриотическим пафосом повествование о человеке из народа.

Думы, помыслы и творческие замыслы Антокольского всегда были обращены к родной стране. Он болел ее горестями и радовался ее радостями. Высокий патриотизм, жизненность характеристик героев, глубокое понимание истории—вот то, что волновало и продолжает волновать в произведениях замечательного мастера.

Народный художник РСФСР
Н. ТОМСКИЙ

Антокольский. И. С. ТУРГЕНЕВ.

М. М. Антокольский (1843—1902). ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫЙ. 1875 год. Мрамор. Государственная Третьяковская галерея.

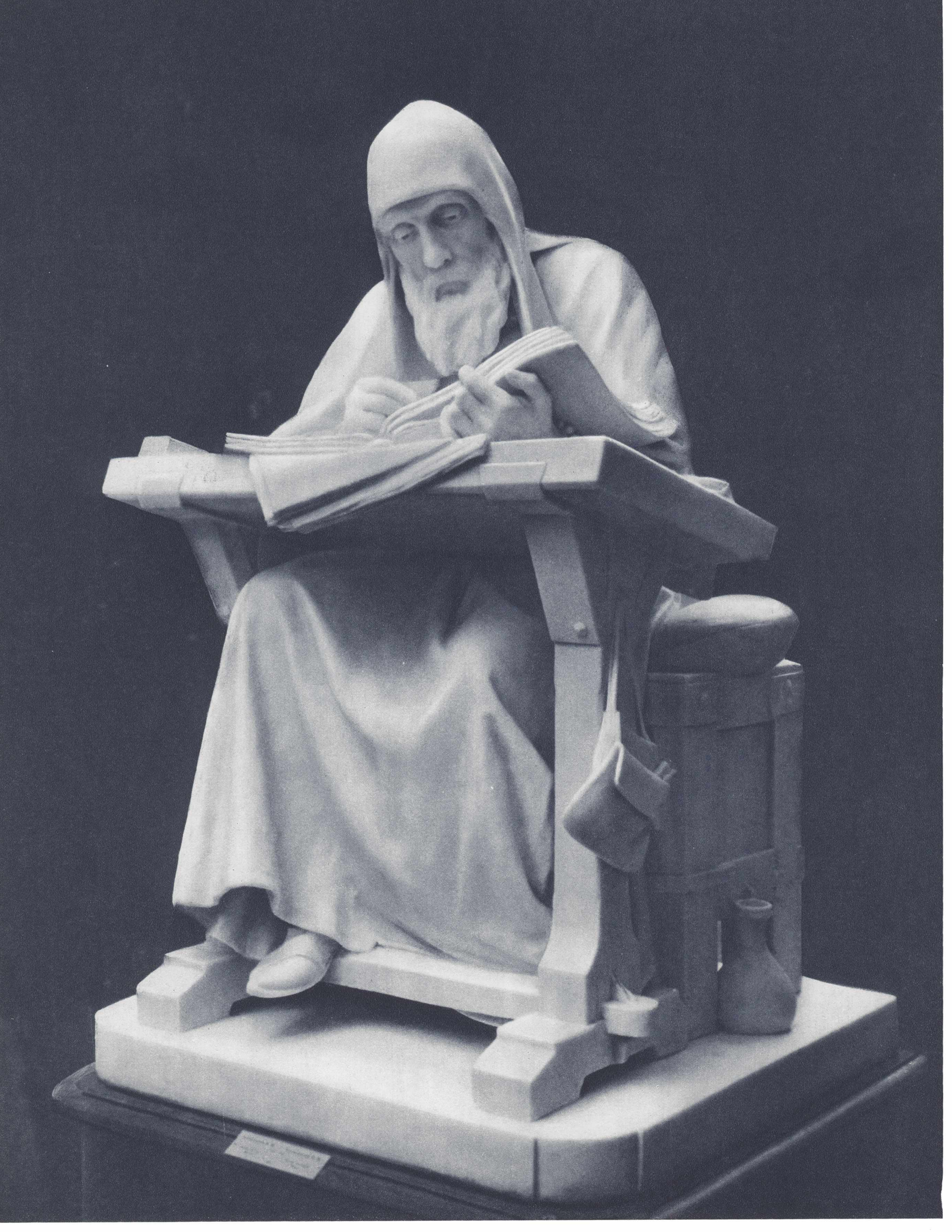

М. М. Антокольский.
ПЕТР I. 1872 год. Бронза.
Государственный Русский музей. Ленинград.

ЕРМАК, ПОКО
1891 год. Бр
Государств
музей.

...оритель Сибири.
...ронза. Фрагмент.
...енный Русский
... Ленинград.

НЕСТОР ЛЕТОПИСЕЦ. 1889 год. Мрамор.

Киевский музей русской живописи.

В ТАЕЖНОМ ГОРОДЕ

Рассказ

Виктор **СТАРИКОВ**

Рисунки О. Верейского

1

Переезд в семье доктора назначили на конец августа, чтобы на новом месте мальчики могли с первого сентября пойти в школу.

Лето стояло холодное, дождливое. Пожалуй, самое плохое за пятнадцать лет жизни на севере. В конце июня вдруг ударили сильные заморозки, и высокая картофельная ботва на огородах сникла, почернела, словно опаленная огнем, в одну ночь. За все лето и в лесу не удалось побывать: каждая кочка там брызгала водой.

Утром Марья Васильевна, собираясь на службу в банк, думала: «Последнее лето... Наконец-то! Столько времени собирались уехать».

Муж обещал вернуться из поездки по лесному участку через три недели. Не торопясь, Марья Васильевна готовилась к дальней дороге и жизни на новом месте. Она разбирала книги, журналы, решала, какие взять с собой, какие можно подарить городской библиотеке.

Труднее с вещами. Их накопилось немало. Надо отобрать самые необходимые. И трудно было решить, что именно надо оставить.

Еще труднее с Барсиком. Он появился в доме пятнадцать лет назад, на второй день приезда, и все привязались к нему. Ребята и слышать не хотят, чтобы оставить Барсика. А как его возьмешь? Барсик одряхлел. Он мало бегает, больше спит на подстилке в сенях. Но когда Марья Васильевна выходит в сени, Барсик обязательно встает и смотрит на нее преданными мутными глазами.

После полосы дождей вдруг наступила ясная погода. Низкие серые тучи куда-то ушли, весь день сияло жаркое солнце. Видна стала далекая горбатая и голая вершина Гумбы и острая, словно петушиный гребень, Куралая, заросшая щетинистым лесом.

Марью Васильевну неудержимо потянуло в тайгу. Вечером, вернувшись пораньше домой, сделав все по дому и отпустив мальчиков гулять, она пошла за реку.

На деревянном мосту через Ваграп Марья Васильевна остановилась. Быстрая вода бурлила у свай. Желтая пена, похожая на хлопья ваты, пропитанной иодом, кружилась в воронках, застревала в затопленных кустах. Течение было такое стремительное, что, казалось, мост, вспарывая ледорезами воду, стремительно несется по реке. У Марьи Васильевны даже голова закружилась.

Послышался треск мотоцикла. Он спускался по крутой красноватой дороге из лесу. На мосту мотоциклист сбавил газ, и Марья Васильевна по светлым волосам, выбивавшимся из-под берета, узнала геолога Ирочку Гунину. На багажнике сидел в желтой куртке и желтых сапогах ее муж — тоже геолог. Ирочка помахала Марье Васильевне рукой в кожаной перчатке, а Гунин, несколько смущенный своим положением пассажира, только улыбнулся.

Не успели они скрыться, как на мосту со стороны города появился Василий Михайлович Пророков, заведующий отделом народного образования, рослый мужчина, в теплой ватной куртке, высоких охотничьих сапогах, с ружьем за плечами и патронташем за поясом. Впереди него бежала лайка.

Василий Михайлович остановился и поздоровался.

— Не вернулся Афанасий Семенович? — спросил он.

— Жду. Пора бы.

— Говорят, Котва сильно разлилась. В Крутом мост снесло. Мои учителя не смогли на совещание приехать. Вот и воспользовался. Решил тайгой себя побаловать.

— Что же, ни пуха вам, ни пера!

— Спасибо... Твердо решили, уезжаете?

— Да, готовимся в путь.

— Правильно. Послужили северу. Позовите на отвальную чарку. Хорошими соседями жили.

— Как можно, Василий Михайлович, обязательно! Но столько с этим переездом забот! Сегодня Барсик расстроил. Что с ним делать?

— Да мне оставьте. Прокормится лишняя собака у охотника.

— Правда, возьмете? Вот спасибо...

Они вместе перешли мост и попрощались. Марья Васильевна свернула на береговую щебенистую тропку, а Василий Михайлович, посвистывая собаке, зашагал дальше по дороге.

Сначала тропка вилась вдоль высокого каменистого берега, потом подымалась в гору и исчезала в густой тайге. Марья Васильевна хорошо знала и любила эту дорожку к старому кирпичному заводу. С мужем они часто гуляли здесь.

Казалось, что деревьям тут тесновато: так много их росло. Из всех деревьев Марья Васильевна особенно любила лиственницы, высокие и прямые, как свечи, с нежной зеленью мягкой хвои. Несколько кедров держались обособленной группой. Между мачтовыми соснами густо росли елки, опустив до самой земли зеленые лапы. Голубовато поблескивали пятна ягеля. Ближе к берегу, среди белых

камней и зеленоватых от моха острых каменных гребешков, густели черемуховые кусты. На круче держались шиповники. Там же стояла высокая рябинка, видная издалека.

Марья Васильевна подошла к каменному обрыву и села на пенек. Внизу шумела река, и от заплотицы доносились звонкие ребячьи голоса. Сверкала на солнце мелкая галька.

Река дальше круто сворачивала. Краски: белая — обрывистого берега, зеленая — прибрежных трав, красная — леса и голубая — неба создавали такое разнообразие оттенков, что можно было долго сидеть, отдыхая душой, и любоваться.

На противоположном берегу на покатой возвышенности виднелся город. Он казался нарядным, веселым. Ближе всех к реке протянулась улица одноэтажных домиков с небольшой церковью на площади. За нею вставали кварталы каменных двух- и трехэтажных домов с балконами, большой Дворец культуры, школы, больницы. А еще дальше — недостроенные коробки нового квартала жилых домов. Над ними повертывалась длинная стрела ажурного крана. На лесах виднелись люди. Левее блестел шпиль нового вокзала. Шахты расположились в стороне.

Вот как вырос город! Пятнадцать лет назад, когда они приехали, стояли только деревянные дома таежного села с церковью, тоже деревянною, на площади. Оба знали, что едут в глухое место. А теперь на всех картах можно прочитать название нового города. Тридцать тысяч жителей.

Пятнадцать лет назад они встретили в селе несколько геологов. По вечерам геологи приходили чаевничать в семью доктора и рассказывали о разведках. Руду начали добывать десять лет назад. Теперь работают три рудника, два закладываются. Говорят, что через пять лет население города удвоится. Уже строятся новые школы, жилые дома, проектируется вторая больница.

Впрочем, все это уже будет без них.

Марья Васильевна испытывала особый душевный покой. Вот только сообщение Василия Михайловича о разливе Котвы немного встревожило ее. Она привыкла к длительным отлучкам мужа в любое время года, в любую погоду и была уверена, что с ним ничего не случится. Досадно, если он задержится. Многие дела, связанные с отъездом, ей придется решать одной.

Не верилось, что через месяц их здесь не будет. Без них в сентябре отпразднуют открытие красивого вокзала железной дороги. Интересно, кто будет открывать митинг? Секретарь горкома партии Николай Иванович Веретенников, который сейчас лежит в больнице, или председатель горисполкома Василий Самойлович Коршунов? Не будет их и на торжественном заседании, посвященном годовщине Октября. Обычно муж сидел в президиуме, а Марья Васильевна в зале. Кто из врачей теперь будет избран в президиум?

Вот они и уедут из города, в котором прожили много лет, где родились и выросли их дети. Ехали на три года, и вдруг застряли.

Еще в конце третьего года Марья Васильевна начала собираться в обратную дорогу. Но муж убедил остаться еще на год. Марья Васильевна, подумав, согласилась.

А там пошло: с весны начинались сборы, а осенью отъезд откладывался еще на год. Муж полюбил летние поездки по тайге — исчезал на два — три месяца. Так продолжается до сих пор. Марья Васильевна не понимала этого увлечения. В прошлом, может, был смысл в тяжелых поездках по самым отдаленным местам: единственный врач на всю округу. Теперь в городе большая поликлиника, с солидным штатом. Муж заведует одним из отделений. В тайгу могли бы выезжать и более молодые врачи. Но он и разговоров об этом не допускает. Перед отъездом сказал:

— Поеду проститься с тайгой, со всеми знакомыми... Может, больше и не придется побывать.

Когда Марья Васильевна подходила к дому, она увидела у ворот Барсика. Значит, кто-то посторонний в доме. Марья Васильевна ускорила шаги.

Барсик, виляя хвостом, вошел во двор, поднялся на крылечко и улегся у перил на солнцепеке.

В комнате сидел знакомый геолог Константин Сергеевич Смыслов. По сумрачному лицу Константина Сергеевича Марья Васильевна догадалась, что он не с добрыми вестями.

Увидев Марью Васильевну, Смыслов встал.

— Только не волнуйтесь, Марья Васильевна,— неловко сказал он.— Ничего страшного.

— Что?.. Скорее! Что случилось? — спросила Марья Васильевна, схватившись за спинку стула. Вся комната тихо закружилась вокруг нее.

— Афанасия Семеновича привезли... В тайге подобрали. Очень болен, сейчас в больнице.

— Что с ним? Скажите правду!

— Говорят, простуда.

— Вот так и знала... Так и знала... — растерянно говорила Марья Васильевна.— И почему в больницу, а не домой?

Геолог только руками развел.

— Проводите меня,— попросила его Марья Васильевна.

Афанасий Семенович лежал в дальней палате, и Марью Васильевну тотчас провели к нему. Она не сразу узнала мужа: таким желтым и осунувшимся показалось его лицо. Слышалось затрудненное дыхание. Открыв глаза, Афанасий Семенович попытался улыбнуться ободряюще и приподнять голову.

— Лежи, лежи,— овладев собой, спокойно сказала Марья Васильевна.

— Что дома? — спросил тихо Афанасий Семенович.

— Все хорошо... Ах, зачем ты поехал?! — невольно вырвалось у нее.— Говорила...

— Да, Машенька,— виноватым шепотом ответил он.

2

Афанасий Семенович уехал, как он всем говорил, прощаться с тайгой. Поездка выдалась очень тяжелая. Там, где обычно летом проходил пешком, теперь он с трудом пробирался на лошади. Земля густо напиталась водой, а дожди все лили и лили. За три недели не выдалось и одного сухого дня.

Все же Афанасий Семенович выполнил намеченный план. Оставалось только навестить старика-охотника Арсения Кузьмича, у которого заболела старшая дочь, и тогда можно повернуть назад.

Афанасий Семенович с удовольствием думал, что скоро будет дома. Приедет, вымоется, наденет свежее белье и выйдет к чаю. За столом соберется вся семья. Потом он уйдет к себе в комнату и займется разбором накопившихся газет, журналов, писем.

Лошадь осторожно шла по узкой лесной дороге. Ноги ее глубоко проваливались. Мелкий, нудный дождь моросил и моросил. Сырые испарения поднимались с земли, плотный туман лежал во всех впадинах. Лес по обе стороны стоял молчаливый, хмурый, темный. Стволы деревьев почернели. Попряталось все живое. Только какая-то большая птица сорвалась с голой вершины кедра и поднялась над лесом, тяжело махая намокшими крыльями.

Показалось огороженное поле. Рожь росла на грядках. Делалось это для того, чтобы она не вымокала. Зеленые стебли лежали на раскисшей земле, спутанные, смятые, как водоросли, выброшенные на берег.

Лошадь пошла веселее. Через полчаса езды за деревьями мелькнули три знакомых прочных деревянных дома. Афанасий Семенович остановился у самого крайнего. Хозяин, старик, с черной, без единого седого волоска бородой в колечках, говорил распевно:

— Вот спасибочки... Не побрезговали в такую непогодь заехать.

В доме с утра протопили печь, и Афанасий Семенович почувствовал всю прелесть сухой

теплоты. С трудом стянул он мокрые сапоги и, оставшись в носках, прошелся по комнате, застеленной половиками. Одну стену занимали распластанные крылья глухарей — охотничьи трофеи хозяина. «Даже красиво»,— подумал Афанасий Семенович.

— В такую мокреть поехали,— опять сокрушенно сказал старик.

— Ладно, ладно, Кузьмич,— добродушно отозвался Афанасий Семенович.— Не ворчи на незваного гостя. Где больная?

— В той горенке.

Невысокого роста, сухощавый, веселый, Афанасий Семенович везде был своим человеком. Руки у него были крупные, покрытые рыжеватыми волосами, мягкие, как у женщины. Он легко мог пройти в день сорок километров, не слезать весь день с седла. В тайге его знали и любили. Когда он выезжал на участки, везде шли разговоры:

— Наш доктор едет.

Таежники так привыкли к его наездам зимой и летом, что удивились бы, если бы доктор вдруг прекратил эти поездки. Он знал о своей таежной славе и гордился ею, пожалуй, не меньше, чем удачными операциями.

Афанасий Семенович осмотрел молодую женщину, болевшую грудницей; три недели назад она родила у них в больнице мальчика. Поговорив с больной, взглянув на ребенка, похвалив его, Афанасий Семенович направился в остальные дома. Везде доктору были рады, приглашали переночевать. Но Афанасий Семенович всегда останавливался у стародавнего друга Кузьмича и на этот раз не хотел обижать старика.

Вечером Афанасий Семенович и Арсений Кузьмич сидели в комнате с глухариными крыльями на стене, слушали по радио музыку и беседовали о жизни. За окном шумел дождь.

— Уговаривают пойти в разведку,— рассказывал Арсений Кузьмич.— Хороший оклад сулят. Сына соблазнили, ушел с геологами. Теперь и меня сманивают. Не знаю, как быть...

Такие разговоры о житейских делах Афанасию Семеновичу приходилось вести со всеми пациентами.

— Иди в разведку,— посоветовал Афанасий Семенович.— Большую пользу принесешь. Пора из тайги уходить, в поселок переселяться. У тебя внуки растут, им скоро в школу. Что же, они без деда жить будут?

Но старик с сомнением покачал головой:

— А чем тайга плоха? Пусть внуки сюда приезжают.— И хитро улыбнулся.— Вот и вас тайга манит. Вижу, что манит. Ведь каждое лето и зиму так приезжаете. А зачем? У вас теперь больница большая, ездить недосуг.

— Ради таких таежников и езжу. Не бросать же вас комарам на съедение! А перешел бы ты в разведку, другие — кто к горнякам, кто в леспромхоз, и я перестану ездить. Да скоро и совсем уеду. Прощаюсь с севером.

— Что так?

— Жена просит. Да и сам думаю, что зажился. Поработал.

— Неужто уедете? — не поверил Арсений Кузьмич.— Не полюбили, значит, наших мест.

— Не то, Кузьмич, не то. Ехали с женой на три года. Так условились. А потом как-то случилось, что еще на два года договор подписал. Даже жена не знала. А тут геологи начали работать, попросили возле них пожить. Да и сам заинтересовался: что тут с тайгой собираются делать? Думаю: что они в таежных болотах найдут? А потом все откладывал да откладывал. Вот и зажился. Хочется в новых местах побывать, а не только в тайге.

— Оно, конечно, — согласился Арсений Кузьмич, — человек вы еще молодой.

Утром Афанасий Семенович уезжал. Провожали его все жители, узнавшие, что доктор приезжал в последний раз.

День стоял такой же пасмурный, как и накануне. Сеял тот же мелкий дождь, и за ночь озимь поникла еще ниже к земле. «Не поднимется хлеб»,— с огорчением подумал Афанасий Семенович.

С утра доктору стало как-то не по себе, да и спалось плохо, тревожно, слегка познабливало. Дорогой озноб усилился. Афанасий Семенович старался не придавать значения этому недомоганию. «Вечером прогреюсь в бане, все пройдет»,— думал он.

К вечеру, однако, сделалось совсем плохо. Ломило глаза, голова стала тяжелой, Афанасий Семенович с трудом держался в седле. Хотелось слезть, лечь на землю и закрыть глаза. А однообразная, тяжелая дорога тянулась и тянулась, и реки все не было.

Подъехав к Котве, Афанасий Семенович удивился: когда она успела так разлиться? Мутная вода журчала между затопленными стволами на берегу. Быстрое течение подмывало крутой песчаный берег, отваливая от него комья земли. Длинные корни сосны висели в воздухе, и большое дерево на глазах все больше и больше клонилось к воде.

Ближайший мост — километрах в пятнадцати вверх по реке. В ином состоянии доктор непременно направился бы в объезд. Но теперь он боялся, что сил на такой путь у него не хватит.

Глухой шум слева заставил доктора повернуть тяжелую голову. Сосна клонилась к реке, словно кто-то сильный нажимал, а дерево все еще пыталось удержаться. Но вот, словно ослабев в неравной борьбе, сосна повалилась, всплеснув воду, и, подхваченная течением, повернулась несколько раз и понеслась вниз.

Он смутно помнил все, что случилось потом. Всхрапнув, лошадь решительно двинулась вперед, но сразу же споткнулась; Афанасий Семенович не успел поводом поддержать ее и вывалился из седла. Он увидел морду лошади с оскалом желтых зубов и расширенными фиолетовыми глазами в нескольких метрах от себя. Течением лошадь сносило. Работая отчаянно руками и ногами, Афанасий Семенович пытался повернуть к берегу. Он задыхался, намокшая одежда мешала плыть, тянула вниз.

Вдруг ноги коснулись дна, и Афанасий Семенович, все еще разводя руками, спотыкаясь, выбрался на мокрый щебенистый берег и прислонился, тяжело дыша, к сосне. Лошадь несло течением к низкому затопленному левому берегу. Мелькнула в быстрых пенистых струях ее голова и скрылась за поворотом. «Выберется»,— подумал Афанасий Семенович.

Некоторое время он смотрел на реку, стараясь спокойно оценить все, что произошло с ним. Вернуться к Арсению Кузьмичу? Не дойти. Здесь через реку не переправиться. Оставалось только двигаться к мосту. По дороге есть небольшое селение, где-то здесь работают геологические партии. Может быть, он встретит кого-нибудь.

Он выжал воду из одежды и двинулся вдоль берега.

Чтобы приободрить себя, Афанасий Семенович попытался иронически оценить свое положение. Вот давал срок — через четыре дня быть дома, ночевать собирался за рекой, а вместо этого бредет с палкой по тайге, потеряв лошадь, промокший, измученный, больной. Никогда не надо вперед загадывать.

Тайга только казалась безлюдной. На поляне Афанасий Семенович увидел следы костра — несколько головешек и черный круг обгорелой травы. Попадались участки, где брали живицу. Один раз Афанасию Семеновичу показалось, что люди должны быть особенно близко. Он вышел на визирку — просеку, прорубленную в молодом сосновом лесу. На месте крайней скважины белел свежий деревянный столб с номером и датой окончания работы — репер, по выражению геологов. Везде валялись свежие стружки, окурки, спички.

Он шел до тех пор, пока деревья не слились в сплошную стену. На ночь прикорнул возле сосны. Здесь было несколько суше. Изредка Афанасий Семенович забывался коротким и тревожным сном. Дождь кончился, но стало очень холодно. Афанасий Семенович вставал, делал три шага вперед и три назад, чтобы согреться. Обессиленный, он опять присаживался, прижимаясь спиной к теплому, как казалось, стволу сосны, вытягивал ноги и закрывал тяжелые веки. Временами ему слышались близкие голоса, стук топора, звяканье удил... Он открывал глаза и прислушивался. Нет, ничего! Обман слуха. А ведь люди где-то близко.

Когда стало чуть сереть, Афанасий Семенович обрадовался. Тайга молчала, ни одна птица не подала своего голоса. Он встал и медленно двинулся дальше. Болело и ломило во всем теле.

Он брел весь день, продолжая встречать следы людей. Только под вечер Афанасий Семенович снова вышел к реке. Бурлила и клокотала вода. Угрюмый и молчаливый лес стоял

на противоположном берегу. Никого не встретил. Сколько он прошел? Как далеко до моста?

Обессилевший Афанасий Семенович присел на корточки и долго смотрел на воду. Кружились воронки. Голова клонилась ниже и ниже. Афанасию Семеновичу вспомнилась сосна, упавшая вчера в реку. Сейчас только одно желание владело им: прилечь. И он откинулся навзничь, хотя понимал всю гибельность поступка, и земля показалась ему мягкой, теплой и доброй.

Геологи подобрали Афанасия Семеновича у самой воды. Только через три дня они смогли привезти его в больницу.

3

Домой из больницы Афанасий Семенович вернулся в средних числах августа. Начало осени на севере всегда хорошо. Теплый и душистый воздух шел из тайги, хотелось дышать и дышать. Каждый глоток, казалось, прибавляет силы и бодрости. Леса стояли приветливо зеленые. Облака, как отары белых овец, шли весь день над ними.

Барсик захлебнулся за воротами заливистым лаем. Марья Васильевна поняла, что он встретил Афанасия Семеновича, и вышла на крыльцо.

— Вот и попрощался, Машенька, с тайгой,— не удержался Афанасий Семенович от шутки.

— Попрощался! — Марья Васильевна не могла так легко отнестись к тому, что было.— Как ты можешь шутить?

— Под осадки любой человек может попасть и в любом месте. К тому же все это — уже прошлое.

Она только покачала головой.

На пороге своей комнаты Афанасий Семенович остановился и с удивлением посмотрел на связки книг.

— Что это?

— Ты же просил отобрать книги, которые надо взять. Вот и приготовила.

— Ах да, забыл, забыл...

И пошел во двор умываться. Он так мечтал о том, что дома первым делом умоется у колодца.

— А где наши ветрогоны?

— Где они могут быть? На реке или в тайге.

— Это хорошо, очень хорошо. Пусть бегают... А осень-то началась какая! Чудо!.. У кедров, говорят, ветки от шишек ломятся.

Прибежали сыновья — старший, Валентин, двенадцати лет, и младший, восьмилетний Геня. Из комнаты мужа послышались веселые восклицания, смех, шум. И громче всех звучал голос Афанасия Семеновича.

Марья Васильевна заглянула в комнату и застала всех за горячим спором.

— Позволь, позволь,— говорил Афанасий Семенович старшему сыну, рассматривая самодельный детекторный приемник, смонтированный на куске фанеры.— В доме имеются трансляционная точка, радиоприемник... А зачем же этот нужен? Ведь это вчерашняя техника. Таких и в деревнях не найдешь.

— А вот пойдем в лес, захочется радио послушать... Антенну закинул, заземление сделал, и можно радио слушать.

— Он дома спать ляжет, наушники наденет и слушает,— вставил младший, Геня, с завистью смотревший на приемник брата.— Мама даже ругается.

— Обширная область применения,— сказал, добродушно усмехаясь, Афанасий Семенович.— Все же, брат, это вчерашняя техника.

— У нас в лагере все слушать приходили. Сколько мы их наделали!.. На всех деревьях антенны висели.

За обедом на застекленной веранде, с которой открывался вид на скалистый берег Ваграна и на лесистый увал, Марья Васильевна вглядывалась в похудевшее и осунувшееся после болезни лицо мужа.

В течение дня непрерывно раздавались телефонные звонки. Сослуживцы, друзья и просто знакомые, а иногда и уже забытые люди, которые когда-то лечились у Афанасия Семеновича, поздравляли доктора с возвращением домой и интересовались его здоровьем.

— Пойду вздремну,— сказал виновато Афанасий Семенович,— приучили меня к режиму в палате.

Марья Васильевна подходила к телефону и всем говорила, что Афанасий Семенович спит, и просила позвонить позднее. Но, заглянув в спальню, она увидела, что муж лежит с открытыми глазами. Что-то тревожило Афанасия Семеновича.

Раздался стук в окно.

Марья Васильевна выглянула и увидела старика с черной в колечках бородой.

— Дома ли хозяин? — спросил он.

Афанасий Семенович, услышав голоса, подошел.

— Арсений Кузьмич,— обрадованно произнес он,— заходи, пожалуйста!

У порога Арсений Кузьмич взял веник, которым сметали мусор с крыльца, и начал старательно обмахивать сапоги.

— Да входи, входи,— смеясь, приглашал доктор таежника.

— Слышал о беде с супругом вашим,— сказал Арсений Кузьмич в доме, обращаясь к Марье Васильевне.— Уж не пеняйте. От нас тогда Афанасий Семенович поехал. Как в тайге-то его нашли?

— Довольно, довольно, Арсений Кузьмич,— вмешался Афанасий Семенович.— Скажи, как твои живут. Что с дочерью?

— Поправилась... А я ведь в дорогу тронулся, Афанасий Семенович. Попрощаться пришел, как вы рассказывали, что уезжаете. Может, правда, больше не увидимся, а ведь пятнадцать годков, как один день, рядом прожили.

— Прощаться? — спросил Афанасий Семенович.

— Ухожу с насиженного гнезда. Сыновья уговорили, да и вы в тот раз советовали. Подумал, подумал — не проживу один. Старухи нет, сыновья ради меня держались. Зачем, думаю, им жизнь портить. Вот и подался до разведчиков. В Калье жить будем. Я и дом наш смотрел. Ничего, хороший дом. А это сыновья меня к вам послали. Просили и от них вам пути хорошего пожелать.

— Спасибо, спасибо,— растроганно сказал Афанасий Семенович, оглядываясь на жену.

Когда Арсений Кузьмич, несмотря на уговоры остаться переночевать, пошел пешком на Калью за двадцать километров, Афанасий Семенович задумчиво сказал:

— Хороший старик! Вот пошел пешком... А знаешь, сколько ему лет? Около восьмидесяти, а в бороде и седого волоска не бывало. И семья у него хорошая, здоровьем в него — крепкая. В тайге первый охотник. Нелегко ему от нее оторваться.

Доктор вздохнул и, помолчав, сказал:

— Машенька, нам необходимо поговорить...

Но поговорить им не дали. Зашел Константин Сергеевич, тот, который подобрал доктора в тайге. А вскоре собрались сослуживцы и сосед Василий Михайлович, бравший к себе Барсика.

Афанасий Семенович сидел в центре стола, и гости требовали, чтобы он рассказал все, что случилось в тайге.

— Нет, увольте,— отмахивался доктор.— Детям, вероятно, есть смысл рассказывать такие истории. А мне о собственной глупости говорить просто неприлично. Потащился больной на лошади. Для врача непростительно. Пусть Константин Сергеевич расскажет, чем они там, в тайге, занимаются. Это поучительнее...

Но Константин Сергеевич возразил:

— Что я расскажу? Расширяем границы рудного поля. А вот, когда мы узнали, что в село лошадь Афанасия Семеновича пришла, испугались. Столько людей тогда в тайгу пошло...

— Вот, вот... Ну, не надо,— попросил Афанасий Семенович, так и не дав рассказать, как нашли его в тайге.

Разошлись гости поздно.

Афанасий Семенович постоял на крыльце, проводив всех гостей, и вернулся в комнату. Марья Васильевна убирала со стола посуду.

— Приятно дома,— сказал Афанасий Семенович, обнимая жену за плечи и заглядывая в глаза, весь день с тревогой следившие за ним.— Как вы тут жили? Расскажи. Пойдем, посидим.

Он помог жене надеть шерстяную кофточку. Они вышли на улицу. Афанасий Семенович положил ковер на крыльцо, и они сели рядом. Так они часто проводили летние и осенние вечера.

Сияли крупные звезды. От леса тянуло речной сыростью и прелью — запахом осени. Слева были огни города, поднимавшиеся все выше и выше, почти к холодно блестевшим звездам. Со станции доносились ясные в холодноватом воздухе гудки паровозов и звонкие перестуки проходивших поездов.

— Я много думал о нашей жизни, Машенька. О нашем переезде. Мне кажется, мы поторопились, — и Афанасий Семенович тяжело вздохнул, словно был рад, что сказал главное.

— Это повторяется каждый год,— с обидой ответила Марья Васильевна.— Я с утра поняла твое настроение. Угадала?

— Угадала, умница,— признался Афанасий Семенович.— От тебя ничто не укроется. Но, послушай, только не сердись. Какие доводы за переезд? Нам пора покидать север. Какие против?

Афанасий Семенович придвинулся и обнял жену за талию. Первый довод против отъезда был тот, что у него собрался интересный материал о травмах у горняков. Афанасию Семеновичу тяжело думать, что все материалы попадут в другие руки. Никто не сможет в них разобраться, как он, показать закономерности снижения травм, изменения характера их. За этим первым доводом шло множество других. Внушает ему тревогу проектирование новой больницы. Затем шли доводы не служебные, а семейные. Заметила Марья Васильевна, что старожилов здесь не так уж мало? Что-то не помышляют они об отъезде. Ему даже неловко перед ними. Да и сам он не одобрял людей, снимавшихся с места после двух — трех лет. А как хорошо тут живется мальчикам! У них прекрасное здоровье, они встречаются со многими интересными людьми, сильными, волевыми. Прекрасная школа жизни!.. Во всем виновата давняя, навязчивая мысль, что им надо уехать с севера. Она, пожалуй, даже несколько мешала им жить все эти годы.

— А может быть, это говорит старость? — полушутливо, полусерьезно заметила Марья Васильевна. — Боязнь нового места?

— Старость? — Афанасий Семенович громко рассмеялся.— Просто у тебя нет таких доводов, какие у меня.

Марья Васильевна вздохнула.

— Да,— огорченно сказала она.— У меня один довод. Я к нему привыкла.

— Вот видишь... Но ты у меня умница,— Афанасий Семенович нашел в темноте руку жены и поцеловал ее в теплую и мягкую ладонь.

Они замолчали и сидели, прижавшись друг к другу, думая о прожитых годах. И в этих мыслях не было ничего горького.

МУЖЕСТВЕННЫЙ СЫН ИСПАНИИ

Испанским фашистам не дают спать «лавры» их собратьев — греческих монархо-фашистов, проливших кровь Никоса Белоянниса, и французских петэновцев, учинивших фашистский произвол над народным избранником Жаком Дюкло. Правительство Франко готовит кровавую расправу над группой испанских патриотов — Грегорио Лопесом Раймундо и его товарищами. Прикрываясь комедией «суда», франкистские палачи хотят убить любимого вождя каталонских рабочих Лопеса Раймундо, руководителя грандиозных антифранкистских забастовок в Барселоне весной 1951 года.

Как сообщала печать, председателем военного трибунала, который будет судить Лопеса Раймундо и его товарищей, предполагается назначить генерала Переса Бадильо, военного преступника и франкистско-гитлеровского палача, одного из командиров пресловутой «Голубой дивизии».

Испанские лакеи Уолл-стрита бросают вызов прогрессивному общественному мнению всего мира. Тем более мощный размах приобретает международное движение солидарности с томящимися во франкистском застенке борцами за интересы испанского народа. Требования свободы Лопесу Раймундо раздаются на десятках языков, во всех уголках мира. Трудящиеся Испании сумели добиться освобождения семерых из тридцати четырех героев Барселоны. Спасти жизнь остальных двадцати семи, вырвать их из рук фашистских палачей — такова воля прогрессивных людей и демократических организаций всех стран.

Ниже мы печатаем в сокращенном виде письмо Лопеса Раймундо, опубликованное в центральном органе компартии Испании «Мундо Обреро».

Свободу Лопесу Раймундо!

Хорхе СЕМПРУН

Пусть наш голос вонзится, как нож, в эту сонь,
в эту ночь, в эту осень сердец,
пусть летит над Испанией, жгуч, как огонь,
пусть над миром летит, как гонец,
пусть в Оканье[1] расколет тюремные своды,
пусть звенит под тюремным оконцем:
«Отстоим тебя, Лопес Раймундо!
Свободу
тридцати четырем барселонцам!»
В Барселоне пришла к нам внезапно весна,—
так встает перед бурею ветер.
Это всходы надежды и всходы зерна,
это голубь летит на рассвете!
Барселона — предвестье победы.
Они
были сердцем и сталью восстанья.
Солнце скрылось за тучей.
На долгие дни
приняла их в застенок Оканья.
Пусть кровавой, дрожащей от страха рукой
их не тронет лакей США!
Человечество крикнет насильнику: «Стой!
Там, в застенке, народа душа!»
Тот, кто раз победил, на колени не станет,
за весной не приходит зима,
вслед за молнией гром обязательно грянет,
перед солнцем рассеется тьма.

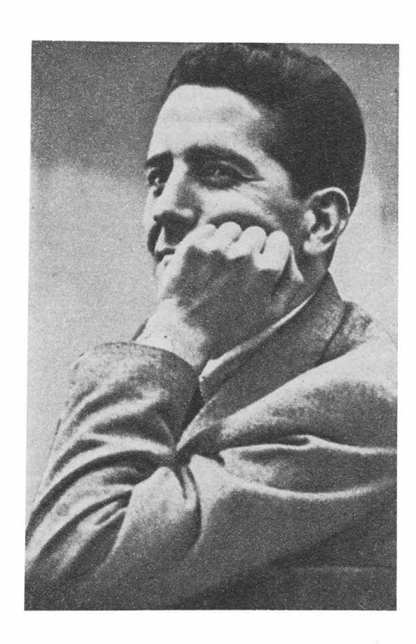
Разорви же, наш голос, как нож, эту сонь,
эту ночь, эту осень сердец,
пронесись над Испанией, жгуч, как огонь,
и над миром лети, как гонец,
расколи ураганом тюремные своды,
прозвени под тюремным оконцем:
«Отстоим тебя, Лопес Раймундо!
Свободу
тридцати четырем барселонцам!»

Перевел с испанского
О. САВИЧ

[1] Тюрьма в провинции Толедо, где раньше содержались Раймундо с товарищами.

Послание из барселонской тюрьмы

Письмо Грегорио Лопеса Раймундо к Долорес Ибаррури

Грегорио Лопес Раймундо.

Дорогая товарищ Долорес! Я и мои товарищи по заключению пользуемся первым представившимся случаем, чтобы передать тебе несколько строк привета.

Сквозь решетки и стены тюрьмы мы чувствуем братскую солидарность и помощь трудящихся Каталонии и всей Испании. До нас доносятся отклики той большой борьбы, которая ведется за границей за наше освобождение.

Нелегко описать, как волнуют и радуют нас эти выражения поддержки и сочувствия, как укрепляют они в нас веру в то, что скоро наступит конец франкистскому режиму и на земле нашей горячо любимой родины восторжествует демократия.

Несмотря на строгую изоляцию, к нам проникают, хоть и не часто, вести с воли. Мы понимаем: все, что для нас делается, подсказано прежде всего ненавистью нашего народа к диктатуре Франко и той огромной симпатией, которую вызывает среди лучших людей всех стран борьба испанского народа. Вот почему так дороги нам эти слова уважения, быть может, не вполне заслуженные нами.

Просим тебя, товарищ Долорес, сказать от нашего имени всем товарищам и друзьям в Испании и за ее пределами: «Вперед! Народное движение за освобождение забастовщиков Барселоны, как называют нас трудящиеся Испании, наносит еще один удар по франкистскому режиму и приближает день освобождения родины».

Все мы рабочие. Большинство из нас — члены Объединенной социалистической партии Каталонии[1]. Наше единственное «преступление» в том, что мы исполнили наш долг коммунистов, пролетариев и демократов. Мы брошены в тюрьму потому, что защищали интересы народа Каталонии и всей Испании, требуя для него хлеба, мира и демократии.

Вот почему франкисты задались целью покончить с нами. Но уже с первых дней нашего пребывания в полицейском застенке мы пришли к выводу: террор франкистов бессилен против нас! Да, он бессилен, несмотря на самые дикие зверства и пытки.

Товарищ Долорес, мы знаем, что силы, отстаивающие мир в Испании и во всем мире, более могущественны, чем силы войны. Мы твердо верим, что испанский народ не позволит вовлечь себя в войну против Советского Союза, неутомимого борца за мир, свободу и независимость всех народов. Мы непоколебимо убеждены, что испанские патриоты, опираясь на поддержку всего антиимпериалистического лагеря во главе с СССР, сумеют предотвратить катастрофу, в которую фалангисты, по приказу американских миллиардеров, готовятся ввергнуть нашу страну. Испанские патриоты сумеют завоевать свободу и демократию, достойную их родины.

Товарищ Долорес, нам пришлось побывать не в одной тюрьме. Мы беседовали со многими заключенными - антифранкистами. Мы убедились в том, что идея нашей партии в создании великого Национального фронта против режима Франко находит полное одобрение всех честных испанцев.

Еще раз прошу тебя, товарищ Долорес, от имени моих товарищей передать нашу благодарность всем, кто в той или иной форме выразил свою солидарность с нами. Особенно горячо благодарим мы советский народ и великого Сталина, верного и неизменного друга испанского народа.

Должен закончить.

В первые дни моего заключения франкистские шпики, взбешенные тем, что не смогли вырвать у меня ни одного слова, могущего послужить им для клеветы против нашей партии, избивали меня, крича: «Сын Пассионарии!» Для них это звучало бранью, в меня же эти слова вселяли гордость и помогали мне переносить боль.

Верь мне, товарищ Долорес, я хочу заслужить право на это почетное имя и за это буду бороться до последнего вздоха.

Грегорио Лопес Раймундо

Барселонская тюрьма. 4-я галерея.

Перевод с испанского

[1] Партия коммунистов Каталонии.

ЯПОНСКАЯ ПОЭЗИЯ В БОРЬБЕ ЗА МИР

«Мы испытываем бесконечную гордость и радость в связи с тем, что занимаем фланг на международном фронте мира»,— пишет профессор Икуо Ояма в своем Открытом письме товарищу Сталину.

С каждым днем разрастается в Японии движение за мир, за национальную независимость, против перевооружения Японии американскими милитаристами. Один из показателей роста этого движения — боевые сборники прогрессивной японской поэзии, создаваемые в самой гуще борьбы. Таков сборник «Песни мира», выпущенный недавно издательством «Голубь мира», и сборник «Песни, обращенные к 80-ти миллионам наших братьев», изданный в октябре 1951 года. Во втором сборнике содержатся стихи 20 японских патриотов, заключенных в тюрьму по так называемому «делу Мацукава», когда группа профсоюзных деятелей была осуждена по ложному обвинению в организации крушения поезда. Стихи демократических поэтов, поступающие из всех уголков Японии, печатаются и на страницах прогрессивной прессы, например, в литературном журнале «Дзиммин бунгаку».

Мы помещаем несколько стихотворений из этих сборников и журнала. В основном они принадлежат новым авторам из народа. Но наряду с ними выступают и известные поэты, например, Хироси Нома.

Стихи Сюмпэй Хатанака, Цуёси Такасу, Кенко Исии, Дзюнкити Гэсу даются в переводе Э. Иодковского, стихи Тосихиро Суми, Хироси Нома, Кэнноскэ Ота, Сэёко Кумаки, Ютака Ниномия — в переводе Веры Марковой.

Митинг в защиту всестороннего мирного договора

Сюмпэй ХАТАНАКА

Эти люди собрались под
Тандзан-горою
не любоваться вишнями.
Это все,
кто учится, пашет и строит,
из лачуг и трущоб вышли.
Давно иллюзии все похоронены.
Сегодня собрался город
на митинг
в защиту всестороннего
мирного договора.
Расцветают пламенным цветом
знамена,
былью становится небыль:
наш зал заседаний —
горные склоны,
наш потолок —
небо!
Голос рабочих, крестьян и
студентов
над всей Японией слышен.
От грома радостных
аплодисментов
дрожат лепестки вишен.
Волненье проносится над
рядами,
и кто-то кричит:
«Смотрите!»
И зал скандирует:
«Ка-ва-ка-ми,
Ка-ва-ка-ми Кан-и-ти!»
Встает Каваками:
«Нас —
миллионы,
с нами —
народы Азии!
Да здравствует
договор всесторонний,
долой
договор навязанный!»
Дрожат его серебристые
волосы
от ненависти к предателям.
Лучом от луны отражается
голос:
«Патриоты!
Время вставать нам!»
Люди,
лунным лучом озаренные!
Повсюду его разносите!
Вставайте,
люди Японии,
на всенародный митинг!

В стихотворении рассказывается об одном из митингов, на котором выступал известный борец за мир, коммунист Кан'ити Каваками — депутат парламента, лишенный депутатских прав за свое выступление против перевооружения Японии.

Песня черных глаз

Цуёси ТАКАСУ

1

В развалинах зданий тоскуют
цветы,
надвигается ночь на город.
Ты слышишь:
доносится с высоты
затихающий гул мотора...
Над домом висит, не сгорел от
стыда,
флаг —
звездный и полосатый.
У дома стоит иноземный солдат,
стоит оккупант с автоматом.
На море апрельское
тени легли,
пахнет гарью и дымом.
Пепел сожженной корейской
земли
несется через Цусиму.
Вот о чем
я хочу рассказать
в час, когда спит город.
Пусть загорятся твои глаза,
глубокие, как озера!

2

Цветы прижались к разбитой
стене,
тоскуя на пепелище.
Потерявшая сына в этой войне
бредет по городу нищая.
Видишь:
прохожих рекламы пьянят,
неон сверкает, неистов,
а в темном подвале чья-то семья
кончает самоубийством.
Слышишь:
на улицах шум и гам,
хохот пьяный и звонкий!
Видишь:
висит на руке врага
молодая японка...

3

«Зачем говоришь ты все это
мне,
зачем ты меня печалишь!»
Затем, что сегодня о новой
войне
заголовки газет кричали.
Вглядись в очертания нашей
земли,
в огни над землею вглядись:
опять самолеты летят за пролив,
сотрясая полночную высь.
Вглядись в товарные поезда
с танками и базуками [1],
в чудовища эти, ползущие вдаль
над рельсами и виадуками!
Вглядись в тех, кто сжег родные
дома,
прикончил отца прикладом,
в тех,
кто довел до гибели мать,
зарыл под пальмами брата,
в тех,
кто руками своими сейчас
тянется к нашей жизни...
Вглядись,
вглядись в иностранный пейзаж
в нашей любимой отчизне!

4

Они прожигают ночи и дни
в пьяном шуме и гаме,
демонстрации наши давят они
грязными сапогами.
На «выборах» нас окружает
стена
дубинок и пистолетов —
это сажают на шею нам
грязных марионеток.
Они стреляют на митингах в нас,
они отравляют воздух...
Но пелена спадет с наших глаз,
и вспыхнут глаза, как звезды!
Но буря вокруг все сильней
ревет,
глаза загораются светом.
Настанет час —
и прозреет народ,
и песни напишут поэты.
Всех оккупантов сметет гроза,
посевы взойдут зеленые...

Светом пронизанные глаза,
освещайте Японию!

---

[1] Американские противотанковые ружья.

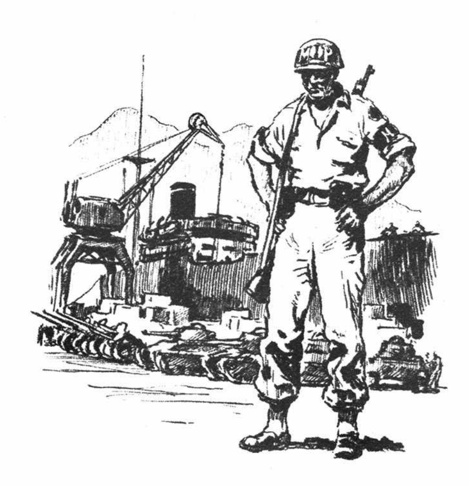
К тем, о ком мы грустили

Кенко ИСИИ

По этой листовке,
буквы которой
навеки врезаются в память,
я понял,
что вы не покинули город,
вы боретесь вместе с нами!
В тот день,
когда вы ушли от погони,
были твердыми почки слив,
а теперь
безымянные травы Японии
пробиваются из земли.
Весна!
Влюбленные и поэты,
взявшись за руки,
бродят на воле.
К сожалению,
даже этого
мы не можем себе позволить.
Но все же грустить нам
теперь смешно.
Грустить
не пристало мудрым.
Мы боремся,
чтобы весенняя ночь
превратилась в светлое утро.
В этой борьбе
мы прочнее связаны,
чем любая влюбленная пара.
Поднялись народы
Европы и Азии,
народы земного шара.
В этой борьбе
мы ищем радость,
выше которой
нет во вселенной.
Вот почему
грустить не надо
этой ночью весенней.

Стихотворение обращено к коммунистам — борцам за мир, вынужденным уйти в подполье.

Подъемный кран

Тосихиро СУМИ

Грохочет, грохочет, грохочет,
Безустанно голос свой подает
Подъемный кран в горячке рабочей
И день и долгую ночь напролет.

С тех пор, как в мирный наш порт Отару
Прибыло сорок пять тысяч солдат
И город запружен этим товаром,
Подъемный кран не молчит никогда.

Он сгружает, как будто им двигают черти,
Вместо угля для топок, погасших давно,
Леденящие душу орудия смерти
На узкий выступ земли родной.

Ненавистный лязг подъемного крана
Ни на миг теперь не смолкает в ушах,
И в сердца, где живы старые раны,
Глубоко вгрызаются гнев и страх.

Жители Отару! За вами слово!
Если вас отпугнет борьба,
Если вы головы склоните снова,
Вечно ходить вам в ярме раба.

К миру одна лишь дорога, поверьте!
Заставьте немедля подъемный кран
Подлых убийц с их ношею смерти
Отправить обратно за океан.

Глаза всего мира обращены на вас

Хироси НОМА

Вы должны чувствовать ясно
Сквозь ледяные стены камер,
Как окружает вас в заточенье
Что-то любовно-мягкое, теплое.

Вы должны чувствовать всем существом
На своем лбу, плечах, ладонях
Прикосновенье нежней и чудесней
Украденных у вас вишневых цветов
И неба, что так синеет весною
Над родною долиной, озером, полем.

Как юноша тянется взором к любимой,
Как пчела летит к медоносному цвету,
Так глаза всех народов мира ныне
Устремлены к желанному миру.
Их больше, чем звезд на ночном
небосклоне,
Они сияют вам и в тюрьме,
А звезды стоят высóко во тьме
Над нашей родною страной.

Патриоты смелые Мацукава,
Устремленные к миру взоры народов
Обращены и на вас!

Февраль

Дзюнкити ГЭСУ

1

Голая вишня от ветра дрожит
за железной решеткой окна,
но под черной корою борется
жизнь...
Верит вишня:
придет весна!
От холода руки деревянными
стали,
в тюрьму не доходят письма,
но я и сегодня беседую со
Сталиным
о вопросах ленинизма...
Белый снег,
февральский белый террор!
Ты сковал мои руки и ноги,
но тебе не вырвать из рук перо,
не сделать меня одиноким.

2

Шоколад, колбаса —
дары синеглазого
чехословацкого брата...
Я слышу:
бьется в Европе и в Азии
единое сердце пролетариата.
Подарки пришли из далекой
страны
сквозь тысячи километров.
Я вижу:
сияет лицо жены,
обожженное ветром.
Жена моя устает вконец
у проклятой швейной машины.
Наверное, снится ночами отец
дочке моей и сыну...
Сегодня февральский ветер
бьет
в лицо
нам.
...Ешьте шоколад,
дети!
Ешь колбасу,
жена!

3

Пусть не мне пригодились
подарки —
сыр,
колбаса,
шоколад,—
но я чувствую пульс твой
жаркий,
чехословацкий брат!
Я знаю:
товарищ Готвальд
привел вас к февральской
победе.
...Просижу в одиночке я год,
два ль —
на это мне не ответят.
Но вместе со Сталиным,
вместе с тобой,
вместе с вишней стойкой
неуклонно
я
продолжаю бой
с бурей на Дальнем Востоке.
Братья,
мы с вами сердцем
бесстрашным,
смело мы смотрим вдаль.
Знайте, что ваш февраль
вчерашний —
завтрашний наш февраль!

Дзюнкити Гэсу — поэт-рабочий. В 1950 году он был арестован по так называемому «делу Мацукава». Стихотворение «Февраль» написано им в тюрьме Сакаи, южнее Кобе.

Горсточка лапши

Кэнноскэ ОТА

Эта горсточка лапши про запас,
Никто не получит до завтра ни крошки.
Все давятся, не поднимая глаз,
Одной гнилой пайковой картошкой.

— • —

Хочет работать — семье помочь,
Но работу найти — нет труднее задачи,
Вот и сегодня уж близится ночь,
А в сердце гнев и боль неудачи.

— • —

Дешевая книжка — и та не про нас,
А купишь, не начитаешься вволю.
Раз прочтешь, другой, и вся порвалась,
И станет жалко ее до боли.

— • —

За неуплату выключен свет.
Ночник из китового жира мерцает,
Но все примолкли, как будто их нет,
И тьма из всех углов наступает.

У ворот завода

Сэёко КУМАКИ

Можно ль забыть до доски гробовой,
Как нагло директор завода хохочет,
Когда его ловят со слезной мольбой
Жены уволенных им рабочих
С детьми, привязанными за спиной!

Мы поем!

Ютака НИНОМИЯ

Мы правде верны и родной стране!
Пусть виден в камере тесной
Лишь неба клочок за решеткой в окне,
Но мы поем идущей весне
Об алом знамени песню.

Коммунист навестил нас в зловонной
тюрьме,
Вдохновляя надеждой чудесной.
Мы и здесь не забыты, мы в дружной
семье
И звонко поем в полуночной тьме
Молодежи японской песню.

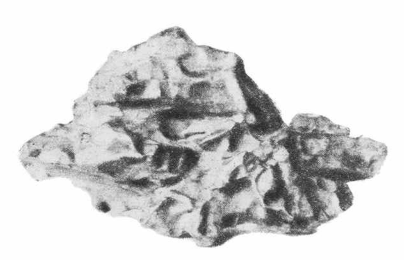
Пока не умолкнут наши сердца,
Мы за правду стоять будем честно,
Трудовому народу верны до конца.
Споем же песню народа-борца,
О мире великую песню!

Ютака Ниномия арестован по «делу Мацукава». В настоящее время находится в тюрьме Сакаи.

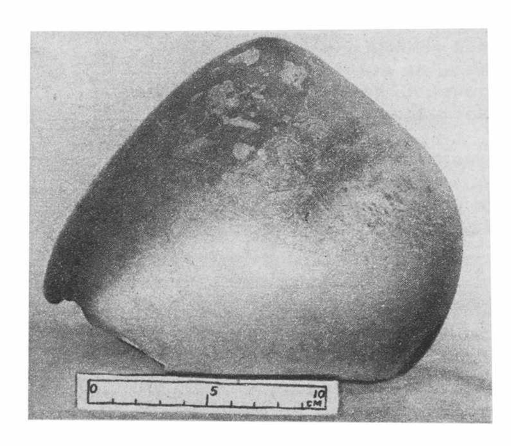
Рисунки В. Высоцкого

КОСМИЧЕСКИЕ ГОСТИ

Осколок Сихотэ-Алинского метеорита.

Метеориты — камни с неба — это единственные образцы неземного, космического вещества, которые попадают в руки людей и изучаются в лабораториях. Десятки метеоритов, больших и маленьких, падают ежедневно на поверхность Земли, но большинство из них бесследно исчезает в пучинах морей и океанов, теряется среди скал или непроходимых лесов. Нередки случаи, когда геолог или случайный путник натыкается неожиданно на необычного вида камень или кусок железа. Поверхность его покрыта тонкой оплавленной корой. На ней видны вмятины — следы раскаленных струй воздуха, ударявших его при полете в атмосфере. Это неизвестно когда упавший метеорит.

Железный метеорит Репеев Хутор весом в 12,3 килограмма. Упал 8 августа 1933 года.

Метеориты, подбираемые на территории Советского Союза, попадают к Евгению Леонидовичу Кринову — ученому секретарю Комитета по метеоритам, хранителю метеоритной коллекции. Тщательно исследуется их химический и минералогический состав, определяется их возраст. Космические гости пользуются исключительным вниманием ученых.

Откуда приходят к нам метеориты? Из пределов ли нашей солнечной системы или из бездонных глубин межзвездного пространства? Долгое время астрономы не могли сделать выбор между этими двумя возможностями. Только недавно решен этот вопрос: метеориты — постоянные члены нашей солнечной системы. Они носятся среди планет по замкнутым эллиптическим путям, сталкиваясь друг с другом, а иногда и с Землей. Они образовались из того же вещества, что и планеты, и это делает изучение их состава и структуры особенно интересным.

Метеориты бывают каменные и железные. Но среди случайных находок гораздо чаще попадаются железные. Это потому, что они прочнее и дольше сохраняются. Да к тому же металлическая глыба скорее привлечет к себе внимание, чем мало примечательный камень.

Каменные метеориты в большинстве случаев сложены из маленьких каменных шариков — хондр, сцементированных воедино кристаллическими обломками. Железные метеориты, состоящие из никелистого железа с примесью кобальта и других элементов, обладают особым строением, которое не удается воссоздать в лабораториях. Редко встречаются палласиты — железные губки с вкрапленными каменными шариками. Очевидно, эти метеориты возникли там, где отсутствует сила тяжести; иначе каменные шарики очутились бы над расплавленным железом. Еще идут горячие споры о происхождении метеоритов. Одни считают, что они образовались при распаде некогда существовавшей крупной планеты, другие — что они представляют собой осколки многочисленных «зародышей» планет солнечной системы.

Иногда падение метеорита происходит на глазах у людей. По небу пролетает яркий огненный шар, за которым тянется светлый или дымчато-серый след. Затем раздается свист летящего тела и наконец глухой удар о землю.

Обычно метеорит весит несколько килограммов и, упав, образует в земле небольшую ямку. Но бывают случаи, когда падают метеорные тела гигантского размера; тогда и в атмосфере и на поверхности Земли происходят разнообразные и необыкновенные явления.

Так было 30 июня 1908 года, когда над Сибирью пролетел огромный огненный шар, который по своей яркости не уступал Солнцу. Его видели и слышали за сотни километров. Метеорит ударился о Землю среди вековой тайги, вблизи реки Подкаменная Тунгуска. Произошел мощный взрыв. Во все стороны понеслась взрывная волна, которая в окрестностях повалила лес. Точные приборы отметили ее в Петербурге и даже в Англии. Сейсмические станции зарегистрировали землетрясение.

Только при советской власти, в двадцатых годах, начались поиски осколков. С экспедицией 1929 года в глухую тайгу отправился тогда еще совсем молодой Е. Л. Кринов. Это было началом его работ. Много раз путешествовал он в разные места Советского Союза, разыскивая упавшие метеориты, расспрашивая очевидцев. В Москве он тщательно изучал собранные материалы. Так, постепенно накапливая опыт и научные знания, скромный лаборант превратился в крупного исследователя.

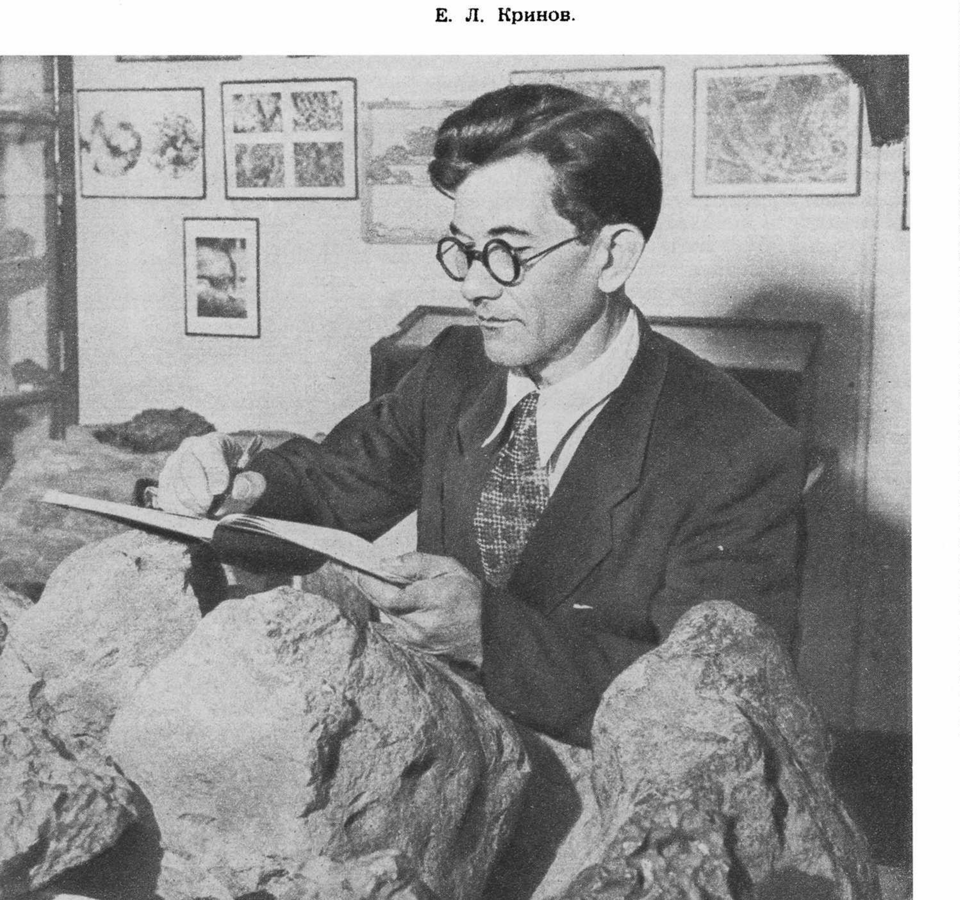
Ездил Кринов и на Дальний Восток, где 12 февраля 1947 года среди отрогов хребта Сихотэ-Алинь выпал целый дождь железных метеоритов. Огромная железная глыба раскололась в воздухе на множество частей, которые вонзились в сопку. Кругом повалены вековые деревья, у иных обломаны верхушки. Осколки, разлетевшиеся во все стороны при ударе метеорита о скалистые породы, насквозь пробивали стволы кедров. Тысячи кусков, общим весом около 37 тонн, собраны и привезены в Москву четырьмя экспедициями Комитета по метеоритам.

Наибольшую ценность представляют те из них, которые собраны Е. Л. Криновым во время первой экспедиции до того, как начался процесс ржавления. Они сохранили на своей поверхности тончайшие следы оплавления, происходившего при полете в атмосфере.

За исследования метеоритов, за книги «Тунгусский метеорит» и «Метеориты», в которых содержатся подробные сведения об этих замечательных представителях небесных тел, Евгению Леонидовичу Кринову присуждена Сталинская премия. Он единственный человек, посетивший места падений двух крупнейших метеоритов двадцатого века — Тунгусского и Сихотэ-Алинского. Во всем мире трудно найти исследователя, в руках которого побывало столько космического вещества!

Л. РАДЛОВА,
кандидат физико-математических наук

Е. Л. Кринов.

Высокая точность

Школьника как-то спросили: что такое винт? Застигнутый врасплох, он не смог быстро ответить и пальцем в воздухе изобразил спираль.

Да, винт это стержень с нарезкой по спирали. Им можно укрепить ручку на двери, выключатель на стене. Но не только. Многие привычные предметы были бы без него немыслимы.

У какой хозяйки нет мясорубки! В этой несложной машинке винт сжимает мясо и продвигает его к ножу. Пробку из бутылки мы вытаскиваем штопором — тоже винтом. Им является и цоколь электрической лампочки, который ввинчивается в патрон. Поднимите крышку часов, и вы увидите множество винтов, соединяющих металлические части. Винтовка названа так потому, что ее ствол внутри нарезан в виде винта. Эти нарезы заставляют пулю вращаться и лететь точно в цель. Винт движет самолет в небе и пароход на море. С его помощью домкрат приподнимает тяжелый автомобиль.

Во многих машинах и механизмах современная техника использует для передачи движений так называемый ходовой винт. Это длинный металлический стержень с винтовой нарезкой, заключаемый в гайку, которая при вращении стержня равномерно передвигается. Ходовой винт применяют во всех металлорежущих станках, где требуется большая точность. Роль гайки в них выполняет каретка с резцом. И чем тщательнее нарезан ходовой винт, тем равномернее она скользит.

А как же его изготовляют? Этой цели служат особо точные станки.

Работники завода «Красный пролетарий» конструкторы А. Г. Филатов, Г. Е. Ганиченко, инженеры С. В. Лившиц, А. Д. Дроздов и слесарь Б. К. Сарафанов в содружестве с инженерами завода «Станколит» А. Н. Груздевым и В. Ф. Сосипаторовым создали такой станок. Нелегко было его построить: ни один завод в мире никогда еще не выпускал агрегатов подобных размеров и точности.

На сконструированной коллективом авторов модели 1622 можно нарезать ходовые винты длиной до 4,5 метра.

А точность? Советский стандарт относит к нулевому, высшему классу такие изделия, где разница в размерах на 30 сантиметров равна всего лишь пяти микронам, вдесятеро тоньше человеческого волоса. А на новом станке отклонение не превышает полутора микронов. По точности обработки он превосходит зарубежные в пять — шесть раз. Для контроля продукции нашего станка пришлось изобрести оригинальные измерительные приборы.

Агрегат 1622 — большая победа отечественного машиностроения. Его создателям присуждена Сталинская премия.

А. АНИСИМОВ

МУЗЫКАЛЬНЫЙ НОВОСИБИРСК

Отзвучал торжественно-радостный финал оперы «Руслан и Людмила», но огромный, полный света и воздуха зал театра словно еще полон чарующей музыки великого художника. Публика долго и горячо вызывает исполнителей оперы-сказки.

Мы вышли из театра на широкую площадь, носящую имя великого Сталина. В лунном свете огромное здание оперного театра Новосибирска казалось еще величественнее.

Театр открылся оперой «Иван Сусанин» всего семь лет назад. Но за эти годы более 2 миллионов зрителей прослушало гениальные творения Глинки и Чайковского, Даргомыжского и Мусоргского, Бородина и Римского-Корсакова, музыку Верди и Гуно, Бизе и Сметаны, оперы и балеты советских композиторов. Тридцать оперных и семь балетных спектаклей поставил молодой коллектив театра. Постановка балета И. Морозова «Айболит» была удостоена Сталинской премии.

Наше знакомство с музыкальной жизнью Новосибирска продолжалось и на другой день. Мы побывали в 74-й женской школе города. Хор девушек под управлением десятиклассницы Люси Огнётовой готовился к школьному конкурсу. Почти в каждой из ста школ города есть свои хоры. Один из лучших — хор мальчиков 12-й мужской средней школы — насчитывает 80 певцов. В минувшем году в городе был проведен праздник песни. Сводный хор из 1 500 певцов вдохновенно пел песни о великом Сталине, о Родине, о сибирском крае.
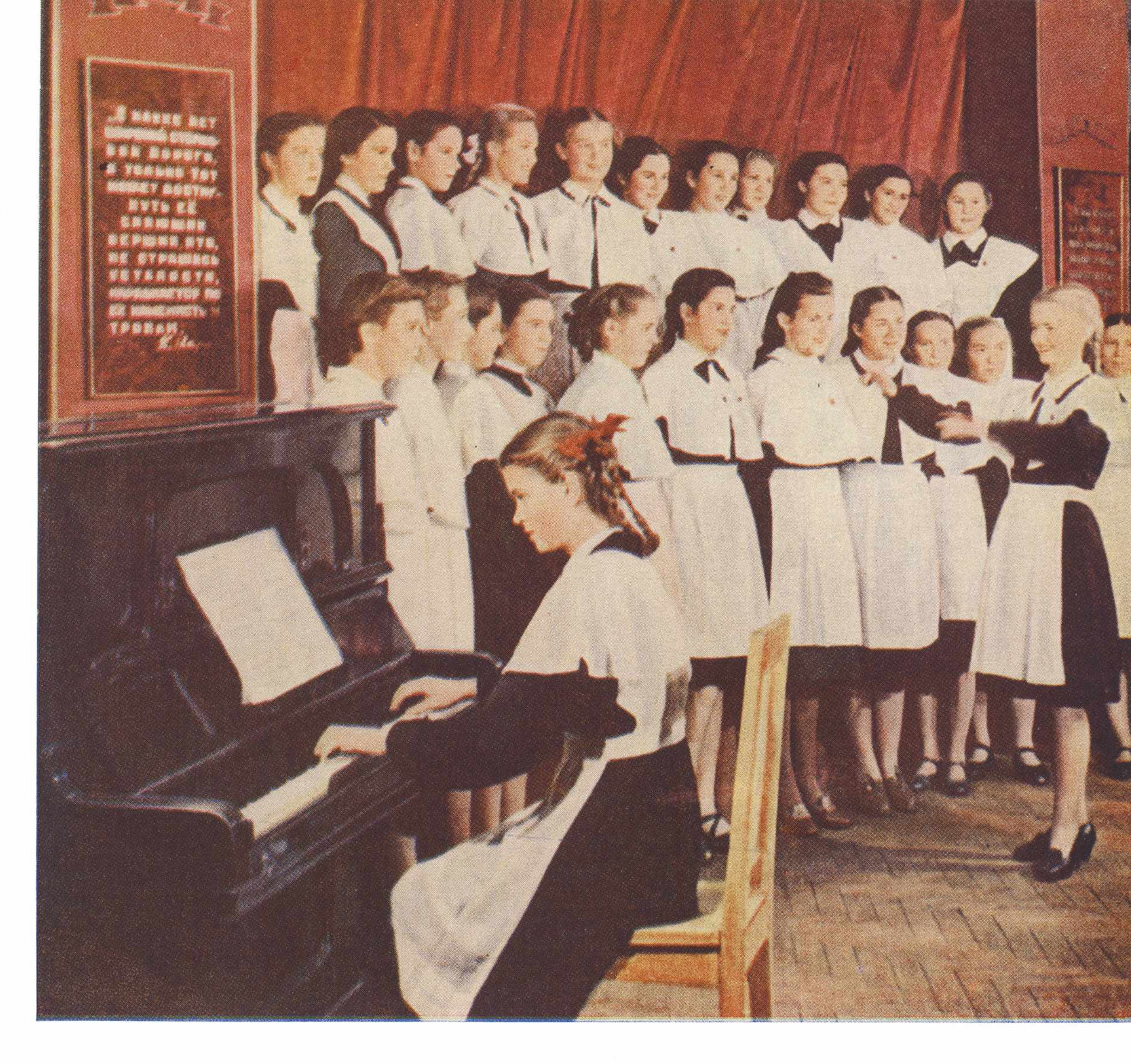
Гордость новосибирцев — большой симфонический оркестр Государственной филармонии и областного комитета радиоинформации. Исключительно широка популярность оркестра в городе. За последние годы здесь исполнялись произведения Глинки, Чайковского, Рахманинова, Бородина, Римского-Корсакова, Мусоргского, Скрябина, Направника, Шопена, Листа, Берлиоза, Брамса, Вебера, Венявского, Верди, Дворжака, многие симфонии советских композиторов. К 125-летию со дня смерти Бетховена новосибирцы слушали бессмертные творения великого музыканта.

Далеко за пределами Новосибирска звучат песни и музыка советской Сибири. Сибирский хор народной песни побывал во многих братских республиках. Новосибирский театр оперы и балета минувшим летом посетил Сучан, Комсомольск-на-Амуре, Владивосток и Хабаровск.

Растет и ширится музыкальное искусство Новосибирска.

В. ПУХНАЧЕВ

Фото М. Савина

Хор девочек 74-й школы на репетиции. Дирижирует ученица 10-го класса Людмила Огнётова, аккомпанирует ученица 8-го класса Галина Твиликова.

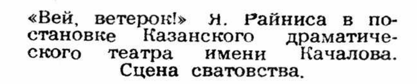
Выступление симфонического оркестра Новосибирской филармонии. Дирижирует Н. Г. Факторович.

Финал оперы М. Глинки «Руслан и Людмила» в постановке Новосибирского государственного театра оперы и балета.

ИМЕНИ КАЧАЛОВА

Фото О. Кнорринга

«Вей, ветерок!» Я. Райниса в постановке Казанского драматического театра имени Качалова. Сцена сватовства.

В разгаре лето. На рекламных щитах столицы десятки афиш, сообщающих москвичам о спектаклях многочисленных театров. Среди них нет некоторых столичных театров, демонстрирующих сейчас свое искусство в других городах, но много новых объявлений: в Москву с творческими отчетами приезжают лучшие музыкальные, эстрадные, театральные коллективы страны.

Особое внимание зрителей привлекает афиша с портретом народного артиста Союза ССР Василия Ивановича Качалова. Имя Качалова неразрывно связано с Московским Художественным театром, поэтому понятен интерес москвичей к гастролям Казанского драматического театра — театра, носящего имя этого замечательного артиста.

Гастроли казанского коллектива в Москве совпали с предъюбилейными днями: в следующем сезоне театр отмечает 150 лет своего существования. В многочисленной мемуарной литературе вряд ли найдется хоть одна книга деятеля русской сцены, в которой автор, будь то в начале XIX века или на рубеже XX, с благодарностью и теплотой не вспоминал бы Казанский театр. «Радовался очень твоему пребыванию в России и чуть не заплакал — остановив воображение у дорогого Казанского театра»,— пишет Ф. Шаляпин М. Горькому. «Все актеры считали за честь и особенное счастье служить в университетском и театральном городе [Казани], избалованном игрою великих и даровитейших актеров»,— вспоминает известный русский актер В. Н. Давыдов.

...На пожелтевшей газетной полосе, испещренной крикливыми рекламами, почти затерялся скромный театральный анонс. Это сообщение о том, что в театре будет показан спектакль «Смерть Иоанна Грозного». Внизу маленькая приписка: «Гг. студентам и учащимся обычная уступка».

Дружба и неизменная близость Казанского театра и университета — вот то, что во многом определило формирование творческого лица театра. Ею обусловливалась главная линия репертуара, состав зрителей, она влияла на подбор актеров, формировала их вкус и развивала талант. В свою очередь, театр влиял на воспитание студентов.

Обратимся к документам, перелистаем мемуары и письма тех, кто знал Казанский театр на протяжении его полуторавековой истории.

Начало XIX века. Студент Казанского университета Аксаков, как и его товарищи, страстно увлекается театральным искусством. «...Спектакли начинались в 6½ часов,— пишет он,— а класс и лекции оканчивались в 6... Сначала... студенты уходили из класса потихоньку, но впоследствии многие профессора и учителя, зная причину, смотрели сквозь пальцы на исчезновение некоторых из своих слушателей, а достолюбезный Ибрагимов нередко говаривал: «А что, господа, не пора ли в театр?», даже оканчивал иногда ранее получасом свой класс».

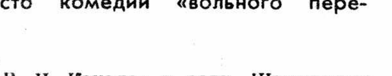
Тут же Аксаков рассказывает, что в эти годы на казанской сцене играет известный московский актер Плавильщиков. Постепенно меняется репертуар театра. Вместо комедий «вольного перевода с испанскими плясками» все чаще ставятся произведения отечественных драматургов. Из двенадцати пьес, сыгранных в 1805 году,— десять оригинальных произведений русских авторов.

Во второй половине века в репертуаре театра Гоголь, Грибоедов, Толстой, почти все пьесы Островского, одна за другой ставятся пьесы Чехова: «Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня».

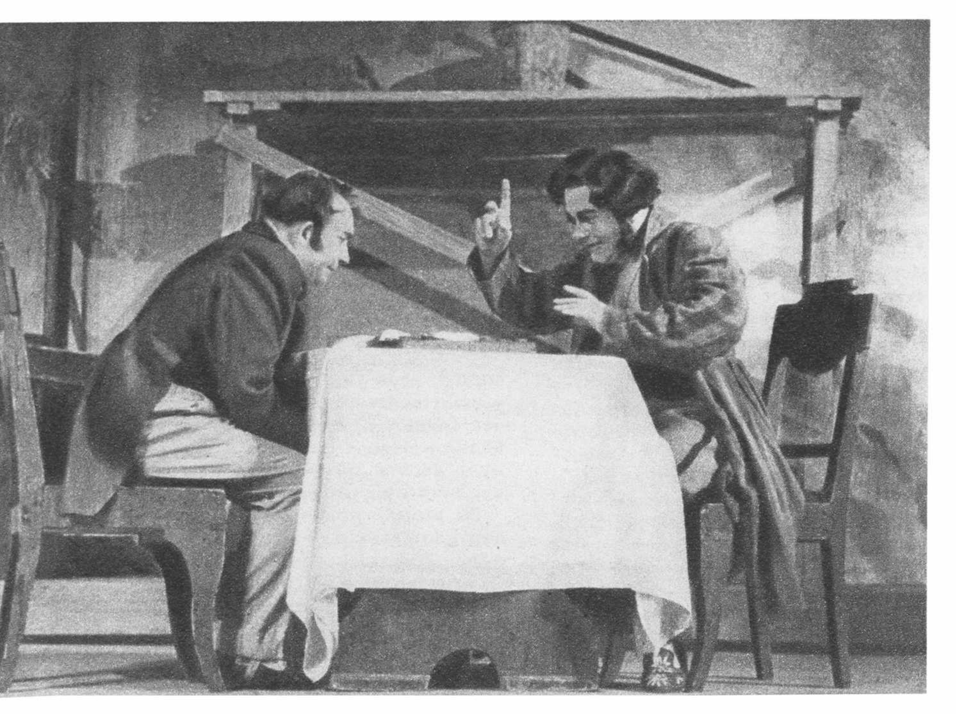
Казанский театр мог гордиться своей труппой. На его подмостках выступали Мочалов, Щепкин, Мартынов, здесь формировались таланты М. Савиной и В. Давыдова, К. Варламова и Прова Садовского, его сцену прославили Н. Рыбаков, П. Стрепетова, П. Медведев, А. Ленский, М. Писарев, В. Андреев-Бурлак. Здесь начал свой сценический путь Качалов.

«...В 1897 году (я) стал заправским актером. И в клетчатых штанах, в цилиндре на голове и в огненно-рыжем пальто явился я в Казань... где в первый год мне давали маленькие роли, а на второй и третий год я стал вроде премьера», — так рассказывал Качалов о своих первых шагах на сцене. По рецензиям местных газет и отзывам современников, особенно бывших студентов университета, можно судить, что уже в те годы в начинающем актере угадывался будущий великий мастер русского театра. Об этой любви и почитании студенчеством молодого актера вспоминает академик А. Е. Арбузов. Много лет спустя в письме к Качалову один из казанских врачей, свидетель его дебютов, пишет: «Много-много лет тому назад я познакомился с Вами в Казани... Мы, студенты, любили Вас, предчувствуя в Вас будущую гордость русской сцены и спектакли с «нашим дорогим Васей» (так любов-

В. И. Качалов в роли Шаховского («Царь Федор Иоаннович»). Казань. 1898 — 1899 годы.

Бал у губернатора. Спектакль «Мертвые души».

«Мертвые души». Игра в шашки. В роли Чичикова — Н. Якушенко, Ноздрева — И. Загорский.

но мы звали Вас между собою) были радостными днями нашей студенческой жизни...»

Около двухсот ролей сыграл Качалов за три года пребывания на казанской сцене. Уезжая из города в связи с приглашением в Художественный театр, Качалов в последний раз выступил на концерте в честь годовщины Казанского университета. Ему был преподнесен большой лавровый венок от казанского студенчества.

1 октября 1948 года в связи со смертью Качалова было опубликовано постановление Совета Министров СССР о присвоении Казанскому Большому драматическому театру имени великого артиста.

* * *

Казанцы любят свой театр, хорошо знают его актеров. В труппе театра нет «гастролеров», приезжающих на один — два сезона, как было принято в старой провинции. Старшее поколение работает на этой сцене по пятнадцать — двадцать лет. Артисты Н. Якушенко, В. Павлова, И. Загорский выбраны в депутаты горсовета. Выдвигая кандидатуру И. Загорского, избиратели писали: «Особую любовь и признание Иван Васильевич завоевал у зрителей в пьесах современных авторов». Актеру, создавшему правдивые, яркие образы своих современников, умеющему любовно и внимательно всматриваться в окружающую жизнь, народ доверяет руководство жизнью столицы республики.

Н. И. Якушенко — депутат не только Казанского городского совета, но и Верховного Совета ТАССР.

В театре большая группа молодежи. Часть из них окончила студию при театре, остальные — выпускники московских высших театральных учебных заведений. Второй сезон работают в Казани выпускники ГИТИСа Георгий Бальян и Галина Раменская. За это время казанцы успели узнать и полюбить способных молодых актеров. В 1947 году на Всероссийском смотре театральной молодежи запомнился исполнитель роли Вани Земнухова студиец и актер Казанского театра Игорь Алексагин. Параллельно с работой в театре Алексагин учится сейчас на историческом факультете университета.

Невольно вспоминается, как молодой актер Василий Качалов, приехав в Казань, мечтал продолжать начатые в Петербурге занятия в университете. Но эта затея вызывала только насмешки его коллег: разве мог провинциальный актер, играя почти ежедневно новый спектакль, найти время для дальнейшего образования!

Попрежнему славится Казанский театр своим актерским составом. Но в отличие от прежних лет теперь это не отдельные талантливые исполнители, а единый, слаженный ансамбль с высоким общим профессиональным уровнем. Здесь каждый заботится об общем, целостном впечатлении от спектакля, и именно поэтому ни один исполнитель даже маленькой эпизодической роли не проходит незамеченным. Поэтому в спектакле «На дне» можно много и долго говорить не только о талантливой игре Н. Якушенко в роли Луки, но и о таких образах, как Клещ, Бубнов, Алешка, нашедших ярких, убедительных исполнителей в актерах Я. Мацкевиче, А. Мозгалинове, Н. Спиридонове. Спектакль «На дне» — хороший пример ансамбля, хотя самое прочтение пьесы представляется очень спорным.

...IV акт. Ушел Лука. В ночлежке сидят Сатин, барон, Настя, актер. Сатина играет артист Г. Ардаров, исполнитель ролей Отелло, Уриэля Акосты, Ивана Грозного. Надо сказать, что по материалу роли, особенно этого акта, исполнителю заманчиво поставить Сатина в центр спектакля, возвысить его, романтизировать. Но Ардаров играет не героя. Его Сатин — бунтарь, не идущий дальше стихийного протеста. Весь монолог о человеке он говорит, поглощенный мыслью о Луке. Ардаров-Сатин вспоминает каждое его слово и впервые в своей жизни глубоко задумывается над тем, о чем говорил старик.

Говоря об актерах, нельзя не коснуться и другого примечательного явления. В театре не существует амплуа. Яркий тому пример мастерская игра актрисы Е. Е. Жилиной. Сегодня это «дубоголовая» помещица Коробочка, завтра батрачка Орта, человек большого сердца и благородной души («Вей, ветерок!» Я. Райниса). В спектакле «На дне» она играет простоватую Квашню и в «Рассвете над Москвой» — простую, умную, сердечную Агриппину Семеновну. О каком амплуа можно говорить, наблюдая игру молодой актрисы В. Титовой, одинаково правдиво и убедительно играющей сегодня мальчишку Вовку в «Рассвете над Москвой», а завтра — глубоко любящую и не терпящую компромиссов в любви поэтическую Барбу («Вей, ветерок!»)... Но возвратимся к традициям.

Попрежнему существует и приняла очень интересные формы традиционная связь театра с университетом. Студенты — непременные посетители не только спектаклей, но и просмотров и генеральных репетиций. Каждая новая постановка обсуждается на специальных совместных заседаниях студентов и театра. Мы уже не говорим о совместных вечерах отдыха, о «четвергах», когда учебная и общественная жизнь институтов города строится так, чтобы студенты могли побывать в театре, который продает в эти дни билеты только учащимся. Эта дружба имеет и еще одну очень интересную форму. Если просмотреть подшивку многотиражки университета «Ленинец», заглянуть в стенгазету исторического факультета «Сталинец», можно составить полное представление о жизни театра за год.

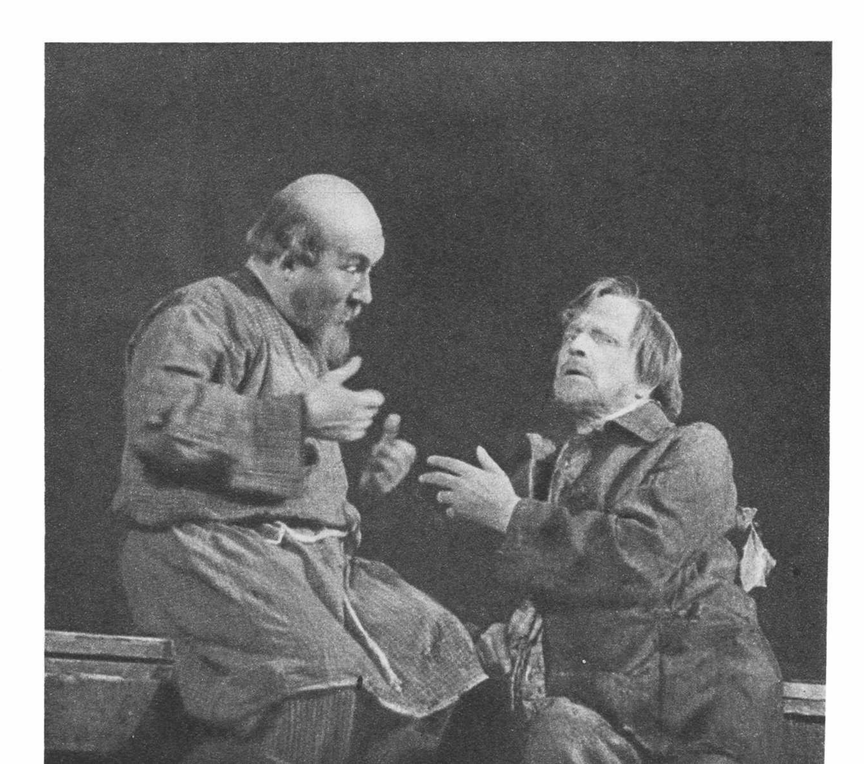
Студенты пишут о спектаклях подробно, со знанием дела разбирая работу режиссера, актеров, посвящают свои материалы истории театра, информируют о предстоящих постановках. Есть здесь и справедливый разговор о том, что в последнее время театр недостаточно работает над репертуарным планом. Мало на его сцене спектаклей о молодежи, нет пьес о жизни республики, не были поставлены и некоторые лучшие произведения современных драматургов.

В. И. Качалов говорил: «Художник отдает всего себя народу. Его искусство остается жить навеки — и в великой истории русского театра и в новых поколениях актеров». Имя Качалова осталось жить не только в истории русского театра, не только в новом поколении актеров, но и в сердцах зрителей. И это обязывает театр, носящий имя великого артиста, высоко нести знамя советского искусства.

И. ВЕРШИНИНА

Казань.

«На дне». Лука — Н. Якушенко, актер — В. Гремин.

Из жизни художника

М. ПОЛЯНОВСКИЙ

«...Попробую покороче рассказать, что произошло со мной за то время, что я вам не писал. Снова заболел и снова попал в санаторий. Первые месяцы пришлось лежать. Не мог примириться с вынужденным своим бездельем. Но главврач Николай Николаевич Андрейчук оказался чутким человеком. Он создал мне условия для работы, и я начал, попутно с лечением, писать свою картину. Вместе с врачом стали помогать мне все — от столяров и санитарок до санаторных больных, — сколачивали подрамник и натягивали на него холст, находили нужный для картины реквизит, становились моими натурщиками. Я начал писать...»

Эти строки из недавно полученного письма, присланного украинским художником И. М. Литинским, напомнили о происшедшем с ним пять лет назад.

В ту пору Литинского вызвали в Москву и поручили написать по представленному им эскизу большую картину о нашем тыле в дни войны. Полотно предназначалось для Дворца культуры в Златоусте.

Работу Литинского оборвал приступ тяжелой болезни. Художника направили в подмосковный санаторий «Пески». Два месяца он был прикован к постели, потом поднялся и стал просить врачей разрешить ему прогулку по санаторию. Не без умысла совершил он прогулку: на втором этаже санатория он обнаружил большой многооконный зал. В этот зал Литинский с помощью одного из больных перенес привезенную им (втайне от врачей) из Москвы не дописанную из-за болезни картину.

«Заговорщики» соорудили подрамник, натянули на него полотно и поставили у самой светлой стены. Еще до болезни художник наметил контуры будущей картины углем. Предстояло перейти к краскам. С волнением приступил Литинский к наиболее сложному этапу работы над картиной. Но тут болезнь нанесла ему новый удар, и художник мог передвигаться, лишь опираясь на костыли.

Он выговорил себе все же разрешение время от времени работать в бильярдном зале.

В санатории полагали, что художник пишет небольшие пейзажи. На некоторое время удалось скрыть размеры полотна, доставленного сюда в свернутом виде. Если бы врачи увидели, что проделывал ранними утрами больной художник!..

С помощью приятеля по палате Литинский взбирался на стол, затем на табурет и писал верх своей картины — уральское небо. Он работал столько времени, сколько позволяли ему силы. К тому часу, когда санаторий пробуждался и встречал новый день, художник осторожно сползал с табурета и стола, чтобы к утреннему обходу врачей быть на своем месте.

Но вот понадобились натурщики. Первым из них оказался тот самый больной, который стал соучастником тайны нашего живописца. Потом согласился позировать еще один обитатель санатория — инженер. Для каждого сеанса он по просьбе художника надевал плащ. Больной инженер не мог долго позировать, а художник дорожил временем.

Литинский нервничал: где взять натурщика? Вдруг отворилась дверь зала, и появился врач. Больного не оказалось на месте при утреннем обходе, и главврач вышел на поиски нарушителя санаторного режима.

Перед огромным полотном стоял с убитым видом художник. Врач сразу определил его душевное состояние.

— Что случилось? Чем вы удручены? — спросил он больного.

Художник рассказал, как ушел в разгаре работы натурщик.

— Из-за таких мелочей не следует расстраиваться, — сказал врач.— Если вы мне пообещаете успокоиться, пожалуйста, я заменю вам сбежавшего натурщика.

После сеанса главврач, провожая художника в палату, говорил ему:

— Я не сержусь на вас за этот обман. Я понял вас, вы страдаете от своей болезни, но еще больше от того, что не можете воплощать на полотне свои замыслы. Впрочем,— добавил доктор,— быть может, ваша работа окажется для вас лучшим лекарством.

Когда лечение было закончено, колхозники соседней с санаторием деревни пригласили художника пожить у них. В деревне еще слабого Литинского окружили заботой и вниманием. Учительница и директор местной школы Н. А. Фомина устроила ему мастерскую в пустовавшем летом классе. Колхозники помогали найти нужный для картины типаж, позировали сами.

Окруженный заботой и вниманием новых друзей, Литинский закончил картину «Танки идут на фронт». Хмурый осенний день 1942 года. От уральской станции отходит на фронт, к Сталинграду, эшелон только что выпущенных танков. Проводить товарищей, которые поведут в бой грозные машины, пришли творцы танков. В их суровых лицах чувствуется непоколебимая уверенность в победе...

Прошло пять лет. Несколько новых картин, и в том числе портрет Владимира Ильича Ленина, было написано в дни, когда состояние здоровья позволяло художнику браться за кисть.

Когда человек болеет и вынужден бездействовать, обычно перед ним проходят воспоминания о лучших днях его жизни.

Вот один из таких дней. Москва. 1940 год. Третьяковская галерея. На выставке произведений советской живописи представлена картина «Шевченко в казарме». Ее создал Литинский вместе с художником Кручаковым. Возле картины задержался один из старейших русских мастеров — М. В. Нестеров. Вспомнилось знакомство с ним, совместная прогулка по московским улицам.

Вернувшийся на Украину Литинский стал получать чудесные письма от старейшего художника М. В. Нестерова. Эти письма были заветом старого мастера, учившего следовать правде жизни.

И. Литинский. Танки идут на фронт.

«Многоуважаемый собрат! — так начал Нестеров свое письмо от 9 февраля 1941 года.— Мне было очень приятно получить Ваше такое хорошее молодое письмо.

Работайте с доверием к природе и к человеку. Любите то и другое любовью простой, искренней и Вы получите доказательства взаимности. Угождайте правде и она вам ответит истинным успехом. Так нас учили наши старики-передвижники — Перов, Крамской, Ярошенко, Суриков... Работайте больше и пристальней с натуры. Помните: материал к картине — это еще не картина. Имея надежный материал, Вы всегда свободно приступаете к картине и напишете ее как бог на душу положит: широко, размашисто и тогда все будет на своих местах. Любите не только краски (в них, как и в композиции, есть свое очарование), но и рисунок, форму. Оно скучновато, но на то нам дана воля. Не злоупотребляйте фотографией... Вот все, что могу Вам сказать на Ваше, повторяю, хорошее письмо. Вас уважающий Мих. Нестеров».

Картина «Шевченко в казарме» находится теперь в Украинском музее Т. Г. Шевченко. Литинский создал также серию портретов деятелей украинского искусства — Саксаганского, Паторжинского, Ужвий, Гната Юры и других. Сейчас художник работает над портретом С. А. Ковпака, трудится над большим полотном на тему о мире.

В своем желании не покидать строя художник всегда находит добрую поддержку советских людей. Так самый тяжелый недуг преодолевается радостью творчества.

И. Литинский. Этюд.

Они слышат учителя

В пяти километрах от подмосковного города Истры расположена небольшая деревушка Сокольники. На холме возвышается двухэтажное здание — школа для тугоухих детей.

Лес... Чистый живительный воздух... Сто пятьдесят детей живут и учатся в этом чудесном месте. Их направили сюда по путевкам Московского областного отдела народного образования после тщательной проверки состояния слуха и речи в дефектологическом институте.

С детьми занимаются педагоги, имеющие специальную подготовку. В микрофонных классах учащиеся без особого напряжения, через звукоусилительную аппаратуру, слушают каждое слово, слетающее с губ учительницы. Аудиометр (прибор для определения остроты слуха) фиксирует каждое изменение в состоянии слуха учащегося, и учитель использует малейшее улучшение.

Дети беззаветно любят свою школу. Рая Жигарева приехала из Смоленской области. Там она обучалась в третьем классе массовой школы. В результате менингита у нее ослабел слух. Тяжело переживала Рая это несчастье. И вот, попав в истринскую школу, она с жадностью продолжает учение. Рая слышит учителя, слышит, что

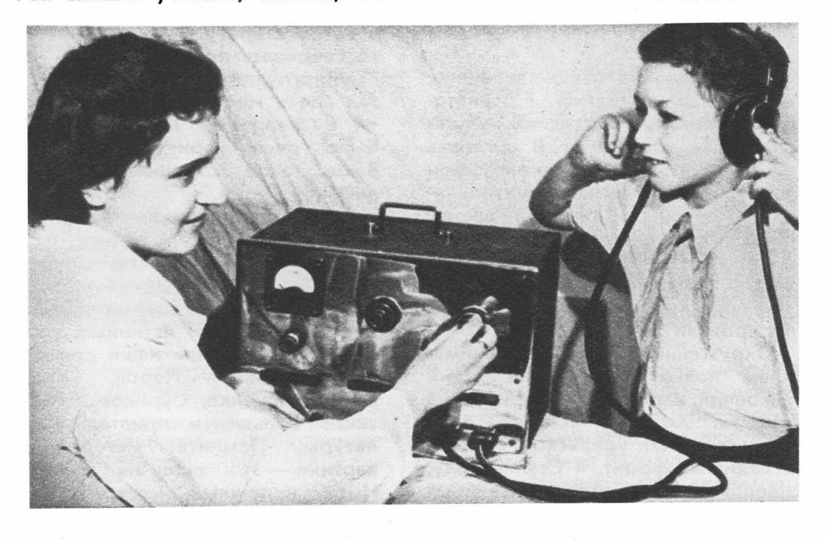
Перед началом занятий учительница М. С. Истомина призывает учеников к вниманию.

говорят одноклассники. Большая это для нее радость.

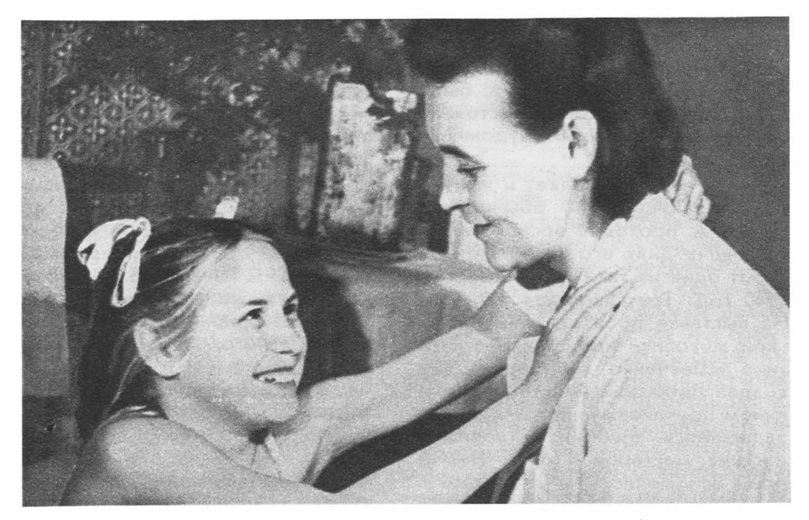
Разнообразно и занимательно проводят дети свой досуг. Они читают книги, столярничают, играют в шахматы, занимаются кройкой и шитьем, рисуют.

Школьники и их родители с большой теплотой говорят о коллективе педагогов и директоре В. Н. Зайцеве, посвятивших себя благородному делу воспитания детей.

Е. ПАВЛОВА

Хорошо ли слышит Витя Гаврилин? Учительница В. Я. Мирочник проверяет это с помощью аудиометра.

Пора спать! Рая Летникова прощается с воспитательницей Еленой Алексеевной Вернослов.

Фото Я. Буринского

БОЛЬШИ

Е. ШАТРОВ

Фото В. Лупейко

— Все в порядке? — спросил конструктор.

— В порядке! — ответил гонщик.

— Давай!

Водитель Алексей Амбросенков включил зажигание и запустил двигатель. Прислушиваясь к ровному, сильному гулу, конструктор взглянул на счетчик оборотов. Шесть тысяч в минуту! Но и этого было мало.

— Прибавь!

Гул стал еще слитнее, гуще... Стрелка счетчика подползла к цифре 7 000.

— Достаточно!.. Скорость теперь — 175 километров.

Инженер - конструктор А. И. Пельтцер имел в виду скорость, с какой мог бы мчаться автомобиль. Но двигатель стоял сейчас на испытательном стенде. В его ровное дыхание внимательно вслушивались не только конструктор и гонщик, но и каждый, кто находился в мастерской: инженер Гурский, механики Мамаев и Курчан, токарь Смирнов... Все они помогали создавать этот маленький, но необычайно сильный движок для автомобиля самого младшего спортивного класса.

Участвующие в гонках машины разделяются на несколько классов, подобно тому как штангисты, борцы и боксеры делятся на весовые категории. Соревнуются между собой автомобили, равные по классу, который определяется рабочим объемом цилиндров двигателя. У стоящего на стенде движка объем цилиндров не достигал и 250 кубических сантиметров. Даже у двигателя «Москвича» он почти в четыре с половиной раза больше.

Однако мотор-лилипут, будучи на четыре класса ниже мотора «Москвича», оказывался, по свидетельству приборов, вдвое его сильнее. Дело в том, что от объема цилиндров зависят лишь размеры двигателя, а не мощность в лошадиных силах.

Есть много возможностей повышать мощность двигателя, не увеличивая цилиндров. Конструкторы гоночных автомобилей используют эти возможности, чтобы добиться от машины наилучшей скорости в своем классе.

Двигатель рассчитывается на питание специальными видами топлива, более эффективными, чем простой бензин. В карбюратор горючая смесь не всасывается, а подается нагнетателем в сжатом, как бы спрессованном виде. Внимательно пересматривается каждый агрегат, каждый узел двигателя. Многое переделывается, разрешается по-новому. До максимальной точности доводится малейшая деталь.

Все усилия конструкторов направлены к тому, чтобы извлечь из топлива как можно больше полезной механической работы, избежать потерь энергии на трении в самом двигателе.

И вот уже из двигателя как будто бы выжато все. Но на пути от коленчатого вала к ведущим колесам автомобиля полученная механическая энергия может понести потери от несовершенства системы силовой передачи. Значит, приходится совершенствовать, улучшать и эту систему. Опять перед конструкторами множество технических задач! А когда мощность двигателя с минимальными потерями передана колесам, появляются новые проблемы: устойчивость... шины... сопротивление воздушного потока. Комплекс вопро-

«Звезду» готовят к очередному заезду. Механик В. М. Курчан вручает А. П. Амбросенкову рулевое колесо.

Е СКОРОСТИ

Гоночный автомобиль «Звезда» на старте.

сов, с которыми приходится сталкиваться создателям скоростных машин, огромен!

Казалось бы, всякую гоночную машину можно бесконечно совершенствовать и улучшать, добиваясь от нее повышения скорости. Но это не совсем так. На самом деле больше возможностей для новых творческих поисков у конструкторов машин младших и средних классов. Скоростные рекорды, достигнутые на автомобилях старших классов, не представляют уже особого практического интереса.

Пять лет назад англичанин Д. Кооп построил машину с объемом цилиндров свыше 8 тысяч кубических сантиметров и оснастил ее двумя авиационными моторами. Для испытания такой машины не нашлось подходящей дороги во всей Европе. Пришлось везти автомобиль за океан и испытывать на дне высохшего соляного озера, которое отличалось идеально ровной поверхностью. Скорость была достигнута — свыше 600 километров. Водрузи Кооп на свою машину еще один авиамотор, она пошла бы и быстрей. Но что проку от этого? Поиски же скоростных резервов, скрытых в конструкциях машин меньших литражей, дают ценный материал для практики транспортного автомобилестроения. Вполне закономерно, что в последние годы борьба за мировые рекорды обострилась именно между машинами младших классов. В этой борьбе участвуют и спортсмены Советского Союза.

В 1946 году инженер А. И. Пельтцер сконструировал гоночную машину «Звезда» с объемом цилиндров до 350 кубических сантиметров. На этом автомобиле мастера спорта гонщики А. Н. Понизовкин и П. П. Баранов четыре раза превышали мировые рекорды.

Теперь «Звезду» готовили к новым рекордным заездам. Это ее миниатюрный движок спокойно и сильно гудел на испытательном стенде. Но ныне у «Звезды» уже не один, а три двигателя объемом до 250, 350 и 500 кубических сантиметров. Каждый двигатель можно быстро заменить другим, давая возможность машине выступать в трех различных классах.

«Звезда» обзавелась целым «семейством» однотипных двигателей за последние полтора года. Работа по дальнейшему ее совершенствованию велась это время в Научно-исследовательском автомобильном и автомоторном институте. Здесь создано бюро скоростных машин. У главного конструктора бюро А. И. Пельтцера есть много помощников. «Звезда» приобретает все новые качества.

Много сделал для этого инженер С. М. Гурский, большой энтузиаст автомобильного спорта. Много труда вложил в двигатели машины и ее электрооборудование превосходный механик Е. Н. Мамаев. Не считаясь со временем, забывая об отдыхе, готовили «Звезду» к выступлениям А. А. Тихонов, А. П. Амбросенков, Ф. И. Строганов, А. П. Смирнов и другие работники конструкторского бюро и его мастерской.

Наконец, последние испытания закончены. Амбросенков бережно снимает со стенда самый маленький из двигателей, таящий в себе мощь пятидесяти лошадиных сил.

— Хороша штучка! — говорит он и вдруг оборачивается к главному конструктору: — Александр Иванович! А правда, что этот самый Лурани — итальянский граф?

Лурани — фамилия итальянского гонщика, которому принадлежит мировое достижение на одном километре с хода для машин класса до 250 кубических сантиметров.

— Правда! — отвечает Пельтцер.— Самый настоящий, потомственный граф!

Амбросенков усмехается и говорит:

— А я потомственный шофер... Батька тоже баранку крутил!

Старший механик Алексей Амбросенков — испытатель и гонщик «Звезды». Этот рослый, сильный, спокойный человек обладает большой выдержкой и замечательной способностью хорошо чувствовать поведение машины. У него немалый опыт гонщика. Недавно Амбросенкову присвоили звание мастера спорта.

Во второй половине мая «Звезду» вместе с гонщиком, представителями института и обслуживающим персоналом отправили в Минск, где должны были происходить мотоциклетные и автомобильные состязания.

В таблице всесоюзных рекордов пока еще не было рекорда для машин класса до 500 кубических сантиметров на дистанции 50 километров. Этот рекорд и предстояло установить Алексею Амбросенкову, превысив так называемый «исходный норматив». Норматив высок — дистанцию надо пройти быстрее чем за 20 минут.

— Ну, удачи тебе, Алексей! — говорили товарищи, когда гонщик садился в машину.— Смотри, за всех нас выступаешь!

Как всегда, ровно и сильно загудел двигатель. Слева мелькнул флажок судьи-стартера. Длинная асфальтовая лента дороги бросилась под колеса «Звезды».

Переключив скорости и прибавив оборотов, Амбросенков приник к рулю. Нет, не только приборы показывали, что «Звезда» шла отлично. Гонщик чувствовал это всем своим телом, слившимся с машиной.

Серая лента асфальта все рвется и рвется под колеса, и попрежнему ровно гудит мотор, и попрежнему крепко, уверенно сжимает руль Амбросенков. И вот уже 50 километров позади. Пройдены они за 19 минут 9,5 секунды. Норматив значительно превышен. Средняя скорость на дистанции — 156,5 километра в час — близка к мировому рекорду (159,8 километра).

А на другой день, когда на «Звезде» установили двигатель, имевший объем цилиндров до 250 кубических сантиметров, Алексей Амбросенков сразился с графом Лурани.

Километровую дистанцию надо проходить в одну и другую стороны. Засчитывается средний результат. Уже во время разгона Амбросенков довел обороты двигателя до 6 500. Маленькой серебристой торпедой промелькнул автомобиль перед судьями. Потом промчался обратно.

На старт сообщают по телефону, что установлен еще один всесоюзный рекорд. Достигнута скорость 164,6 километра в час. Но это на пять километров меньше мирового достижения.

— Сделаю вторую попытку! — сказал Амбросенков стоящему рядом Пельтцеру.

— Пойдем на вторую попытку! — позвонил конструктор судьям.

На этот раз Амбросенков довел количество оборотов до 6 900 в минуту. Двигатель выдержал и отдал все, что мог, колесам. Скорость оказалась 175,5 километра в час. Мировое достижение на километровке с хода перешло к спортсменам Советского Союза.

...Автомобиль «Звезда» сейчас снова стоит в мастерской. Опять проверяются его двигатели, опять шлифуется каждая деталь, опять конструкторы решают десятки вопросов, связанных в итоге с одним — со скоростью. «Звезду» готовят к новым рекордным заездам.

Готовят свои машины к очередным скоростным состязаниям и другие автомобилисты Москвы, Харькова, Горького. Среди них много не только отличных гонщиков, но и конструкторов-любителей, талантливых самородков, для которых поиски еще затерявшихся в моторах скоростей являются прекрасной практической школой.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Семья Журбиных

Благородна тема, которую выбрал ленинградский писатель В. Кочетов для своего нового романа «Журбины», и благородна художественная идея, положенная в основу этого произведения. Книга посвящена послевоенной жизни советского рабочего класса и представляет собою своеобразную «семейную хронику», где показана история одной рабочей семьи, трех ее поколений.

Огромное достоинство и принципиально важная особенность романа В. Кочетова состоит в том, что автор сумел не только правдиво изобразить производственную, трудовую деятельность своих героев, но углубленно и широко раскрыть их богатый внутренний мир, разносторонние культурные запросы, быт советского рабочего, новые этические и моральные нормы, складывающиеся в этом быту. Роман показывает, как на современном этапе развития нашей действительности все более разительные победы одерживает в производственной жизни коммунистическое отношение к труду и как множатся черты коммунизма в быту советских людей. Развитие действия, развитие характеров героев показаны в борьбе нового и старого, в преодолении реальных жизненных конфликтов, противоречий. Все эти качества ставят роман «Журбины» в ряд лучших книг, написанных о советском рабочем классе.

В представителях семьи кораблестроителей Журбиных автор выделил немало черт, сообщающих им индивидуальную характерность, и в то же время в мастерском художественном обобщении объединил типические свойства, присущие передовому советскому рабочему наших дней. «Великая сила Журбины»,— говаривал иной раз самому себе директор завода, где трудилась вся рабочая «династия» Журбиных, и при этом «думал о чем-то таком, что невозможно ограничить рамками одной семьи, о чем-то огромном, гигантском, что владеет судьбами мира, судьбами всего человечества». И Антон Журбин, говоря о семейной гордости Журбиных, подразумевает «всех Журбиных сразу»: и «тех, которые Степановы», и «тех, которые Васильевы...»

Несколько переплетающихся между собой линий составляют основу сюжетного развития романа. Главная из них связана с осуществлением плана реконструкции завода. Этот план, в разработке которого видную роль сыграл инженер-технолог Антон Журбин, «пронизан стремлением перевести труд кораблестроителей в новое качество, которое было бы созвучно эпохе великих строек коммунизма». Этот план вызывает необходимость растить «мастеров коммунистического труда, мастеров владения машинами и механизмами», перейти на новую, более высокую ступень организации и производительности труда.

Важные проблемы встают перед каждым из Журбиных, среди которых мы видим людей различных профессий кораблестроительного дела. Брат Антона Виктор, стахановец-модельщик, изобретает при помощи инженеров новый станок, за который правительство удостаивает его Сталинской премии. Другой их брат, тоже стахановец, Алексей, переквалифицируется из клепальщика в сварщика. Молодое поколение семьи Журбиных все время учится, все время идет вперед в своем развитии.

Не отстает от молодежи и глава семьи, Илья Матвеевич Журбин. Жизнь заставила искусного мастера, начальника стапельного участка, понять, что нельзя придерживаться способов работы по старинке, надеяться только на «нутро» рабочего-самородка, только на практический опыт прославленного «умельца». Надо овладевать знаниями, наукой. И этот гордый, упрямый старик потихоньку от семьи принимается за настойчивую учебу. Ему, как и Алексею, помогает в этом молодой инженер Зинаида Павловна Иванова, чей образ также с большой симпатией обрисован автором.

Характеры основных героев показаны в преодолении реальных конфликтов, возникающих в процессе развития нашей действительности. Разрешать эти конфликты помогает им заводской коллектив и семья. Это замечательно раскрыто писателем в образах Ильи Матвеевича, Алексея и других.

Большое достоинство романа в том, что автор правдиво изобразил и те трудности, противоречия, которые возникают в семейной жизни Журбиных. Невеста Алексея, Катя Травникова, ушла от него, обманутая пустым, фальшивым человеком, который впоследствии бросил молодую женщину, узнав, что она ждет ребенка. Проникновенно написаны страницы, где говорится о трудных раздумьях Алексея, о возвращении Кати. Несколько не дорисованы в начале характер Лиды, жены Виктора, и причины их взаимного отчуждения, но хорошо изображено зарождение светлого, прочного чувства Зины Ивановой и Виктора.

Полюбятся читателю проникнутый большой теплотою образ деда Матвея, образ самой молодой из Журбиных — школьницы Тони, старого мастера Басманова.

Перед нами живые герои наших дней, люди широкого кругозора, принципиальные в отношениях друг к другу, высоко требовательные к себе и другим, непрестанно растущие духовно, движущиеся вперед, воспитанные большевистской партией, всем строем советской жизни.

Создавая эти правдивые, реалистические образы, автор многим из них придал выразительные черты психологического портрета и своеобразие речи.

Роман В. Кочетова «Журбины» — одно из наиболее содержательных и интересных произведений, появившихся в этом году.

Всеволод Кочетов. Журбины. Роман. «Звезда» №№ 1—2, 1952.

Ю. ЛУКИН

ПУТЬ К СЕРДЦУ НАРОДА

Петро ГЛЕБКО

Минуло десять лет со дня смерти Янки Купалы, а написанные им строки звучат по-прежнему свежо и горячо. Этим летом исполняется также 70 лет со дня рождения поэта. Память о Янке Купале не увядает. Именем Купалы названы пятнадцать колхозов в Молодечненской, Барановичской, Полоцкой и Гродненской областях. Имя его присвоено многим белорусским школам и библиотекам. Это имя носит старейший театр республики. А рядом с театром, в центральном сквере Минска, возвышается памятник поэту.

Гитлеровские захватчики сожгли дом Янки Купалы в Минске и дачу поэта в Левках, возле Орши; они уничтожили его рукописи, книги, письма. Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии и правительство республики приняли меры, чтобы собрать уцелевшие материалы, и вынесли решение о создании Литературного музея Я. Купалы.

Подготовка к организации музея началась еще в 1942 году. А когда Минск был освобожден, в план восстановления первоочередных городских объектов было включено и создание Музея Янки Купалы. Возглавила эту работу вдова покойного поэта В. Ф. Луцевич. В 1945 году музей был открыт.

В музее среди материалов о детских и юношеских годах поэта есть карта Белоруссии, исчерченная в разных направлениях. Это пути скитаний Я. Купалы в поисках работы и куска хлеба. Единственным утешением его в те дореволюционные годы были светлые, зовущие к борьбе за лучшую жизнь произведения Некрасова, Шевченко, Горького...

Янка Купала смело и решительно стал на путь борьбы за счастье народа. Уже в первом своем стихотворении, «Мужик», напечатанном в 1905 году, он с гордостью заявил о высоком человеческом достоинстве простых тружеников.

Глубоко отображая жизнь и ту правду, которую искал и за которую боролся народ, стихи Купалы нашли горячий отклик в сердцах трудящихся.

«Знаете ли вы белорусских поэтов Коласа и Янку Купала? — писал в 1910 году русскому литератору А. Черемнову Горький. — Я недавно познакомился с ними — нравятся. Просто, задушевно и, видимо, поистине народно».

В статье «О писателях-самоучках» М. Горький назвал переведенное им на русский язык стихотворение Я. Купалы «А кто там идет» «красноречивой и суровой песней». В музее хранится экземпляр купаловского стихотворения «Лен», на котором рукой А. М. Горького написано: «Славно. А. П.».

В стихотворении «Еще будет весна», написанном в 1908 году как непосредственный отклик поэта на разгул реакции, Я. Купала писал:

«Еще будет весна! Еще будет!»

Временное поражение революции не поколебало его веры в приход свободной, счастливой жизни.

Успехи советского народа, который под руководством партии Ленина — Сталина осуществил всемирно-исторический переворот и начал на социалистических началах перестраивать свою страну, вдохновили поэта на новые песни.

Я. Купала вновь отправляется в путь по родной стране, чтобы лучше узнать облик нового человека — строителя социализма. Мы встречаем поэта в Могилеве, Смоленске, Витебске, Орше, Борисове. Мы видим его на Днепрогэсе и в колхозах Полесья. Он выступает в рабочих клубах Москвы и Ленинграда, Минска и Харькова, беседует с рабочими «Красного путиловца», принимает участие в посевной кампании в совхозе имени десятилетия БССР... Образ Родины в послеоктябрьских стихах Я. Купалы встает как образ богатой индустриально-колхозной страны, народы которой сплочены нерушимой братской дружбой.

Поэт выступал как горячий борец против фашизма и войны, за мир и сотрудничество народов. В Музее Купалы хранятся многочисленные образцы листовок со стихами поэта. Такие листовки в сотнях тысяч экземпляров распространялись среди населения оккупированной Белоруссии.

Янка Купала не дожил до победы советского народа над фашистскими варварами. Но он предвидел эту победу, звал к ней и верил в нее.

Творчество Я. Купалы — пример высокого служения народу в дни его великой борьбы и в дни победы, ибо поэт прошел весь свой суровый и радостный путь с единственной думой о благе Родины. Это был путь к большому, любящему сердцу народа. Он сохранит песни поэта и память о нем на долгие и долгие годы.

Минск
Янке Купала.
Сердечный привет ~~[illegible]~~ неутомимому соратнику, поэту рево
люционеру
М. Горький

А. М. Горький — Я. Купале в дни 30-летия творческой деятельности поэта. (1935 год.)

Изобретатель электрического освещения

К 80-летию первой патентной заявки А. Н. Лодыгина

В 1872 году Александр Николаевич Лодыгин обратился в департамент торговли и мануфактур с ходатайством о выдаче ему привилегии на изобретенный им оригинальный способ электрического освещения лампами накаливания.

Несмотря на то, что ему исполнилось всего двадцать пять лет, он проявил себя как одаренный изобретатель в различных областях техники.

В том же году, когда Лодыгин подал первую патентную заявку на «фонарь для накаливания проводников током», он предложил «аппарат для электрического отопления». В отзыве академика Б. С. Якоби (хранится в архиве Академии наук СССР) об этом предшественнике хорошо знакомых нам электронагревательных приборов говорится, что оно «новое и, сколько мне известно, нигде не описанное».

А. Н. Лодыгин (1847 — 1923). Известны всего два портрета Лодыгина. Первый напечатан в 1900 году в книге «Очерк работ русских по электротехнике», второй — в 1923 году в журнале «Электричество». Впервые публикуемая нами фотография относится к более раннему периоду жизни изобретателя электрического освещения.

Якоби давал заключение и на лодыгинский способ электрического освещения. В документе, выдержки из которого мы публикуем впервые, подчеркивается, что способ русского изобретателя «не только нигде не был применен, но и даже не был описан». Далее Якоби указывал:

«Десятилетняя привилегия на способ и аппарат электрического освещения, изобретенный дворянином Александром Лодыгиным, может быть выдана на электрическое освещение: улиц, общественных мест, площадей, общественных и частных зданий, сигнальных башен, маяков».

М. РАДОВСКИЙ

Геннадий БУХОНОВ

— Рябчики!!. Ну, скажите, пожалуйста, что это за охота! Бегай по лесу, выпугивай да стреляй. Нет, это не то... Размаха тут нет!.. А мы, русские люди, размах любим. Вот медведь, тигр!.. Тут-то и ум нужен, и сила, и сноровка, а главное — смелость! И при том же опасность! Уж тут кто кого! Это охота! А то рябчики!..

Так говорил старый охотник-медвежатник, когда мы, трое охотников, случайно сошлись в небольшой охотничьей избушке на склоне одной из таежных дальневосточных сопок.

— Ну, знаете ли,— обиделся мой товарищ, страстный охотник на рябчиков, — быстрота, сноровка, выносливость, сила на любой охоте нужны, а если хотите, то и на рябчиков охота опасна.

Медвежатник презрительно хмыкнул и начал дуть в крышку от котелка, где у него был чай. Допив, он снова налил полную крышку душистого чаю и с легкой насмешкой спросил:

— Ну что же опасного в этой вашей охоте?

Честь была задета, и Алексей (так звали моего товарища) рассказал следующее:

— Осенью, когда только что была разрешена охота на рябчиков, я бродил по мелколесью. Осинник сменяли мелкие елочки, а их — густые заросли орешника. В это время не всякий рябчик идет на манок. Самок на свист не приманишь. Не только не подойдет, а наоборот, засвистишь — бежит прочь. Шуршит лапками по листве, но как свистнешь,— бежит стремглав да все по кругу. Вот тут-то нужна и сноровка и выносливость, чтобы догнать птицу. Взлететь не взлетит, а в кустах стрелять нельзя.

Не то самец! Он в это время, если можно так сказать, бобыльствует и охотно отзывается на манок. Но ползти к нему надо осторожно. Если подойдешь в рост, ни за что не подпустит — улетит прочь — и потом не подпустит, хотя на свист и будет откликаться.

Охотился я так. Свистну в манок — откликнется рябчик; я сейчас на четвереньки и ползу на свист потихоньку. Метров пять проползу, свистну; ответит — опять ползу. Когда по голосу слышу, близко рябчик, я сажусь за пенек или за деревцо и посвистываю. Вот ему невтерпеж станет, захочется посмотреть, кто же это свистит. Взлетит на ветку и смотрит, а я уж наготове. «Бах!» — и пожалуйте в сумку. Да... Уже с десяток убил я птиц, а все самцы.

Ну вот, ползу я на свист, а кусты орешника частые; свистит близко да с этакими переливами, каких я и не слыхал еще. Думаю, самка это, видно, отзываться начала. Ишь, как поет!.. Так по звуку подполз я уже метров на десять, в кустах свистит. Прилег за бугорок, взвел курки. Манок в зубах держу, время от времени подаю голос. Отзывается, да так складно! А взлететь — не взлетает! Надоело мне лежать. Думаю: привстану, пугну, взлетит,— а я наготове буду. Ружье к плечу, мушку поймал, палец на спуске, чуть что живое — пальну. Подымаюсь медленно, а против меня, в кустах, вихрастая голова! И ружье в меня целит. Оторопел я... Подымаюсь выше, и голова подымается. Свистнул я, и она свистит. Опустил я ружье, и голова опустила старенькую этакую берданку. И тут вижу я, что мой рябчик — это паренек лет семнадцати.

— Ты свистел? — закричал я.

— Ну, я... А откликался ты?

— Я!

— Ишь ведь, а я ведь чуть тебе заряд в лоб не пустил! Вижу, шевелится что-то, разве поймешь в кустах-то...

Похолодел я, ведь тоже чуть и я не выстрелил, вот был бы «рябчик»!

— Ну, что, убил чего? — спросил паренек, виновато улыбаясь.

— Убил. А ты?

— Четырех вот кокнул.— И он показал на торчащие из карманов хвосты.

— Ну, будь здоров!..

— Бывайте...

И, посвистывая с этакими переливами, он пошел в одну сторону, а я в другую.

Вот, а вы говорите тигры, медведи... Ан и на рябчиков, выходит, охота опасна.

Мы допили чай, улеглись на ложе из мха и вскоре все трое крепко спали.

Лось в Москве

17 июня сотрудники Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева были удивлены, увидав на полях селекционной станции лося.

Необычный гость спокойно пасся на посевах станции и безбоязненно смотрел на приближавшихся людей. Не без труда его удалось прогнать с опытных делянок. К середине дня он перебрался на другой участок и улегся отдыхать в посевах озимой пшеницы, недалеко от студенческих общежитий.

Года три — четыре назад в районе Останкина самец-лось несколько дней пасся вместе со стадом коров. Известны и другие подобные случаи.

А. СЕЛАВРИ,
П. ПРЯДИЛЬЩИКОВ

Вязанье

АЖУРНАЯ БЛУЗКА С ОБОРКАМИ

Материал: 250 граммов бледноголубой шерсти. Спицы № 3.

Первый ряд: ★ две лицевых, один накид, одну петлю снять непровязанной, одну петлю провязать налицо и протянуть ее через снятую петлю. Повторять от ★ до конца ряда.

Второй ряд: ★ провязать наизнанку одну петлю и накид, за ней следующий, сделать новый накид, снять одну петлю непровязанной, провязать следующую петлю наизнанку и протянуть ее через снятую петлю. Повторять от ★ до конца ряда.

Чередовать эти два ряда.

Оборка вяжется на девяти петлях.

Первый ряд: три лицевых, из трех следующих петель провязать налицо сначала третью петлю, затем вторую и первую и все петли сбросить со спицы, три лицевых.

Второй ряд: три лицевых, три изнаночных, три лицевых.

Чередовать эти два ряда.

Спинка связана чулочной вязкой.

Э. ЛАЗЕБНИКОВА

КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ ФОТОСНИМОК ЧИТАТЕЛЕЙ «ОГОНЬКА» на тему «Труд и быт советских людей» по просьбе ряда читателей продлен до 1 сентября 1952 года.

В конкурсе могут участвовать все читатели «Огонька» — фотолюбители и фотокорреспонденты газет и журналов.

За лучшие фотоснимки будут присуждены премии:

одна первая премия — 2 500 рублей и годовая подписка на «Огонек» с приложениями;

две вторых премии — по 1 500 рублей и годовая подписка на «Огонек» с приложениями;

четыре третьих премии — годовая подписка на «Огонек» с приложениями.

На конкурс принимаются черно-белые и цветные репортажные или жанровые фотоснимки, сделанные в 1952 году и показывающие труд и быт советских людей.

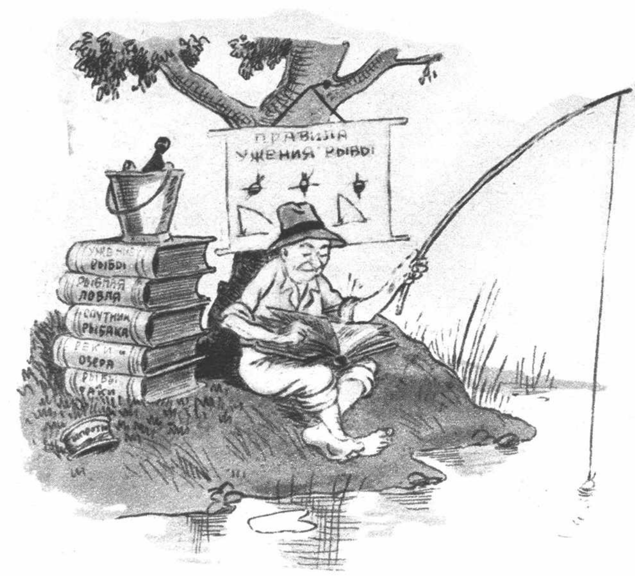
Лучшие снимки из поступивших на конкурс публикуются в журнале. За опубликованные снимки оплачивается обычный гонорар, независимо от присуждения премий.

На конкурс представляются черно-белые и цветные негативы любого формата с одним черно-белым контрольным отпечатком размером не менее 10×15. Представление цветных отпечатков необязательно.

К каждому фотоснимку должна быть приложена подробная, тщательно проверенная подпись, в которой указываются место (село, район, область) и дата съемки, название предприятия, колхоза, учебного заведения и т. п., фамилии, имена и отчества изображенных на снимке людей и другие сведения, дающие полное представление о событии, о людях.

В подписи необходимо сообщить краткие сведения об авторе снимка и адрес.

Снимки следует посылать по адресу: Москва, ул. «Правды», 24, редакция журнала «Огонек», фотоотдел — с припиской: «На конкурс».

Об уженье рыбы

...Пробка, проткнутая тростинкой, танцует на зеркале пруда, как смешная заводная игрушка, и вдруг скрывается под водой. Юный рыбак, рванув удилище двумя руками, выбрасывает через голову на изумрудную траву золотистого карасика.

...У седовласого, солидного, как профессор, рыболова расставлено веером у обрывистого берега широкой реки несколько удочек с лаковыми бамбуковыми удилищами. Точно воткнутые в воду, расположились полукругом длинные белые, из гусиных перьев поплавки. Вот один из них приподнялся, покачнулся и лениво упал на воду. На натянутой до звона прозрачной лесе из сатурна — вот-вот оборвется — кругами ходит какая-то солидная рыбина. Через минуту в ловко подведенный удильщиком подсачник тяжело плюхается лещ — огромный, медный, как солнце на закате...

Вы случайный свидетель этих рыбацких удач... И вот «в один прекрасный день» рано утром вы смущенно устраиваетесь на берегу среди местных ветеранов рыболовного спорта. В руках у вас неуклюжая ольховая жердь, долженствующая изображать «прочное» удилище, с грубоватой «готовой» — купленной в магазине культтоваров — снастью. И, конечно, консервная банка, набитая жирными, «в палец», червями.

...Вскоре вы неожиданно для себя выбрасываете на берег полосатого красавца-окуня. Кончик «надежного» удилища треснул. И пусть никакая рыбешка больше не прельщается вашей аппетитной насадкой, но... вы уже во власти охотничьего азарта. Безостановочно продолжаете «хлестать» удочкой по воде, бродя по берегу дотемна. Повторяете это «физкультурное упражнение» с таким же «успехом» на другой день, на третий. Обескураженный, вы решаете написать в редакцию, пожаловаться на свое «невезение», узнать рецепт «верного» успеха.

Таких рецептов, конечно, не существует, но кое-что полезное для начинающего удильщика, так сказать, техминимум, постараемся кратко изложить.

РЫБОЛОВНЫЕ СНАСТИ

Если не удастся достать бамбук, то вполне приемлемы для удилища и тонкая, ровная березка, орешник или можжевельник. Очистите деревцо от коры, кроме тонкого кончика, и в течение недели — двух провяльте на воздухе (в тени), подвесив его за толстый конец, а к тонкому привязав груз. Удилище должно быть легкое, гибкое, но достаточно прочное.

Лучшая леска — сатурн, хороши также лесы из плетеного конского волоса или шелка. Чем леса тоньше и незаметнее в воде, тем больше шансов на клев. Универсальные крючки для начинающего средних размеров: №№ 7, 8, 9. При уженье на мотыля, муравьиные яйца и другие нежные насадки используйте очень мелкие или «мотыльные» крючки. Крючок надо прикреплять не прямо к леске, а к поводку, то есть к более тонкой леске (лучше всего к тонкому сатурну), длиною от 0,5 до 1 метра. Хорошее грузило: две—три дробинки на расстоянии в 10—20 сантиметров от крючка. Неплохо удить на два крючка: один на дне или около дна, другой на 5—10 сантиметров выше грузила. Поплавок лучше небольшой, легкий — из пробки или древесной коры, целлулоидовый, птичье перо. При уженье на сильном течении на донную, а также при ловле на живца соответственно увеличивается вес грузила, берется более солидный наплав. При ловле на живца или лягушонка сатурновый поводок замените металлическим, из струны, и поставьте крючок-двойник.

НАСАДКА

Наиболее распространенная насадка — червяк; весной и летом навозный (при уженье крупной рыбы, например, лещей, на крючок насаживают клубок из нескольких червячков); осенью удят на земляного червя или выползка. Белые рыбы (плотва, язь, лещ) лучше клюют на хлебный мякиш, различные каши, сваренные тестообразно, распаренные зерна и горох, иногда на сыр, вареный картофель. Из универсальных насадок наряду с червем следует испробовать мотыля (личинка комара), опарыша (личинка мясной мухи), ручейника, муравьиные яйца, куриные кишки.

Летом, особенно под вечер, многие рыбы охотнее всего берут с поверхности воды на различных насекомых (стрекозы, кузнечики, бабочки, жуки, мухи). Наблюдайте, какие насекомые (или личинки, слизняки, водящиеся на ветвях и листьях деревьев у воды) падают на воду и поедаются рыбами. С начала лета некоторые рыбы клюют на зелень, которую нетрудно найти в водоемах на сваях, камнях. В период линьки раков они великолепная насадка при уженье многих рыб. Ловят на очищенные от скорлупы клешни или шейки раков, иногда и на целых рачков.

Для усиления клева полезно в месте уженья за несколько дней до лова опустить приваду: мешочек из мешковины с кашей или ржаными сухарями. Непосредственно перед ловом разбросать прикормку (каша, хлеб, обрывки червей). Многие запахи привлекают рыб и усиливают клев; полезно хлеб или кашу, служащую насадкой, сдобрить конопляным или льняным маслом с добавлением в него немного анисовых, мятных или лавровишневых капель. Хорошо таким же составом смочить мох в банке, в которой хранятся черви. Я с успехом удил карасей, «надушив» приманку камфорой. В хлебные и тестяные насадки можно также примешать творог и мед.

«ВСЕ НАОБОРОТ»

Как выбрать место для уженья? Вопрос немаловажный для успеха лова. Существует свод правил, которые в свое время мой наставник — опытный рыбак — назвал «Все наоборот».

В узкой реке — расширяющиеся места. В широкой — узкие. В глубоких водоемах — отмели; в мелких — омуты. В стоячей воде — протоки; в текущей — затоны, заливы. В заросших травой озерах и прудах — чистые «окна»; в чистых озерах — у трав, у прибрежного кустарника...

Но нет правил без исключения. В незнакомых водоемах по возможности надо проинструктироваться у опытных местных любителей рыболовного спорта.

Лучшее время уженья летом — рано утром, едва забрезжит рассвет, или на вечерней зорьке. Часто летом хороший клев всю ночь.

В холодные, пасмурные дни, а также ранней весной и поздней осенью рыба хорошо берет днем.

НЕ КЛЮЕТ...

«Техминимум» вы полностью освоили, приобрели необходимые технические навыки и сноровку, а... рыба все же упорно не хочет знаться с вами. Очень огорчительно! Что делать?..

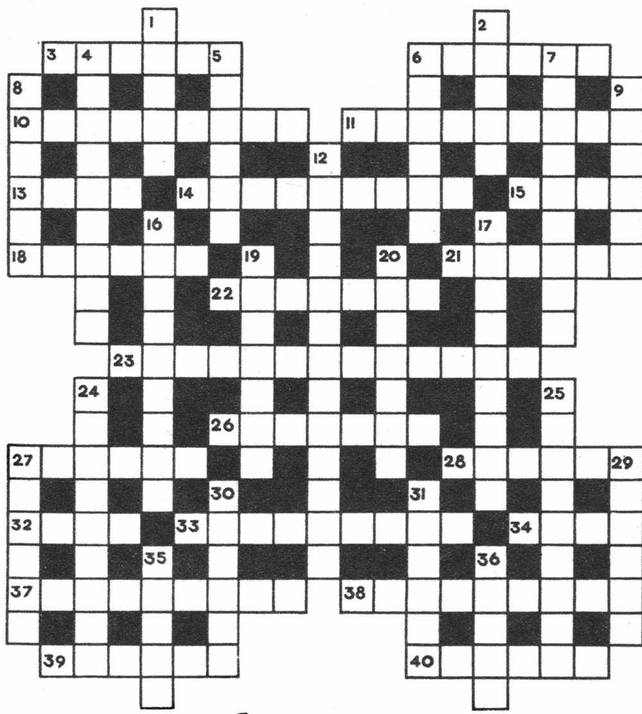
Если вы уверены, что рыба в данном водоеме есть, попробуйте ловить ее на разной глубине, поднимите или опустите поплавок. Перемените насадку и место лова, побродите по берегу в поисках нового места, старайтесь забрасывать удочку из-за укрытия. Ничего не помогает!.. Возможно, что предстоит резкая перемена погоды. Придется прийти на берег, когда непогода пройдет.

Но будем надеяться, что теперь «везение» чаще будет вашим спутником, что вы захотите продолжать это здоровое занятие и в будущем году, перейдя, быть может, на наиболее спортивные виды уженья — нахлыстом, на спиннинг... Тогда вы обратитесь за советом к специальной литературе.

Желаем успехов.

Н. НИКОЛАЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Трагедия Гете. 6. Разновидность проса. 10. Помещение для занятий в высшем учебном заведении. 11. Перегрузка. 13. Город во Франции. 14. Договор, соглашение между государствами. 15. Документ на получение денег. 18. Автор романа «Строговы». 21. Диаметр канала ствола орудия. 22. Рабочий, обслуживающий топки котлов. 23. Подъем духа, увлечение. 26. Документ на право входа. 27. Известный венгерский шахматист. 28. Кусок отлитого металла. 32. Видимое над землей пространство. 33. Прибаутка перед началом сказки. 34. Горная порода, содержащая металл. 37. Напевная речь. 38. Вид выключателя. 39. Помещение для выращивания ранней зелени, овощей. 40. Точка зрения, с которой предмет, понятие, явление воспринимаются в данное время.

По вертикали:

1. Курорт. 2. Верхний слой земной коры. 4. Специалист по изучению вод земной поверхности. 5. Сосуд для хранения жидкостей и пищи при постоянной температуре. 6. Приправа к кушанью. 7. Народная артистка СССР. 8. Пьеса Б. Лавренева. 9. Места в зрительном зале. 12. Машина, поднимающая землю со дна водоемов. 16. Краткое народное изречение. 17. Точное воспроизведение почерка, подписи. 19. Музыкальная пьеса, составленная из разнообразных отрывков. 20. Старший рабочий на печатной машине в текстильном производстве. 24. Персонаж из «Мертвых душ». 25. Лицо, работающее в учреждении, организации. 27. Прием, привычка. 29. Материал для придания цвета. 30. Река, впадающая в другую реку. 31. Знак препинания, математический знак. 35. Строфа стихотворения с законченным синтаксическим периодом. 36. Головной убор.

Ответы на кроссворд, помещенный в № 27

По горизонтали:

5. Рудокоп. 8. Чигорин. 9. Решение. 10. Алоэ. 12. Стук. 13. Благодарность. 14. Директор. 17. Верховье. 19. Задаток. 20. Радиатор. 21. Раковина. 23. Никитин. 25. Пакистан. 27. Запевала. 29. Автобиография. 31. Кино. 32. Емца. 33. Колонок. 34. Линейка. 35. Актиний.

По вертикали:

1. Кутаиси. 2. Короб. 3. Кость. 4. Циркуль. 6. Прогноз. 7. Зерашан. 8. «Человек». 11. Электричество. 12. Стихотворение. 15. Рубанок. 16. Рагозин. 17. Вокализ. 18. Винница. 22. Кислород. 23. Находка. 24. Наталка. 26. Алексин. 28. Ливадия. 29. Анкер. 30. Ямщик.

Их образ жизни

ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

«Боевиком» американского книжного рынка истекшей зимой была выпущенная издательством «Фридом» книга под названием «Руководство к вешанию». Сочинение это горячо рекомендуется каждой американской семье для домашней библиотеки.

Содержание этого «руководства» разъясняется в предисловии к нему: «Книга дает краткое, очень популярное изложение разных способов вешания и сообщает ряд интересных сведений о смерти, причиняемой путем пролома тыльной части черепа, удавления, удушения газами, обезглавления, расстрела, а также казни на электрическом стуле».

В этом номере помещены репродукция картины И. К. Айвазовского — «Туманное утро», четыре страницы фотографий скульптур М. М. Антокольского и три страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 04430. Подп. к печ. 1/VII 1952 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 500. Заказ 1575. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

У озера Рица.
Фото
Н. Драчинского

Министерство пищевой промышленности СССР
ГЛАВПАРФЮМЕР
Фабрики Главпарфюмера выпускают прекрасное по качеству мыло: „Банное", „Семейное" и „Яичное", изготовляемое из лучшего сырья. Эти сорта мыла заслуженно пользуются популярностью среди населения.
МЫЛО ЯИЧНОЕ
СЕМЕЙНОЕ ГОСТ 4385-41 ВЕС 100 г. МЫЛО
БАННОЕ МЫЛО ВЕС 100 г.
Д. Андреади